

2015/2

SIBERIA_LINGUA

Научный журнал Института филологии и языковой
коммуникации Сибирского федерального университета

ISSN 22227-6378

Учредитель – «Сибирский федеральный университет»

Siberia_Lingua: научный журнал Института филологии и языковой коммуникации СФУ

Периодичность – один раз в полугодие

Журнал зарегистрирован в Международном ISSN центре в Париже, регистрационный номер 22227-6378

Электронная версия журнала размещена на сайте Института филологии и языковой коммуникации СФУ

<http://ifiyak.sfu-kras.ru/node/719>

Контакты

Почтовый адрес 660047, Красноярск, пр. Свободный, 82А, оф.328
Редакция научного журнала
Siberia_Lingua

E-mail nauka_fil@mail.ru

РЕДКОЛЛЕГИЯ

Фельде Ольга Викторовна, д-р филол. наук (отв. ред.)

Анисимов Кирилл Владиславович, д-р филол. наук

Григорьева Татьяна Михайловна, д-р филол. наук

Гладилин Алексей Владимирович, канд. филол. наук, доцент (зам. отв. ред.)

Детинко Юлия Ивановна, канд. филол. наук

Евсеева Ирина Владимировна, д-р филол. наук

Ковтун Наталья Вадимовна, д-р филол. наук

Колмогорова Анастасия Владимировна, д-р филол. наук

Магировская Оксана Валериевна, д-р филол. наук

Тармаева Виктория Владимировна, д-р филол. наук

Журавель Тамара Николаевна

(отв. секретарь выпуска)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Боргоякова Тамара Герасимовна, д-р филол. наук (Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова)

Иванцова Екатерина Вадимовна, д-р филол. наук (Томский государственный исследовательский университет)

Ким Игорь Ефимович, д-р филол. наук (Институт филологии СО РАН)

Копнина Галина Анатольевна, д-р филол. наук (Сибирский федеральный университет)

Косяков Геннадий Викторович, д-р филол. наук (Омский государственный педагогический университет)

Куликова Людмила Викторовна, д-р филол. наук (Сибирский федеральный университет)

Панин Леонид Григорьевич, д-р филол. наук (Новосибирский государственный исследовательский университет)

Пекарская Ирина Владимировна, д-р филол. наук (Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова)

Сковородников Александр Петрович, д-р филол. наук (Сибирский федеральный университет)

Шарифуллин Борис Яхиевич, д-р филол. наук (Лесосибирский педагогический институт – филиал СФУ).

@ Сибирский федеральный университет, 2015

Оглавление

РУСИСТИКА	5
Бочкова А.С. ЗНАЧЕНИЕ ЦВЕТА В РУССКИХ ЛЮБОВНЫХ ЗАГОВОРАХ.....	5
Быльцова М.В. ФУНКЦИИ ПОДПИСЕЙ К ФОТОГРАФИЯМ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ	11
Видерас Фернандо РЕЧЕВОЕ ОБЩЕНИЕ ВОЛАНДА И ЕГО СВИТЫ С ОФИЦИАЛЬНЫМИ ЛИЦАМИ В РОМАНЕ М. А. БУЛГАКОВА «МАСТЕР И МАРГАРИТА».....	23
Гущина М.С. ЛИНГВОЦИНИЗМЫ В ПЕЧАТНЫХ СМИ: ЛИНГВОЭКОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	29
Кожина О.В. ИДИОГЛОССА <i>ЧЕЛОВЕК</i> В ДИСКУРСЕ А.А. ВОЗНЕСЕНСКОГО	34
Мануилова А.Е. СТИЛЬ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ОБЩЕНИЯ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ УЧИТЕЛЯ (НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗА А.П.ЧЕХОВА «СКУЧНАЯ ИСТОРИЯ»).....	42
Махракова М.И. ПОРТРЕТИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИНТЕРНЕТ-ФОРУМОВ)	52
Молодых Д.А. МЕМУАРЫ ГЕНЕРАЛА А. И. ДЕНИКИНА КАК ЛИНГВОПЕРСОНОЛОГИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК	62
Тахавеева Ю.В. АКТУАЛЬНЫЕ ЗАДАЧИ ИССЛЕДОВАНИЯ ТЕРМИНОВ И ТЕРМИНОЛОГИЙ РУССКОГО ЯЗЫКА	71
Финогенко О.В. ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИНФОРМАЦИОННЫХ ВОЙН (НА МАТЕРИАЛЕ ВЫПУСКОВ ЖУРНАЛА «ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА» ЗА 2014 г.).....	77
Шарова М.К. ЦЕННОСТНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ КАК СРЕДСТВО ВЫЯВЛЕНИЯ ГЕНДЕРНЫХ РАЗЛИЧИЙ КАТЕГОРИЗАЦИИ	86
Шпилова М. В. ГРАДУИРОВАННАЯ ОЦЕНКА И ЕЁ ХАРАКТЕРИСТИКА С ПОЗИЦИИ ЛИНГВОЭКОЛОГИИ.....	95
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ	107
Биктимиров В.Э. РЕЦЕПЦИЯ АНТИЧНОГО МИФА В ПЬЕСЕ П. ХАКСА «ПРЕКРАСНАЯ ЕЛЕНА»	108
Глазкова Ю.В. РАННИЕ РАССКАЗЫ М. ВЕЛЛЕРА СКВОЗЬ ПРИЗМУ МЕТАТЕКСТА	115
Киселева С.С. ОБРАЗ КНЯЖНЫ МАРЬИ В АРХЕТИПИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ (РОМАН Л.Н. ТОЛСТОГО «ВОЙНА И МИР»)	122
Степанова В.А. МИРОВОЗРЕНЧЕСКИЙ ДУАЛИЗМ В ПОВЕСТИ В. РАСПУТИНА «ДОЧЬ ИВАНА, МАТЬ ИВАНА».....	132
Ступакова Е. Ю. ПЕТЕРБУРГСКИЙ ТЕКСТ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ РОК-ПОЭЗИИ.....	140
Толстоноженко О.А. СИТУАЦИЯ ВХОЖДЕНИЯ ПИСАТЕЛЯ НАЧАЛА ХХ В. В СТОЛИЧНУЮ ЛИТЕРАТУРНУЮ СРЕДУ: ФОРМЫ ЛИТЕРАТУРНОЙ РЕФЛЕКСИИ И ПОВЕДЕНЧЕСКИЕ МОДЕЛИ АДАПТАЦИИ (М. ГОРЬКИЙ, И.А. БУНИН, Г.Д. ГРЕБЕНЩИКОВ, И.Е. ВОЛЬНОВ).....	152
Яночкина П. И. СЕМИОТИКА ГРАНИЦЫ В РАННЕЙ ЛИРИКЕ М. И. ЦВЕТАЕВОЙ: СКАЗКА КАК ИНОБЫТИЕ	163
ЯЗЫК И ЛИТЕРАТУРА В ПРОСТРАНСТВЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ	171
Алексеева А.А. ИГРЫ НА БУМАГЕ ДЛЯ РАЗВИТИЯ ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИХ НАВЫКОВ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ	171

Довлятова Ш.Т. ОПОРНЫЕ КОНЦЕПТЫ ФРАНЦУЗСКОГО ПАРФЮМЕРНОГО ДИСКУРСА.....	180
Дун Хайтао СРАВНЕНИЯ РОССИЯН И КИТАЙЦЕВ ДЛЯ ОПИСАНИЯ ЧАСТЕЙ ТЕЛА ЧЕЛОВЕКА: КУЛЬТУРНО-НАЦИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА.....	187
Крикливая П.В. КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ИМЕН В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ И РОССИЙСКИХ РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТАХ.....	193
Поддубняк А.А. ЛЕКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТА “ЭПИЧЕСКИЙ ГЕРОЙ” (НА МАТЕРИАЛЕ ДРЕВНЕАНГЛИЙСКОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ “БЕОВУЛЬФ”).....	201
Стаशिцина Ю.М. ОБРАЗ РОССИИ В ИСПАНСКИХ СМИ	212
Тихонова М.Н. МОДАЛЬНЫЕ ГЛАГОЛЫ КАК СРЕДСТВО РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ОБРАЗА РОССИИ В АМЕРИКАНСКИХ СМИ.....	226
Тургинев Е.В. ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ И ФРАЗЕОЛОГИЗИРОВАННЫЕ ВЫРАЖЕНИЯ В ДРЕВНИХ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ ИСТОЧНИКАХ (НА ПРИМЕРЕ ЗАКОНОВ ХАММУРАПИ).....	233
Уварова О.А. ТЕМАТИКА И ЦЕНТРАЛЬНЫЕ КОНЦЕПТЫ ИСПАНСКОЙ И АМЕРИКАНСКОЙ СОЦИАЛЬНОЙ РЕКЛАМЫ.....	245
ЖИВАЯ РЕЧЬ СТАРОЖИЛОВ СИБИРИ	255
Подготовка текстов к публикации Милиной А.А., Фельде О.В.	255
РЕЦЕНЗИИ	262
НАШИ АВТОРЫ	278

РУСИСТИКА

Бочкова А.С.*

ЗНАЧЕНИЕ ЦВЕТА В РУССКИХ ЛЮБОВНЫХ ЗАГОВОРАХ

This article deals with the color characteristics of peculiarities of the culture-specific concepts in the texts of Russian love-talks. Color characteristics of the material world is its important element. It is considered, that color in love-talks has some functions: it can be either a natural, symbolic characteristics of something, or a clichéd formula of color combination with any culture-specific concept.

Key words: semantics, color characteristics, love-talks, folklore.

Аннотация: В статье рассматриваются цветовые характеристики реалий мира в текстах русских любовных заговоров. Цветовая характеристика вещного мира является важной его составляющей. В работе излагается мысль о том, что цвет в любовных заговорах может выполнять определенные функции: это может быть естественная, символическая характеристика чего-либо, а также клишированная формула сочетания цвета с некоторой реальией.

Ключевые слова: семантика, колористика, любовный заговор, фольклор.

Цель данной работы заключается в выявлении семантики и сущности употребления цвета в текстах русских любовных заговоров. В качестве объекта исследования избрана семантика цвета, проявленная в словесной ткани заговорного текста. Предметом исследования являются тесты русских любовных заговоров, взятые из материалов фольклорных экспедиций Московского государственного университета 1953-1993 года под руководством В.П. Аникина.

* Научный руководитель – канд.филол.наук, доцент Сперанская А.Н. (Сибирский федеральный университет)

Методологической базой работы послужили исследования Т.В. Цивьян [2005], В.Н. Топорова [1980], А.Д. Шмелева [2005], Н.И. Толстого [1995], Ю.Д. Апресяна [2006].

Как известно, каждый естественный язык отражает определенный способ восприятия и организации мира. По мнению А.Д. Шмелева, выводы об особенностях русского видения мира позволяет сделать семантический анализ словарного состава национального языка, т.к., овладевая языком и, в частности, значением слов, человек одновременно «сживается с представлениями о мире». Эти представления «оказываются определяющими для ряда особенностей культуры, которая пользуется этим языком [Шмелев, 2005: 25].

В традиционной народной культуре цвет – один из элементов, при помощи которого создается модель мира, поскольку цвет приобретает постоянные символические характеристики, обычно дополняемые символическим значением реалий [Раденкович, 1989: 122].

Цвет в заговоре, безусловно, несет в себе определенную символику, отождествляется с реальной характеристикой данного объекта, либо же это часть определенной клишированной формы. В текстах заговоров нами было выделено всего девять цветов: белый, черный, бурый, красный, синий, зеленый, золотой, серый и русый.

Белый

Чаще всего в текстах заговоров встречается белый цвет. Белый цвет в славянской мифологии выполняет разные функции. С одной стороны, он связан с добрым, светлым, солнечным светом. В.В. Колесов в книге «Мир человека в слове Древней Руси» пишет, что церковным эквивалентом белого света является божий свет. То есть белый цвет – это символ всего священного, благого, чистого. Но с другой стороны, он причастен к миру мертвых, символизирует потусторонний мир, является символом смерти [Колесов, 1986: 224].

В русских любовных заговорах белый цвет используется при описании многих реалий, как в метафорическом, так и в прямом смысле. Белый чаще

всего выступает как метафорическое определение чистоты, или же как реальный цвет некоего объекта.

В основном, белый цвет в заговоре характеризует соматизмы, такие как:

1) **ТЕЛО:** *«Прилети, соколог, принеси мне, рабе Божьей, красоты, белизны и любезны, **белое тело**, черные брови, подколенные тонкие жилы...»;*

2) **ГРУДЬ:** *«Полетайте к нему, мои слова, как горячая стрела, прострелите ему **белую грудь**, черную печень, легкое, сердце, кровь горячую, вострые глаза, голову, мозга...»;*

3) **РУКИ:** *«Я, раба Божья Елизавета, возьму старого зайца **в белые руки**, выну ретивое сердце, бурую печень...»;*

4) **ЛИЦО:** *«По рабе Божьей стал бы тосковать. Глядел бы **в бело лицо**, очи ясные, брови черные...».*

Данные характеристики могут относиться как к человеку, который произносит заговор: *«Как уж я, млада, раба Божья Мария, вплавь доплыву, бёгом добегу, птицей долечу до того стоялого озера, ухвачу тот корень да крепкой рукой, отопью воды **да омою лицо белоё**, уста сахарны, сердце ретиво, всю красу девичью...»*, так и к объекту заговора: *«Ты усмотри, угляди раба Божьего (имя), подсеки резвые ноги, **опусти белые руки, расстреляй белую грудь**, черную печень, кровь горячую, вострые глаза, голову, мозга...».*

Белый акцентирует внимание на красоте того, кто произносит заговор или объекта заговора. В некоторых текстах красота участника заговора может быть охарактеризована при помощи сравнения с объектом, для которого белый является реальной цветовой характеристикой. Встречаются такие сравнения как: *«Будь, мое лицо, **как белое круглое яйцо**»*. Вероятно, такая характеристика лица говорит о гладкости и чистоте/белизне кожи.

Черный

Черный почти повсеместно предстает как цвет негативных сил и печальных событий. Это символ смерти, загробного мира. В анализируемых

любовных заговорах черный цвет, как и белый, встречается как реальная характеристика какого-либо элемента человеческого тела:

1) **БРОВИ:** «...наложи на раба Божия, на суженого, тоску и кручину – на буйну голову, на ясны очи, **на черну бровь**, на ретиво сердце...»;

2) **ОЧИ:** «Как сушите, крушите весной поле, среди лета теплого – ниву сжату, траву скошену, так же высушите, выкрушите моего суженого-ряженого – **черные брови, черные очи, кровь его горяча и сердце ретиво**...»;

3) **ПЕЧЕНЬ:** «Мои русые волосы, присмотритесь, мои русы косы, приглядитесь, в меня, девушку, раб Божий влюбится, в **черные брови, в ясные очи, ретивое сердце, черную печень, алую кровь**...»; В заговорах печень характеризуется не только черным, но и бурым цветом. Он является темным и относится к оттенкам черного: «Я, раба Божья Елизавета, возьму старого зайца в белые руки, выну ретивое сердце, **бурую печень**...»;

4) **КРОВЬ.** В качестве характеристики крови выступает не черный цвет, а темный, как вариант черного: «Вложи ему сухоту в резвы ноги, в **черную печень, в темну кровь**...».

Данные характеристики могут относиться как к человеку, который произносит заговор: «Прилети, соколог, принеси мне ... **черные брови**...», так и к объекту заговора: «отнесите **в черну печень**...». Можно заметить интересную закономерность: у того, кто произносит заговор, черный цвет используется в описании внешности, а у того, на кого направлен заговор, черный цвет описывает внутренние органы: **черная печень, кровь** и тд. То есть подчеркивается качество нечистоты, отношения к потустороннему миру.

Заговорное пространство может включать себя не только человека, но и представителей животного мира: «под ... камнем лежат два червячка... у их **головы чернёшеньки**...», и растительного: «на грядочке **три вьюнка черненьки**...». В данных примерах черный цвет характеризует объекты, приближенные к земле, для которой черный цвет является естественным. В при-

мере с вьюнками черный является отсылкой к фольклорному мотиву (чернеть от тоски).

Красный

Л.Раденкович в работе «Символика цвета в славянских заговорах» отмечает, что красный цвет связан с такими сюжетами заговоров, которые изображают разрушение, уничтожение. Л. Раденкович пишет, что красный цвет является членом бинарной оппозиции белое/красное, в этом случае красный цвет следует считать хтоническим [Раденкович, 1989: 132].

Иногда этот цвет характеризует в заговорах кровь, в этом случае он имеет амбивалентный характер: в зависимости от контекста он может быть и символом жизни, и символом смерти. На Руси этот цвет являлся символом красоты. Красный цвет также является цветом солнца и используется при изображении яркого, ясного дневного света: *«при красном солнышке...»*.

В русских любовных заговорах красный цвет чаще всего встречается при обозначении красоты того, кто произносит заговор, причем одновременно используется сравнение с солнцем, для которого красный цвет является реальной характеристикой: *«Показалась бы раба Божья яснее солнца красного...»*. Красный также встречается как показатель красоты объекта заговора: *«Оказался бы раб Божий лучше солнца красного...»*.

В качестве реальной цветовой характеристики красный и его оттенки встречается в описании соматизмов.

1) ЛЕГКИЕ: *«Где его изойдите, тут его и займите, сзади и спереди прострелите – в красно легко, в черную печень, в ретивое сердце, в горячую кровь...»;*

2) СЕРДЦЕ: *«Принесите мне тоску, сухоту, ломоту, да отнесите их в красно сердце, в черну печень рабу Божьему...»;*

3) МЯСО: *«Баня пара, бело тело, красно мясо, горяча кровь!»;*

4) КРОВЬ: *«Перво чудище, ступай в сердце раба Божьего, второ чудище, ступай в легкие раба Божьего, третье чудище, ступай в печень черну и кровь алу...»;*

5) ЛИЦО: *«Утренняя заря Дарья, вечерняя – Мария,несите у меня, у рабы Божией (имя), тоску-сухоту, из ретивого сердца, из красна легка, из черной печени, из румяна лица, из ясных очей, из черных бровей...».*

Синий

Синий цвет не используется в описании человека, а фигурирует только в описании реалий действительности. Например, в составе словосочетания «синее море». Синее море – это символ бескрайнего простора, свободы, широты пространства.

Синий цвет в заговорах поддерживает оппозицию: низ – верх. Где низ – это синее море, которое является частью земного пространства: *«Стану я, благословясь, пойду, перекрестясь, умоюся ключевой водушкой, утруся белым полотенышком, отцом прощена, матерью благословлена, в чисто поле, в сине море. У синего моря стоит аспид каменный...»*; а верх – это синее небо: *«На востоке, на восточной стороне в синем небе белы облака, и как облако с облаком сходится, в охапке держатся...».*

Зеленый

Зеленый цвет, как правило, можно встретить при описании мира природы, как символ чего-то живого, растущего. Этот цвет – неотъемлемая характеристика леса и луга в фольклоре: *«Поди ты, дым, по всем городам, по всем зеленым лугам, в сердце, в печи, в кровь его горечу и всякие прихоти...».*

В спектр зеленого цвета можно включить и изумрудный цвет: *«пойду в луга изумрудные...».* Луг здесь является границей перехода в магическое пространство.

Зеленый цвет также считается атрибутом открытого, «чужого» пространства, где обитает нечистая сила: *«В чистом поле стоит дуб зеленый, под этим дубом змей лежит летучий...».*

Золотой

Он является символом солнца, веры и божественности. Золотой символизирует чаще всего яркий свет солнца. В заговорных текстах золотой встречается при описании церкви и церковной атрибутики: *«Стану я, благосло-*

вась, выйду, перекрестясь, из дверей в двери, из ворот в ворота, выйду я в чистое поле, в чистом поле стоит золотая церковь. В этой церкви стоит столпрестол, на столе, на престоле стоит золотое блюдо, из этого золотого блюда умоюся, вся я алыми цветами усажуся...».

Серый

Серый цвет является средним членом оппозиции: белый – серый – черный. Л. Раденкович отмечает, что в сером цвете сливаются воедино два противоположных начала: белое и черное, вследствие чего он служит медиатором. Серый цвет в славянской мифологии обозначает нечто неприметное, скрытное [Раденкович, 1989: 140].

В русских заговорах колористическое прилагательное «серый» встречается прицветовой характеристике камня, а также гуся: «В чистом поле летят *серые гуси*. Я спрошу: «Куда вы летите, *серые гуси?*» – «Летим мы каменны горы ломать, *серого камня розжигать*». – «Не ломайте каменны горы, не розжигайте *серого камня*...».

Русый

Прилагательное «русый» в текстах заговоров встречается очень редко. Используется только при цветовой характеристике волос: «*Мои русые волосы, присмотритесь, мои русы косы, приглядитесь, в меня, девушку, раб Божий влюбится, в черные брови, в ясные очи, ретивое сердце, черную печень, алую кровь...*».

Итак, в русских любовных заговорах мы выделили лексемы со значением девяти цветов. Из них прилагательные *белый, черный, бурый, красный, русый* в основном характеризуют человека, либо части его тела: *черная печень, белые руки*. Прилагательные *синий, золотой, зеленый, красный* и *белый* характеризуют объекты действительности: *красное солнышко, белый свет, золотая церковь, зеленый луг, синее море*. Исследование колористической лексики способствует более глубокому изучению русской фольклорной картины мира.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Аникин В.П. Русские заговоры и заклинания. М: Изд-во МГУ, 1998. 480 с.
2. Апресян Ю.Д. Языковая картина мира и системная лексикография. М: Языки славянских культур, 2006. 910 с.
3. Колесов В.В. Мир человека в слове Древней Руси. Л.: Изд-во ЛГУ, 1986. 312 с.
4. Раденкович Л. Символика цвета в славянских заговорах // Славянский и балканский фольклор. М.: Наука, 1989. С. 122-148.
5. Толстой Н.И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М: Индрик, 1995. 512 с.
6. Топоров В.Н. Модель мира (мифопоэтическая) // Мифы народов мира: Энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1980. С. 161-166.
7. Цивьян Т.В. Модель мира и ее лингвистические основы. М: УРСС, 2005. 280 с.
8. Шмелев А.Д. Лексический состав русского языка как отражение «русской души» // Ключевые идеи русской языковой картины мира. М.: Языки славянской культуры, 2005. С. 25-36.

Быльцова М.В.*

ФУНКЦИИ ПОДПИСЕЙ К ФОТОГРАФИЯМ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ

This article is devoted to research of functions and features of the captions to electronic photographs of different genres, as well as captions to electronic photographs in general. Research is based on the electronic photographs of social network users in the genre of portrait, genre picture and landscape.

Key words: electronic photography, genre of captions, functional aspect.

Аннотация: Статья посвящена исследованию функций и особенностей подписей к электронным фотографиям различных жанров, а также к электронным фотографиям вообще. Материалом послужили электронные фотографии пользователей социальных сетей в жанрах портрет, жанровый снимок и пейзаж.

Ключевые слова: электронная фотография, жанр подписи, функциональный аспект.

Появившись чуть менее двухсот лет назад, фотография прочно вошла в жизнь общества. С ее помощью было запечатлено немало важных моментов – потому фотографии и являются важным предметом изучения этнографии, истории, культурологии. Кроме того, они представляют интерес и для некоторых других областей знания: так, в социологии фотография выступает одним из средств моделирования социальной реальности и передачи социологических данных [Васильева, Стрельникова, 2012: 288-304, Григорьева, 2009], в психологии фотография используется как средство изучения и гармонизации личности [Мухина, Дугарова, 2010: 152-175; Литвин], исторические науки по фото могут отслеживать изменения в облике стран, городов [Васильева, 2005]. Жанром фотографии, а точнее функцией подписи к ней, заинтересовались лингвисты, считающие, что изучение подписей может быть перспективно с точки зрения лингвосомиотического, речежанрового и других аспектов [Евсеева, Кулакова, 2014: 21-26].

---

* Научный руководитель – д-р филол.наук, проф. Евсеева И.В. (Сибирский федеральный университет)

В наше время фотография стала общедоступной, перестав быть предметом роскоши, какой когда-то была. С ее помощью мы фиксируем самые разные мгновения нашей жизни. Часто фотографиям сопутствуют подписи. Они факультативны, но несут ряд важных функций: подпись к фотографии не только способна прояснить содержание фото для зрителя (время, место съемки, имена изображенных на фото людей), но и послужить основой для воспоминаний владельца фотографии, вызвать эмоции, связанные с происходящим на снимке.

Объектом анализа данной статьи явились подписи к личным фотографиям пользователей социальных сетей «Одноклассники», «Мой мир», «ВКонтакте». Наша задача – проанализировать и установить функции, которые выполняют подписи к цифровым фотографиям разных жанров. При цитировании текстов фотографий авторские орфография и пунктуация сохраняются.

Фотографии подразделяются на множество специфических видов. В искусстве фотосъемки выделяется несколько основополагающих жанров: портрет, жанровый снимок, пейзаж, натюрморт, а также уличная фотография. В данной статье мы рассмотрим подписи к трем жанрам фотографий: портрет, жанровый снимок, пейзаж (эти жанры наиболее типичны для любительской съемки). Жанры уличная фотография, натюрморт, являющиеся художественными жанрами, и фотографии личного характера не дают достаточного количества материала для исследования подписей к фото данных жанров. Каждый из перечисленных фотографических жанров имеет свои типовые особенности, на которых мы остановимся ниже.

Указанные жанры можно встретить как среди традиционных фотографий печатного формата, так и в их цифровом варианте. И те, и другие снимки могут сопровождаться каким-либо текстом – подписью. Однако подписи к напечатанным фотоснимкам и к электронной фотографии отличаются друг друга. Традиционные фото во времена своей популярности были далеко не так доступны, как сейчас цифровые фотоснимки. И, конечно, не у всех были

средства, чтобы хранить (а значит, и печатать) все фотографии, поэтому большинство сохранившихся печатных фотографий – это изображения особо важных моментов жизни человека. Подписи к таким кадрам оставались более сдержанные, можно даже сказать – официальные. Сегодня фотография стала намного доступнее, и появилась возможность снимать как важные моменты, так и повседневные. Это способствовало изменению содержания подписей, например, появляется все больше шуточных, игровых текстов.

Остановимся на каждом из жанров подробнее.

Портретный снимок передает индивидуальные черты человека, сосредотачивается на них, работая по принципу зеркала.

Первой рассмотренной в работе фотографии в жанре портрет сопутствует подпись «*Иван да Марья, май 14-20*». На фото изображена пара: мужчина, обнимающий за плечи женщину. Фон снимка поэтичен: героев окружает дикая природа, лес. Такая подпись может свидетельствовать о наличии у ее автора поэтического, образного склада ума: романтическую атмосферу снимка автор подписи усиливает, называя себя и свою возлюбленную именем цветка, являющегося символом верности.

Обратим внимание на подпись к портрету девушки, снятой с веткой цветущей яблони в руках: «*Моя любимость :-)*». Такая подпись свидетельствует о трепетном отношении к герою фотографии – автор вложил в слова максимум нежности и очарования.

Подпись «*Да я такая сейчас, жизнь всех меняет, но не всех в лучшую сторону!!!*» сопровождает фотографию достаточно молодой женщины, запечатленной полулежа. На данном примере мы можем убедиться в разнице между традиционными фотографиями и их цифровыми аналогами – на фото изображен момент не торжественный, особенный для автора, а вполне повседневный (возможно, отдых после работы). Подпись не фиксирует и не раскрывает никакой особо важной информации; кроме того, неясно, что конкретно этой подписью хотел сказать автор: поменяла ли жизнь изображенную на фотоснимке женщину в лучшую сторону, или наоборот – нет.

Очень интересную особенность мы можем наблюдать среди подписей к старым портретным фотографиям в их оцифрованном варианте. Например: «*20 ЛЕТ ТОМУ НАЗАД*» – так подписано черно-белое фото, изображающее девочку с плюшевой игрушкой в руках. Или комментарий к фотографии, на которой запечатлены пятеро подростков: «*Друзья детства*». Особенность таких подписей в том, что они сделаны много лет спустя после непосредственной съемки – традиционные же фотографии обычно печатаются и, соответственно, подписываются, близко к дате съемки.

Подписью «*ja i moe bogatstwo*» дополнена фотография в жанре семейный портрет. На фото мы видим женщину с цветами в окружении троих детей. Сложно сказать, являются ли все трое ее детьми, однако подпись помогает распознать теплое и ласковое чувство матери по отношению к кому-то из них. Специфической особенностью данной подписи является написание транслитом: такая деталь может свидетельствовать о том, что автор подписи – русский, хотя живет за границей, и у него нет возможности писать кириллицей.

Интерес для нас составляет также подпись к следующей фотографии: «*хочу прижаться к тебе обнять и сказать как тебя я люблю! как я скучаю по тебе и для меня ты всегда моя малышка, года прошли и ты взрослая уже но для меня ты будешь всегда ребёнком моим родным и дорогим ребёнком! моей дочери исполнилось 39*». На фото изображены мать со взрослой дочкой в день рождения последней. Можно сказать, что оставленная подпись написана в жанре послания; адресата же можно определить по приписке «*моей дочери исполнилось 39*», которая также помогает установить степень родства между людьми, запечатленными на снимке.

Подписи к фотографиям жанра семейный портрет не обязательно должны содержать указание на родство: данные элементы могут обозначаться на фото невербально. Это может быть счастливая улыбка, объятие с членами семьи, и многое другое. Так, например, прямых указаний на родство не содержит подпись: «*Украина 2012, Белосарайская коса*». На фотографии, где

изображены женщина с маленькой девочкой на руках и мальчик-подросток рядом с ними, герои располагаются близко друг к другу, у всех троих счастливые, улыбающиеся лица – все это свидетельствует о неформальной ситуации. Подпись фиксирует место и дату съемки; очевидно, фото было сделано во время семейного путешествия.

Анализ подписей к фотографиям в жанре портрет позволил выделить следующие текстовые параметры:

- а) указание на время и место создания снимка;
- б) информацию о лицах, запечатленных на фото. Это может быть «официальная» информация: имена, степени родства; также, возможно, выражение эмоционального отношения (например, прозвища, добрые слова).

Жанровый снимок в отличие от портрета демонстрирует не индивидуальные особенности героя, а происходящее с его участием событие. Если портрет можно охарактеризовать как «зеркало души», то жанровый снимок – это, скорее, «зеркало мира», т. к. мир, социум раскрывается на таких снимках через взаимодействие с героем.

«Такой вот знак на Столбах:») Видимо означает, что с белыми собаками вход воспрещен;») Фото Дмитрия Молодцова». На фото запечатлен мужчина, опирающийся ногами и одной рукой на асфальт (почти йоговская поза – асана), другой рукой указывающий на знак запрета выгула собак, нарисованный на асфальте. Подпись фиксирует место съемки (заповедник Столбы), авторство фотоснимка, также по ней можно судить о таких качествах автора, как остроумие и наличие чувства юмора. Обратим внимание на пару моментов: обычно указание на авторство содержат профессиональные фотографии, однако данный снимок высоким качеством не отличается. Возможно, данное указание оставлено в качестве напоминания о компании, в которой совершалась прогулка. Еще один момент, специфичный для жанра подписи именно к электронной фотографии – наличие «смайликов». Они помогают эмоционально наполнить то сообщение, которое автор оставляет к фото.

Подпись «*На любимой работе:)*» сопутствует фотографии девушки, занимающейся профессионально с тестом. Такая подпись помогает соотнести род занятий героини и ее отношение к профессии.

Подпись к следующей фотографии также указывает на отношение героя к своей профессии, социальному положению: «*и все таки.....МЫ ТАКИЕ КЛАССНЫЕ!!!!!!!!!!!!!! ЧЕМПИОНОЧКИ))))))))))*». На фото запечатлена группа людей: молодые девушки в спортивных костюмах, с грамотами и цветами в руках, а также две женщины и мужчина – очевидно, это или наставники, или родители кого-либо из девушек. Сопутствующий комментарий говорит о ярко выраженном позитивном отношении автора как к изображаемому коллективу, так и к успехам, которых этот коллектив добивается. Здесь, как и в остальных примерах жанровой фотографии, мы встречаем «смайлики», функцию которых уже определили ранее. Обратим внимание на еще одну особенность подписей к электронным фотографиям – написание текста в верхнем регистре. Этот элемент, как и «смайлики», отражает эмоциональное состояние автора, различие состоит лишь в том, что оно передает эмоции, выраженные несравнимо более ярко.

Очень интересно сочетание следующей фотографии со своей подписью. На фото изображены женщина и тигрица, разделенные решеткой; животное слегка опирается на решетку передними лапами, рыча на женщину, которая также прижимает руки к ограждению вольера и смеется. Оставлен следующий комментарий: «*Для всех, кто просил это фото из моего прошлого! У тигрицы лапы не выдержали и начали скатываться... а изначально наши лапки соприкоснулись и глаза в глаза!*». Данная подпись помогает понять то, что для героини запечатленный момент – не просто невинная забава, как это может показаться сначала, а нечто личное, можно сказать, сакральное. Заметим, что автор акцентирует внимание на детали – «*У тигрицы лапы не выдержали и начали скатываться*». Это может быть свидетельством того, что героиня фото отождествляет себя с самой тигрицей и, возможно, оценивает себя выше животного, считает себя сильнее его.

Относительно функций подписей к жанровым фотографиям мы можем сделать вывод о том, что чаще всего данные подписи содержат следующие компоненты:

- а) описание происходящего на фото;
- б) указание на роль автора в происходящем событии;
- в) выражение эмоционального отношения к событию.

Рассмотрим далее подпись к фотографиям в **жанре пейзаж**. Данный жанр в первую очередь предполагает изображение окружающего пространства.

Подпись *«Север Иркутской области, 20.09.2014 г. Ещё вчера была «Золотая осень». Сегодня – «Осень белоснежная»* сопутствует изображению заснеженных елей и березы с еще не полностью опавшими желтыми листьями. Данная подпись фиксирует время, место, а также комментирует ситуацию, запечатленную на снимке. Здесь мы вновь сталкиваемся со случаем проявления остроумия, образного мышления у автора. Об этом же говорят следующие подписи: *«Буквально на моих глазах этот юноша с кувалдой выбрался из-под земли...»* к фото, где герой заснят на фоне памятника, а также *«Управляю огненным шаром! Могу научить»* к изображению, на котором герой держит фотоаппарат со сработавшей вспышкой.

Комментирует ситуацию, окружающее пространство и подпись к следующему фото: *«Самое высокое здание в мире!»*. Снимок сделан, очевидно, на высоте, и изображает живописный вид с неким водоёмом, множеством высотных зданий и городских огней. Отсутствие указания на время и место (город, страна и т.п.) съемки может свидетельствовать об адресованности фотографии определенному кругу лиц: близким друзьям, знакомым, которые знают подробности путешествий автора; или, возможно, автор адресует фото эрудированной аудитории, владеющей информацией о местонахождении самого высокого здания в мире.

Два проанализированных нами примера подписей к снимкам жанра пейзаж можно назвать нетипичными: при анализе фотографий данного жанра нами была замечена некоторая шаблонность подписей к ним. В абсолютном

большинстве они фиксируют время и место съемки, например: «*Река Дон*», «*Пристань Енисей*», «*Курма. Байкал*», «*ЗОЛОТЫЕ ВОРОТА ФЕОДОСИЯ 2012*», «*Парк. Новый Афон!*». Это можно объяснить тем, что сами виды, изображаемые на пейзажных фотографиях, несут не информативную или смысловую, как другие жанры, нагрузку, а скорее эстетическую, и комментарии к ним были бы попросту лишними.

С появлением Интернета все больше и больше людей присоединяются к социальным сетям, и многие из них рассматривают фотографию как одно из возможных средств коммуникативного взаимодействия. Фотография подчас несет колоссальную информационную нагрузку, но некоторые ее элементы могут остаться непонятными зрителю. Такой проблемы помогает избежать подпись к фотографии. Подписи, сделанные к традиционным фотографиям, выполняли несколько иные функции: они не только помогали лучше понять автору то, что изображено на фото, но и могли служить напоминанием о запечатленных событиях для владельца фотографии. Такие снимки с подписями к ним были ориентированы в первую очередь на ближайшее окружение владельцев фотографий.

Подписи к электронным снимкам рассчитаны на большую аудиторию, которой автор адресует свою фотографию («*Для всех, кто просил это фото из моего прошлого!*»). Однако это совсем не говорит о том, что от этого подписи к фотографиям в социальных сетях теряют в функциональном плане. Помимо оригинальных мыслей, юмористических высказываний, элементов поэзии, которые, конечно, встречаются и в подписях к традиционным фотографиям, мы находим важный элемент интернет-коммуникации – «смайлики». По нашему мнению, наличие «смайликов» в тексте подписи подчас помогает сказать многое о темпераменте автора в случае, если такие символы встречаются часто.

Кроме того, были отмечены и другие особенности языка интернет-подписей к фотографиям, встретившиеся в процессе анализа материала: это написание текста транслитом, написание в верхнем регистре. Подпись может

содержать и указание на авторство – часто это мера предосторожности для профессиональных и полупрофессиональных фотографов для предотвращения «пиратства» – воровства материала. Иногда указание на авторство может вестись рекламой компании, которой было сделано фото.

Итак, кроме фактической информации о фото и его содержании подпись может содержать указание на отношение к изображаемому, темперамент, склад ума индивидуума. Поэтому мы считаем исследование подписей к электронным фотографиям в психолингвистическом аспекте наиболее перспективным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Васильева Е. В. Образ города в художественной фотографии Франции второй половины XIX - начала XX веков: дис. ... канд. искусствовед. наук: 17.00.04. СПб., 2005. 226 с.

2. Васильева Е. В. Стрельникова А. В. Биографическая память городских семей: Опыт анализа фотоальбомов // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. 2012. № 2. С. 288-304.

3. Григорьева А. В. Феноменология социального в фотографическом изображении: социокультурные аспекты изучения рекламной фотографии // Социология. 2009. № 2. [Электронный ресурс]. URL : <http://elibrary.ru/item.asp?id=12379980> (дата обращения: 11.06.2015)

4. Евсеева И.В., Кулакова С.В. Типы фотоснимков и сопутствующие им подписи // Человек и язык в коммуникативном пространстве. Сб. науч. статей. V Международ. филолог. чтения им. проф. Р.Т. Гриб. Красноярск: Сибир. федерал. ун-т, 2014. Вып. 5. С.21-26.

5. Литвин А. Гармонизация личности через психологический анализ фотографий // Детская психология. [Электронный ресурс]. URL : <http://www.childpsy.ru/lib/articles/id/23044.php> (дата обращения: 11.06.2015)

6. Мухина В., Дугарова Т. Метод научной фотографии в психологии личности и этнопсихологии // Развитие личности. 2010. №1. С. 152-175.

Видерас* Фернандо

**РЕЧЕВОЕ ОБЩЕНИЕ ВОЛАНДА И ЕГО
СВИТЫ С ОФИЦИАЛЬНЫМИ ЛИЦАМИ В РО-
МАНЕ М. А. БУЛГАКОВА «МАСТЕР И МАРГА-
РИТА»**

The article deals with the peculiarities of communicative and verbal behavior of infernal heroes of the novel "The Master and Margarita" in the process of their communication with the officials. In the article, the attitude of the heroes to the power is revealed, which allows us to understand Mikhail Bulgakov's position.

Key words: infernal heroes; Woland; Master and Margarita; Bulgakov; verbal behavior.

Аннотация: В статье рассматриваются особенности коммуникативно-речевого поведения inferнальных героев романа «Мастер и Маргарита» в процессе их общения с официальными лицами; выявляется отношение этих героев к власти, что позволяет определить позицию самого М. А. Булгакова.

Ключевые слова: inferнальные персонажи; Воланд; Мастер и Маргарита; Булгаков; речевое общение.

Статья посвящена описанию специфики речевого общения Воланда и его свиты с официальными лицами в романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита». Такое описание представляется нам актуальным в связи с различными трактовками романа и недостаточной изученностью речи его персонажей. Анализ речевых актов персонажей является важным для понимания сложного романа и для раскрытия мировоззрения Михаила Булгакова. Из всех линий общения нами выбрана та, которая связана с официальными лицами, чтобы понять, каково их значение в романе и отсюда как Михаил Булгаков относился к советскому миру.

Общепризнанно, что у каждого члена inferнальной группы особые функции. Однако существуют дискуссии о роли дьявола и каждого члена.

---

* Научный руководитель – д-р филол.наук, проф. Копнина Г.А.(Сибирский федеральный университет)

Исследователи, изучающие инфернальные персонажи, единодушны в том, что Воланд является самым мистическим героем романа и самым важным в инфернальной группе. Тем не менее, существуют две разные трактовки миссии этого персонажа в Москве 30-ых годов. Некоторые исследователи, как, например, Маргарита Бессонова, полагают, согласно христианской традиции, что Воланд – персонифицированный дух зла, традиционный сатана, приехавший в Москву в качестве инспектора чтобы узнать, победило ли зло в людях [Бессонова, 1996: 105]. Иная точка зрения представлена в работах Татьяны Стойковой и некоторых других [Волков, 2000: 150; Алексеева, 2005: 253]. Согласно ей Воланд наводит порядок блага, наказывая злодеев. Он не антипод Бога, а сущность, с которой у Бога сложились непростые взаимоотношения. Эта позиция представляется более убедительной, исходя из дуализма добра и зла как философской концепции романа.

Другой персонаж, часто привлекающий внимание исследователей, – Кот Бегемот. Он один из самых популярных героев романа и, вероятно, самый яркий. В научной литературе подчеркивают его шутовство [Алексеева, 2005, с.203; Стойкова, 2000: 153]. Однако его роль в свите менее изучена. Этого героя характеризуют как слугу, но с такой характеристикой трудно согласиться, ибо он не выполняет домашние обязанности. Более обоснованным можно признать мнение, по которому Кот Бегемот воплощает разные социальные типы современного города в зависимости от того, с кем общается, исполняя роль хулигана, чиновника или наглого обитателя [Стойкова, 2000: 162].

Меньшее освещение получили остальные члены свиты. В анализах Фагота-Коровьева достаточно прокомментировано его шутовство и ирония в общении [Урюпин, 2008: 305], но мало кто говорит о его функциях в адской группе, которые не уточнены. О нем сказано, что он самый близкий Воланду, но этот факт ничем не доказан. Однако можно согласиться с тем, что он ждет распоряжения от Воланда и наказывает злодеев.

Очень мало пишут про вампира Геллу. Ей отводят роль служанки, но некоторые ситуации в романе вызывают сомнение в том, что этим ее функция ограничивается.

Единственный член свиты, исключенный из данного доклада, – Азазелло. Несмотря на его малоизученность, нет сомнения в том, что он выполняет роль демона насилия.

В нашем исследовании предпринимается попытка решить споры и разъяснить функции членов адской группы через анализ их речевых актов.

Для анализа возьмем три примера речевого общения адских персонажей с разными официальными лицами литературного и театрального миров. Важно иметь в виду, что в реальной жизни Михаил Булгаков активно участвовал в обеих сферах, но получал жестокую критику и ему часто отказывали, запрещали его произведения из-за того, что не соблюдал правила социалистического реализма.

Рассмотрим спор Воланда с членами литературной ассоциации МАС-СОЛИТа Иваном Бездомным и Михаилом Берлиозом на Патриарших Прудах с появлением Коровьева после него.

Ситуация следующая: Берлиоз комментирует с Бездомным ошибки стихов последнего об Иисусе Христе. К ним присоединяется Воланд, притворившись иностранцем. Начинается спор о существовании Бога и способности человека управлять своей жизнью, в котором Воланд использует тактику иронизирования. После того, как Воланд убедился в том, что они полностью придерживаются советской идеологии, что они не способны размышлять иначе, он говорит им, какая будет у них судьба: смерть одного и болезнь другого. Обратим внимание на следующие ходы:

(Берлиозу) – *Вы умрете другой смертью /.../ **Вам отрежут голову!***

(Бездомному) – */.../ я не удосужился спросить у профессора, что такое шизофрения. **Так что вы уж сами узнаете это у него, Иван Николаевич!***

После этого события Берлиоз собирается донести на Воланда по телефону, но его встречает Коровьев, который использует тактику подсказки:

– *Турникет ищете, гражданин? Сюда пожалуйста! Прямо и выйдете куда надо.*

Следуя указаниям, Берлиоз вышел на рельсы, попал под трамвай, и ему отрезали голову. Из-за этого у Бездомного появились симптомы психического расстройства, и его отправили в больницу.

Мы видим, что Берлиоз погибает из-за указаний Коровьева, поэтому можем предположить, что смерть Берлиоза не случайна, а является наказанием за его грехи (напоминаем, что Берлиоз несет ответственность за провал и болезнь Мастера). Из этого заключаем, что Воланд не предсказал судьбу литераторов, а определил ее, вопреки общему мнению исследователей.

Важно, что прототипом Берлиоза служил Леопольд Абербах, с которым у Берлиоза есть физическое сходство. Абербах был редактором и членом Союза Писателей СССР, которого Булгаков возненавидел из-за его беспощадной критики в свой адрес. Можем из этого предположить, что смерть Берлиоза – личная месть Булгакова Абербаху и что МАССОЛИТ, или Массовая Литература, – пародия Союза Писателей СССР.

Рассмотрим далее беседу Воланда со Степаном Лиходеевым. Лиходеев – директор театра Варьете, который просыпается поздно после ночи пьянства и флирта с похмельем и видит неожиданного гостя – Воланда, который сидит рядом с постелью. Воланд напоминает директору заключенный с ним договор о выступлении в театре, которого на самом деле никогда не было. Лиходеев проверил сделку по телефону, вернулся в спальню и обнаружил новых гостей: Кота Бегемота и Коровьева.

В течение беседы Воланд использует тактику чрезмерной вежливости в сочетании с иронией, реализуемых при помощи эпитетов. Он говорит с Лиходеевым, как с глупым человеком.

– *Добрый день, симпатичнейший Степан Богданович! /.../ Я вижу, вы немного удивлены, дражайший Степан Богданович?*

Коровьев говорит о негативном поведении Лиходеева, используя тактику обвинения:

– Вообще они в последнее время жутко свинячат. Пьянствуют, вступают в связи с женщинами, используя свое положение, ни черта не делают.

В последнюю очередь Кот Бегемот осуществляет наказание, выгоняя его из квартиры с криком специально для кошек.

– Брысь!!!

В этом отрывке из романа мы видим, что Воланд «дает» плохим людям то, что они заслужили, но он лично никого не трогает, это делают члены свиты, которые выполняют работу.

Последним примером служит нападение на Варенуху. Иван Варенуха – администратор театра Варьете. До выступления Воланда в театре, когда Варенуха собирался передать телеграммы авторитетам, чтобы узнать местонахождение Степана Лиходеева, Кот Бегемот, Азazelло и Гелла нападают на него. Кот Бегемот в облике человека бьет его и говорит с ним с презрением, нагло, как хулиган. Это тактика речевой агрессии:

–Что у тебя в портфеле, паразит? Телеграммы? А тебя предупредили, чтобы ты их никуда не носил? Предупреждали, я тебя спрашиваю?

Потом вампир Гелла подходит к нему и приговаривает его.

– Дай-ка я тебя поцелую.

После поцелуя Варенуха стал вампиром и напал вместе Геллой на финдиректора театра Варьете Римского. Эти происшествия, связанные с тем, что выгнали Лиходеева из дома, можно также интерпретировать как личное наказание Булгакова людей из театрального мира.

Согласно изложенному выше, можно заключить следующее.

1. Воланд – отнюдь не традиционный сатана, а сущность, которая вершит правосудие. Его стратегия при общении с официальными лицами – наказание – реализуется при помощи тактик подчеркнутой вежливости, иронизирования и определения будущего, когда считает, что собеседник это заслужил.

2. Члены свиты исполняют волю сатаны, наказывая злодеев. Коровьев и Кот Бегемот не шуты и не слуги, а орудия дьявола. Они разделяют стратегию Воданда и используют тактики подсказки, обвинения, агрессии, позволяющие им осуществить наказание. Гелла, хотя в меньшей степени, тоже орудие Воданда для осуществления правосудия, а не только выполняет домашние обязанности.

3. В романе отображены сложные отношения Булгакова с литературным миром, в котором ему не было места. Роман «Мастер и Маргарита» – критика этого мира.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Бессонова М.И. Лейтмотивы как форма выражения авторской позиции в романе Булгакова «Мастер и Маргарита»: дис. ... канд. филол. наук. М., 1996. 189 с.

2. Волков О.В. Текстобразующие функции лексических средств в романе М. Булгакова «Мастер и Маргарита»: дис. ... канд. филол. наук. М., 2000. 185 с.

3. Стойкова Т.А. Речь персонажа в художественной системе произведения (роман М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита»): дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2000. 200 с.

4. Урюпин И.С. Синтез культурных кодов в романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита»: образ Коровьева-Фагота в контексте восточнославянской и западноевропейской мифологии // Вестник Тамбовского университета №5. Тамбов, 2008. С. 304-309.

5. Хуснетдинова Р. Я. Мифопоэтические корни образа Азазелло в романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» // Вестник Тамбовского университета №5. Тамбов, 2008. С. 149-159.

6. Алексеева Л.Ф., Биккулова И.А. и др. История русской литературы XX века: учеб. пособие / под ред. Л.Ф. Алексеевой. В 4-х кн. Кн. 1. 1910-1930. М., 2005. С. 239-255.

Гущина М.С.*

**ЛИНГВОЦИНИЗМЫ В ПЕЧАТНЫХ
СМИ: ЛИНГВОЭКОЛОГИЧЕСКИЙ АС-
ПЕКТ**

Basing on the material of media texts, the article deals with the verbal ways of expressing cynical attitude to the norms of morality and ethics. The article alleges that lingvocynicisms characterize the current state of society and the language environment of a human.

Key words: cynicism, lingvocynicism, lingvoco-
ecology.

Аннотация: В статье на материале текстов СМИ рассматриваются речевые способы выражения циничного отношения к нормам морали и нравственности; утверждается, что лингвоцинизмы характеризуют современное состояние общества и языковую среду обитания человека.

Ключевые слова: цинизм, лингвоцинизм, лингвоэкология.

По мнению А.П. Сковородникова, именно в конце XX века, в эпоху многообразных экологических проблем и забот становится все более очевидной необходимость включения в понятие среды обитания человека культурно-исторических ценностей [Сковородников 1996: 5].

Среди форм саморефлексии можно выделить как оценочную деятельность, направленную на поддержание культурных ценностей (сакральное отношение, вера в идеалы, осознание значимости устоявшихся культурных практик и ценностей), так и деятельность, направленную на критическое осмысление этих ценностей, устоявшихся норм – от нейтрального и взвешенного указания на недостатки культурных подсистем, в новых условиях, не выполняющих эффективно свои функции, до эмоциональной, метафорической, гротескной и радикально-критической интерпретации. Одной из модифика-

* Научный руководитель – д-р филол.наук, проф. Копнина Г.А. (Сибирский федеральный университет)

ций второй формы саморефлексии культуры, по мнению С.А. Зеленского, можно считать цинизм [Зеленский, 2013: 278].

В «Большом российском энциклопедическом словаре» цинизм определяется как «нигилистическое отношение к человеческой культуре и общепринятым правилам нравственности, аморализм», т.е. «отрицание моральных устоев и общепринятых норм поведения в обществе, нигилистическое отношение ко всяким нравственным принципам» [Левентюк: [сайт]. URL: <http://www.blog.servitutis.ru/?p=789>].

По мнению В.А. Бачинина, «цинизм как форма мироотношения имеет сугубо деструктивную направленность. По отношению к религиозным нормам и ценностям он выступает не просто как безверие, но в виде проявлений кощунства и святотатства. В сфере морали он обнаруживает себя как изощренный, издевательский аморализм, откровенно попирающий всеобщие нравственные нормы. Наиболее злокачествен правовой цинизм, выступающий в двух формах – индивидуальной и общественно-государственной» [Бачинин, 2005: 86].

Определить проявление цинизма можно через нарушение субъектом речи принципов и норм морали и нравственности. А.С. Кобликов к числу моральных принципов относит такие общие начала нравственности, как гуманизм – признание человека высшей ценностью; альтруизм – бескорыстное служение ближнему; милосердие – сострадательная и деятельная любовь, выражающаяся в готовности помочь каждому в чем-либо нуждающемуся; коллективизм – сознательное стремление содействовать общему благу; отказ от индивидуализма – противопоставления индивида обществу, всякой социальности, и эгоизма – предпочтения собственных интересов интересам всех других [Кобликов, 2002: 12].

В СМИ циничное отношение к нормам морали и нравственности может характеризовать как сознательное, так и как бессознательное поведение. Цинизм приводит к вульгаризации речи (А.П. Сковородников, Н.Н. Белозерова, Л.П. Бухарева) и является одним из «несовершенств века». Как указывает

А.П. Сковородников, лингвоцинизмы – слова, обороты речи, и целые высказывания, в которых нашел отражение цинизм индивидуального или социального мышления [Сковородников, 2004: 402-403]. Лингвоцинизмы, по его мнению, использовались еще в годы тоталитарного режима, «в которых получили отражение психология технократизма, негуманность социального мышления» [Сковородников 1993: 4].

Лингвоцинизмы используются в современных российских газетах и характеризуют современное состояние общества. Поэтому они требуют изучения не только в описательном аспекте, но и с целью выработки рекомендаций, направленных на формирование экологичного мышления у практикующих журналистов и «оздоровление» общества в целом. Исследование лингвоцинизмов входит в круг задач лингвистической экологии.

Цинизм в речи может быть выражен при помощи различных языковых/речевых средств, таких как метафора, сравнение, лексика с негативным значением, порядок слов и т.д. В устной речи также важна модальность, которая может выделять лингвоцинизм.

Рассмотрим некоторые примеры употребления лингвоцинизмов в письменных текстах СМИ.

1. *Говорит он мне, что главная функция медицины не в том, чтобы давать пациенту долгую, здоровую, безболезненную жизнь, а в том, чтобы обеспечить безболезненную смерть, когда перевалит за 50. Кто ж в этом давно не убедился?* (Красноярский рабочий, 31.01.2015). В этом высказывании нарушаются основные принципы морали: гуманизм, милосердие.

2. *ГОВОРЯТ, кто раз попробовал человечину, никогда не забудет ее неповторимый сладковатый вкус. Кто-то сравнивает его с бараниной, другим людская плоть напоминает свинину, а иной ловит в ней банановые нотки* (Экспресс газета №48, 1.12.2014, с.23). Циничным является само натуралистическое описание человека как пищи: поедание человека представлено как что-то изысканное и невероятно вкусное. Продемонстрировано игнорирование ценности человеческой жизни, антигуманность.

3. *Одной из возможных причин убийства называют желание Кейт покинуть родные пенаты и перебраться в Нью-Йорк. Мужа фрау брать с собой не собиралась. По предварительным данным, Курочкин напал на жену сзади. Возможно, для убийства он использовал струну виолончели. **Хорошо, стервец, владел инструментом!*** (Экспресс газета №46, 17.11.2014). Последнее ироничное замечание единично: восклицание о хорошем «владении» убийцей музыкальным инструментом является игнорированием высшей ценности человека.

4. ***Мне не интересно, как вы лечите, мне интересно, сколько вы при этом зарабатываете <...>. Несколько дней пациента поддержали и выпишывайте. – А если не вылечился? – Ну и хорошо, за вскрытие мы 8 тыс. получим*** (Экспресс газета №44, 3.11.2014, с.5). Как и в предыдущем примере, игнорируется жизнь человека как высшей ценности; квалификация смерти человека как позитивного экономического фактора.

5. *Врачи говорили, что будет мальчик, но родилась девочка Даша. Малышке поставили страшный диагноз – вирусное поражение печени. Выжить дочку помогал новый возлюбленный Ирины – художник Александр, от которого она совсем скоро родила вторую дочь – Сашу. **Пикантность ситуации** заключалась в том, что Александр был женат и практически никогда не ночевал у Бразговки* (Экспресс газета №44, 3.11.2014, с. 11). Неуместно используется словосочетание *пикантность*: перен. возбуждающий интерес, занимательный, сенсационный (фам.) [Толковый словарь Ушакова [сайт]. URL://biblioclub.ru/?page=dict&dict_id=117]. Пометка «фамильярная форма» также указывает на неуместность использования слова, которое представлено в переносном значении и является выражением неуместно развязного поведения (см. значение слова фамильярный в Толковом словаре иноязычных слов).

6. *Все возможно. По статистике, у любой **телки** до замужества бывает по 100-150 мужиков. Какой смысл сейчас пытаться вспомнить всех, с кем когда-то спала Брежнева?!* (Экспресс газета №41, октябрь 2014). В дан-

ном случае слово «телка» употреблено в значении «девушка, молодая женщина» [Энциклопедический словарь: [сайт]. URL: <http://dic.academic.ru/contents.nsf/es/>], что является сниженной формой обращения. К тому же это жаргонное слово используется в обобщенном значении, т.е. неуважение ко всем представителям женского пола посредством утверждения недостоверной информации о личной жизни.

7. До 60 лет не доживают 39 мужчин и 14 женщин из ста. А до 65 лет – 50 мужчин и 20 женщин из ста. Таким образом, уже сегодня при действующих границах пенсионного возраста почти 30% всех пенсионных взносов, сделанных работниками старше 20 лет, создается теми, кто никогда эти деньги не востребует. Смерть трудоспособных граждан имеет и отложенный позитивный эффект для бюджета (Новый регион 2, 22 марта 2011). Цинизм в выделенном предложении выражается в игнорировании общечеловеческих ценностей и рассуждении о смерти человека как о позитивной экономическом факторе.

Лингвоцинизмы в печатных СМИ выполняют две функции:

- 1) функцию выражения иронии, которая в контексте оказывается неуместной с этической точки зрения;
- 2) функцию пренебрежительного отношения к неизменным ценностям человеческого общества, негативной оценки и игнорирования.

Как показывает материал СМИ, лингвистический цинизм может быть речевым приемом, т.е. отклонением от этико-речевой нормы, используемым журналистом сознательно, что является свидетельством низкой речевой культуры общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Бачинин В.А. Этика. Энциклопедический словарь. СПб.: Изд-во Михайлова В.А., 2005. 288 с.
2. Зеленский С.А. Цинизм как культурное явление: конструктивные и деструктивные аспекты // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. М., 2013. Вып. № 7. С. 277-281.

3. Кобликов А.С. Юридическая этика. М.: Изд-во НОРМА, 2002. 176 с.
4. Левентюк А.В. Правовой нигилизм и правовой цинизм: понятия, сходство и различия. URL: <http://www.blog.servitutis.ru/?p=789> (дата обращения 10.05.2015).
5. Сковородников А. П. Лингвоцинизмы // Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты / под ред. А.П. Сковородникова. М.: Наука, 2004. С.402-403.
6. Сковородников А.П. Вопросы экологии русского языка: учеб. пособие. Красноярск, 1993. 34 с.
7. Сковородников А.П. Лингвистическая экология: проблемы становления // НДВШ. Филологические науки, 1996. Вып. № 2. С.5-9.
8. Толковый словарь русского языка под ред. Д.Н. Ушакова. URL: http://biblioclub.ru/?page=dict&dict_id=117 (дата обращения: 15.05.2015).
9. Энциклопедический словарь. URL: <http://dic.academic.ru/contents.nsf/es> (дата обращения 15.05.2015).

Кожина О.В.*

ИДИОГЛОССА ЧЕЛОВЕК

В ДИСКУРСЕ

А.А. ВОЗНЕСЕНСКОГО

The article presents the results of the study of how the meaning of the word “a human” shows the specifics of Andrei Andreyevich Voznesensky’s worldview. The analysis was made from the position of semantic direction of lingvopersonology on the material of the texts presented in the collection “Tmat”

Key words: idioglossa, the individually author's worldview, semantics, component analysis, linguistic identity, a human, A.A. Voznesensky.

Аннотация: В статье излагаются результаты исследования того, как в значении слова человек проявляется своеобразие мировидения Андрея Андреевича Вознесенского. Анализ проведен с позиций семантического направления в лингвоперсонологии на материале текстов, представленных в сборнике «Тьмать».

Ключевые слова: идиоглосса, индивидуально-авторская картина мира, семантика, компонентный анализ, языковая личность, человек, А.А. Вознесенский.

В данной работе в соответствии с антропоцентрической направленностью современной лингвистики мы рассматриваем, как представлен человек в индивидуально-авторской картине мира А.А. Вознесенского через анализ семантики слова *человек*. Анализ проведен на материале сборника «Тьмать», где содержится около 500 стихотворных и прозаических произведений А.А. Вознесенского, созданных им более чем за полвека.

Главные идеи внутреннего мира автора и специфику его языка и стиля эффективно раскрывает анализ семантики идиоглоссы – лексической единицы с высокой частотой употребления, содержанием которой является не только семантическая составляющая, но и миротворяющая функция строитель-

* Научный руководитель – канд. филол. наук, доцент Башкова И.В. (Сибирский федеральный университет)

ного элемента в картине мира автора [Караулов, 2003: 112]. Анализ с позиций семантического направления в лингвоперсонологии [Башкова, 2011], применённый к текстам сборника «Тьмать», позволил выявить 5 наиболее часто употребляемых слов: *жизнь, небо, поэт, женщина* и *человек*. Слово *человек* имеет наибольшее количество дериватов и чаще остальных употребляется совместно со словами *жизнь, небо, поэт, женщина*, благодаря чему вступает в различные ассоциативно-деривационные отношения. Количественный подсчёт показал, что слово *человек* встречается в сборнике «Тьмать» 135 раз, а его дериваты – 50 раз. Следовательно, можно сделать вывод, что лексема *человек* является идиоглоссой в художественном дискурсе А.А. Вознесенского.

В настоящей работе мы сосредоточимся на анализе лексемы *человек*, которая представлена в словарях русского языка в отдельных словарных статьях. Нами были проанализированы «Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля (далее 1), «Толковый словарь» Т.Ф. Ефремовой (далее 2), «Комплексный словарь русского языка» под ред. А.Н. Тихонова (далее 3), «Толковый словарь русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой (далее 4), «Русский семантический словарь» под общ. ред. Н.Ю. Шведовой (далее 5), «Толковый словарь русского языка» Д.Н. Ушакова (далее 6), «Фразеологический словарь русского литературного языка» А.И. Фёдорова (далее 7), а также «Философский энциклопедический словарь» под ред. Е.Ф. Губского, Г.В. Кораблевой, В.А. Лутченко (далее 8). Слово *человек* присутствует во всех перечисленных словарях. В его толковании в качестве основных значений отмечаются следующие: «Живое существо, в отличие от животного обладающее даром речи и мысли и способностью создавать и использовать орудия в процессе общественного труда» (3; 4; 5; 6; 7); «Каждый из людей, высшее из земных созданий, одарённое разумом, свободной волей и словесною речью» (2); «Высшая ступень живых организмов на Земле» (7); «Живое существо, которое обладает мышлением, речью, способностью создавать орудия труда и пользоваться ими, а также отдельная личность» (9). В данной

группе определений основное внимание обращено на биологическую природу человека и его сходство с другими живыми существами, а также отмечаются эволюционные отличия от них (дар членораздельной речи, высокоразвитый головной мозг, мышление, прямая походка, умение создавать и использовать орудия труда). В пяти словарях зафиксировано, что *человек* – существо социальное, «обладающее <...> способностью создавать и использовать орудия в процессе общественного труда» (3; 4; 5; 6), «на первом месте стоит создание человеческих форм общения <...> [и] социальный труд» (7). В трёх словарях обращено внимание на «отдельность» человека как особи с перечисленными характеристиками: «каждый из людей» (2), «благодаря своей единственной в некотором роде телесно-душевной организации человек является личностью <...>» (7), «а также отдельная личность» (9).

В качестве дополнительных значений в словарях указаны такие: «Такое существо как носитель каких-н. свойств, качеств, признаков» (5); «Обладатель лучших моральных и интеллектуальных свойств (книжн., ритор.)» (4; 6); «Носитель каких-л. качеств, свойств (обычно с определением); личность» (4); также в «Философском энциклопедическом словаре» говорится о человеке как о носителе духовной культуры и отмечается его связь с природой.

В ряде словарей приводятся устаревшие значения: «При крепостном праве – дворовый слуга или вообще помещичий служитель (в частности – в отличие от крестьян земледельцев; истор.)» (4); «При крепостном праве: дворовый слуга, служитель, лакей, а позднее официант, слуга» (3); «Служитель, прислуга, лакей или комнатный» (2); «устар. Дворовый слуга (в Российском государстве при крепостном праве)», «Любой слуга мужского пола; лакей», «Официант в трактире, ресторане; половой» (6); «Название буквы древней славянской или старой русской азбуки» (6); «Старинное название буквы "л"» (4); «В военном быту – нижние чины, солдаты (воен. офиц. дореволюц.)» (4). Эти толкования показывают, что раньше слово *человек* использовалось в основном для обозначения ничем не примечательных, незнатных и мало выдающихся людей.

Исходя из словарных толкований, основными для лексемы *человек* являются два значения: человек как существо биологическое и человек как существо социальное. Остальные же его значения уходят на второй план и являются лишь дополнительными.

Можно заметить, что лексема *человек*, обладая конкретной референцией, называет индивидов, отличающихся друг от друга какими-либо характеристиками. В «Комплексном словаре русского языка» описана сочетаемость существительного «*человек*»: «Хороший, добрый, грустный, весёлый, честный, умный, глупый, деловой, трудолюбивый, (не)высокий, сильный, слабый, здоровый, больной, внимательный, богатый человек. Человек (чего?) дела, слова; (без чего?) без собственного мнения, без совести; (с чем?) с каким-либо лицом, с какими-либо глазами, с какими-либо волосами...» (3). В данном значении подчёркивается не общность человека с человеческим видом в целом, а его отдельность, его отличия от таких же людей, как он.

Из всего этого следует, что слово *человек* означает:

- 1) существо физическое, материальное;
- 2) существо социальное, и неразрывно связанное с социумом;
- 3) существо духовное и разумное;
- 4) существо «отдельное» и самоценное, в котором проявляется его индивидуальность и отличие от других людей.

Как видим, здесь в основном представлен только когнитивный макрокомпонент значения слова. Компонентный анализ показал, что он такой же и в дискурсе А.А. Вознесенского, однако в большинстве его произведений является и прагматический макрокомпонент значения этого слова, он включает ассоциативные и эмоционально-оценочные смысловые признаки, практически отсутствующие в словарях русского языка. Было обнаружено, что слово *человек* имеет следующие значения:

- 1) Человек – существо нечистоплотное, живущее в дисгармонии с природой: «Одна знакомая лошадь предложила: /«Человек – рассадник эпидемии. / Стоит уничтожить человечество – грипп прекратится...» / <...> /Не

собирайтесь в сборища. / В театрах сбор горит. / Доказано, что спорящий / распространяет грипп» (Грипп «Гонконг-69», 1969); «Человек хочет выразить себя иначе, / чем predetermined природой» (Портрет Плисецкой, 1966); «Все ходят вертикально, но нет, человек / стремится к горизонтальному полёту» (Портрет Плисецкой, 1966); «Человек явился в лес, / всем принёс деликатес: / лягушонку / дал сгущёнку, / дал ежу – / что – не скажу, / а единственному волку / дал охотничью водку, / налил окуню в пруды / мандариновой воды. / Звери вежливо ответили: / «Мы еды твоей отведали. / Чтоб такое есть и пить, / надо человеком быть. / Что ж мы попусту сидим, / хочешь, мы тебя съедим?» / Человек сказал в ответ: / «Нет. / Мне ужасно неудобно, / но я очень несъедобный. / Я пропитан алкоголем, / аллохолом, аспирином. / Вы меня видали голым? / Я от язвы оперируем. / Я глотаю утром водку, / следом тассовскую сводку, / две тарелки, две газеты, / две магнитные кассеты, / и коллегу по работе, / и два яблока в компоте, / опылённых ДДТ, / и т. д. / Плюс сидит в печёнках враг, / курит импортный табак. / В час четыре сигареты. / Это / убивает в день / сорок тысяч лошадей. / Вы хотите никотин?» / Все сказали: «Не хотим, / жаль тебя. Ты – вредный, скучный: / если хочешь – ты нас скушай». / Человек не рассердился / и, подумав, согласился» (Пир, 1975); «Человек на 60 процентов из химикалиев, / на 40 процентов из лжи и ржи...» (Хобби света, 1975) и др.

2) Человек – это скудоумный потребитель: «В ресторане ловят голого. / Он [человек] гласит: "Долой невежд! / Не желаю прошлогоднего. / Я хочу иных одежд"» (Новый год в Риме, 1963); «Прошёл он двери Ада, невредим, / Пред Данте открывались двери Бога. / Но люди, рассуждавшие убого, / Дверь родины захлопнули пред ним» (Мемориал Микеланджело) и др.

3) Человек – это губитель всего живого: «Я шёл меж сосен голубых, / фотографируя их лица, – / как жертву, прежде чем убить, / фотографирует убийца. / Стояли русские леса, / чуть-чуть подрагивая телом. / Они глядели мне в глаза, / как человек перед расстрелом. / Дубы глядели на закат. / Ни Микеланджело, ни Фидий, / никто их краше не создаст. / Никто их больше не

увидит. / "Окстись, убийца-человек! " – / кричали мне, кто были живы.
/ Через мгновение их всех / погубят ядерные взрывы. / "Окстись, палач зве-
рей и птиц, /развившаяся обезьяна! / Природы гениальный смысл
/ уничтожаешь ты бездарно"» (Сон, 1983); «Земля пустела, как орех. / И кто-
то в небе пел про это: / "Червь, человечек, короед, / какую ты сожрал плане-
ту!"» (Сон, 1983) и др.

4) Человек – это носитель таких качеств, как неопытность, смерт-
ность, безнравственность и безуспешность, а душа человеческая пуста и
темна: «Неопытен друг двуногий. / Вы, белка и колонок, / снимите силки с
дороги, / чтоб душу не наколол» (Роша, 1968); «Безнравственные люди по-
учали его нравственности» (Мемориал Микеланджело); «Приближается век
мой к закату – / ваш, мои отрицатели, век. / На стол карты! / У вас века дру-
гого нет. / <...> / Историческая симметрия. / Свет рассветный – закатный
снег. / Человечья доля смиренная – / быть как век» (Монолог века, 1979);
«Смертны камень, и воздух, / и феномен человека» (Речь, 1980); «Бесчело-
вечный климат заклиненного ума, / всеобщее равнодушие, растущее, как
стена. / Как холодает всюду! Валит в июле снег. / И человеческий климат
смертен, как человек» (Я перевёл стихотворенье «Тьма» как «Ядерная зима»,
1987); «Что за такая в сердце разруха, / мстящая людям? / Я не покину тебя,
невезуха. / В людях побудем» (Невезуха, 1979) и др.

Семантический анализ показал, что в сборнике «Тьмать» в 42% контек-
стов слово *человек* обладает негативными коннотациями, в 35% случаев
нельзя говорить об эмоционально-оценочных смысловых признаках, так как
значение данного слова соотносимо со словарным. Однако 23% употребле-
ний слова *человек* содержит положительные коннотации. Несмотря на высо-
кий процент негативных коннотаций этого слова, автор сохраняет надежду
на исправление человека и верит в то, что «человек на 60 процентов из хими-
кариев, / на 40 процентов из лжи и ржи... / Но на 1 процент из Микеландже-
ло!». Даже тогда, когда поэт указывает на то, что человек – это существо
гадкое и неблагородное, он даёт ему (человеку) ещё один шанс: «Среди гря-

зи, несущейся по касательной, / (компромат сейчас – наградные листы) / я ищу на людей – пока бездоказательно – / компромат чистоты. / <...> / Пусть живу я не чище, чем тысячи тысяч. / Но на Страшном суде, ставши в очередь в ад, / доказав Всевышнему аутентичность, / предъявлю за людей чистоты компромат» (Поэма «КОМПРА», 1996). Поэт точно знает, чем прекрасен человек: «Но выше Жизни и Смерти, / пронзающее, как свет, / нас требует что-то третье, – / чем выделен человек. / Животные жизнь берут. / Лишь люди жизнь отдают./ Тревожаще и прожекторно, / в отличие от зверей, – / способность к самопожертвованию / единственна у людей» (Неизвестный – реквием в двух шагах с эпилогом, 1964). А.А. Вознесенский убеждён, что «Все прогрессы – / реакционны, / если рушится человек. / Не купить нас холодной игрушкой, / механическим соловейчиком! / В жизни главное – человечность» (Оза, 1964).

Таким образом, сопоставление словарных значений слова *человек* с семантикой, закладываемой А.А. Вознесенским, показало, что когнитивный макрокомпонент значения в творчестве поэта хорошо соотносится с толкованиями, представленными в словарях русского языка. Однако особенностью индивидуального словоупотребления является то, что поэт-шестидесятник актуализирует прагматический макрокомпонент в значении этого слова. Проведённый анализ показал, что для А.А. Вознесенского человек – это не просто существо физическое, материальное, состоящее из плоти и крови; не просто существо социальное и вместе с тем «отдельное» и самоценное. Человек – это существо, способное к самопожертвованию и к проявлению чувств, сбившееся с праведного пути, но способное на него вернуться. Тяга к новому и умение совершенствоваться даёт надежду на его перерождение, возможность чуда спасает человека. И как бы ни был человек противопоставлен природе, он её наследник и в этом естественен.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Башкова И.В. Изучение языковой личности в современной российской лингвистике: монография. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2011. 411 с.
2. Вознесенский А.А. Поэтический сборник «Тьмасть». М.: Время, 2008. 640 с.
3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. М.: Терра, 1998. 2750 с.
4. Ефремова Т.Ф. Новый толково-словообразовательный словарь русского языка. 2000. URL: <http://traduko.lib.ru> (дата обращения: 19.10.2014).
5. Караулов Ю.Н. Мир писателя в зеркале лексической семантики (о слове горячий у Пушкина и Достоевского) // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер.: Лингвистика. М., 2003. № 4. С. 111.
6. Комплексный словарь русского языка / под ред. А. Н. Тихонова. М.: Русский язык, 2001. 1229 с.
7. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд. М.: ИТИ Технологии, 2003. 944 с.
8. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений. В 4 т. Т. 1. / под общ. ред. Н.Ю. Шведовой. М.: Азбуковник, 1998. 807 с.
9. Толковый словарь русского языка. В 4 т. Т. 4. / под ред. Д.Н. Ушакова. М.: Гос. изд. национальных и иностранных словарей, 1940. 859 с.
10. Фёдоров А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка. М.: АСТ, Астрель, 2008. 880 с.
11. Философский энциклопедический словарь. / под ред. Е.Ф. Губского, Г.В. Кораблевой, В.А. Лутченко. М.: ИНФРА-М, 2007. 576 с.

Мануилова А.Е.*

**СТИЛЬ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ОБЩЕНИЯ
КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ
КОМПЕТЕНТНОСТИ УЧИТЕЛЯ
(НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗА
А.П.ЧЕХОВА «СКУЧНАЯ ИСТОРИЯ»)**

The article is devoted to revealing the features of the style of pedagogical communication on the material of A.P. Chekhov's short story "A Boring Story". The style of pedagogical communication of professor Nikolai Stepanovich is viewed as a set of behavioral reactions that manifest the qualities of the teacher's personality, manner of the teacher's communication with the children, as well as his behavior in various situations of professional activity.

Keywords: the style of pedagogical communication, prose of A.P. Chekhov, the image of the teacher.

Аннотация: Статья посвящена выявлению особенностей стиля педагогического общения на материале рассказа А.П.Чехова «Скучная история». Стиль педагогического общения профессора Николая Степановича рассматривается как совокупность поведенческих реакций, в которых проявляются качества личности учителя, манера общения педагога с детьми, а также его поведение в различных ситуациях профессиональной деятельности.

Ключевые слова: стиль педагогического общения, проза А.П.Чехова, образ учителя.

Современная система образования как процесс общения и познания строится на диалогических принципах. Учебный диалог в школьной практике представлен в основном разновидностью «учитель-ученик», реже «ученик-ученик», при этом главную роль при построении диалога «учитель-ученик» играет стиль общения, который выбрал для себя преподаватель.

---

* Научный руководитель – канд. филол. наук, доцент Подберезкина Л.З. (Сибирский федеральный университет)

Цель статьи – рассмотреть языковые особенности педагогического стиля общения и руководства учителем учебным процессом на материале рассказа А.П.Чехова «Скучная история». Научная новизна исследования определяется тем, что педагогические традиции, нашедшие отражение в художественных образах учителей А.П.Чехова, не изучались ранее в рамках лингвистики. Актуальность данной работы обусловлена необходимостью описания языкового воплощения стиля педагогического общения на материале классической литературы, которое можно использовать в качестве образцов для современных преподавателей средней и высшей школы.

Под стилем общения исследователи понимают «индивидуально-типологические особенности социально-психологического взаимодействия педагога и обучающихся» [Кан-Калик, 1987: 10; Роботова, 2007: 95]. В работе Т.А. Ладыженской обозначены основные параметры характеристики стиля педагогического общения: 1) особенности устной речи; 2) функционально-стилистические разновидности речи (соотношение научного и разговорного стилей); 3) особенности взаимодействия преподавателя и учебного коллектива; 4) жанровое своеобразие речи преподавателя; 5) «язык внешнего вида» (телодвижения, мимика, жесты) [Ладыженская, 1986: 6-29].

На основе этих показателей психологи Н.Ф. Маслова, Е.М. Крутова и другие выделяют два основных стиля общения учителя и руководства педагогическим процессом: «демократический» и «авторитарный» [Михальская, 1998: 286]. По мнению Н.Д. Десяевой, общение и деятельность при демократическом стиле педагогического общения строятся исключительно на творческом сотрудничестве. При этом педагог сам мотивирует эту деятельность: он поддерживает право воспитанников на свою позицию, поощряет активность и инициативу, обсуждает замысел и ход работы. Это проявляется в эмоциональной, четкой речи преподавателя; в выборе таких речевых жанров, как совет, рекомендация, просьба, пожелание; в использовании богатой палитры речевых средств и приемов, направленных на вовлечение учеников в учебный процесс [Десяева, 2006:64]. Для авторитарного стиля, напротив, ха-

рактерна тенденция жесткого управления и всеобъемлющего контроля за учебным процессом со стороны учителя. Авторитарному преподавателю, как отмечает А.С. Роботова, свойствен пренебрежительный тон речи; использование длинных, сложных фраз с деепричастными и причастными оборотами с целью проведения политики устрашения собеседника. Авторитарный преподаватель не принимает возражений и с пренебрежением относится к инициативе учащихся. Его главный слоган: «Делайте так, как я говорю, и не рассуждайте». Поэтому данному преподавателю свойственны такие речевые жанры, как указание, поручение, приказ, инструкция, замечание, а иногда и окрик [Роботова, 2007:96-97]. Некоторые исследователи выделяют еще пограничный стиль педагогического общения – «либеральный» [А.С. Роботова, Н.Д. Десяева], в котором отсутствует четкая система организации учебной деятельности и ее контроля. Главное целенаправленное взаимодействие «учитель-ученик» в рамках учебной ситуации нарушается. Педагог занимает позицию стороннего наблюдателя. Его девиз: «Как все идет, так и пусть идет». Все это проявляется и в его речи: тон обращения диктуется желанием избежать какого-либо взаимодействия, основные речевые жанры – увещевания, уговоры и упреки [Десяева, 2006: 68]. Важно отметить, что ученики при этом зачастую сами не довольны ходом и результатами своей работы.

В прозе А.П.Чехова образ учителя занимает особое место. Литературоведы, изучающие прозу писателя (А.Г. Барлас, В.Б. Катаев, В.Я. Линков, А.П.Чудаков и др.), указывают, что данный образ играет ключевую роль в его рассказах. По мнению Э. Полоцкой, духовная жизнь интеллигенции, ярким представителем которой был учитель, стала во второй половине 1880-х гг. основным объектом чеховского искусства [Полоцкая, 1959:253-255].

Рассмотрим языковые особенности воплощения выбранного автором стиля общения педагога на материале рассказа А.П. Чехова «Скучная история» (1889).

Рассказ «Скучная история» представляет собой «записки» заслуженного профессора Николая Степановича, чье имя *«в России известно каждому грамотному человеку, а за границею оно упоминается с кафедр с прибавкою известный и почтенный»*. В образовательном процессе он руководствуется демократическим стилем педагогического общения, одним из основополагающих принципов которого является совместная деятельность при решении учебных задач. Для успешного осуществления этого взаимодействия, для поддержания звукового канала «учитель – ученик» профессор уделяет особое внимание произносительной стороне своей речи. Согласно постулатам педагогической риторики, речь преподавателя должна быть четкой, понятной, образной и др. Важное значение в связи с этим приобретает педагогическая тактика, выбранная Николаем Степановичем: понимая недостатки своей речи в силу возраста и заболевания, он уделяет особое внимание ее информативности (*«Каждую минуту я должен иметь ловкость выхватывать из этого громадного материала самое важное и нужное и так же быстро, как течет моя речь, облекать свою мысль в такую форму, которая была бы доступна разумению гидры [студенты]...»*), лаконичности (*«определения кратки и точны, фраза возможно проста и красива...»*), эмоциональности (*«говорю я неудержимо быстро, страстно и, кажется, нет той силы, которая могла бы прервать течение моей речи», «только на лекции я мог весь отдаваться страсти и понимал, что вдохновение не выдумка поэтов, а существует на самом деле»*) и на юмор (*«пользуясь первым удобным случаем, я говорю какой-нибудь каламбур. Все полтора лица широко улыбаются, глаза весело блестят, слышится ненадолго гул моря... Я тоже смеюсь. Внимание освежилось, и я могу продолжать»*). Таким образом, как отмечает сам рассказчик-профессор, все эти особенности речи *«делают почти незаметными недостатки моего голоса, а он у меня сух, резок и невуч, как у ханжи»*. Кроме того, все это позволяет профессору долгое время удерживать внимание своих студентов (*«как и прежде, я могу удерживать внимание слушателей в продолжение двух часов»*). Педагогическая тактика, выработанная им за 30

лет его преподавательского стажа, проявляется и на уровне общей организации учебного процесса: *«Я знаю, о чем буду читать, но не знаю, как буду читать, с чего начну и чем кончу. В голове нет ни одной готовой фразы. Но стоит мне только оглядеть аудиторию (она построена у меня амфитеатром) и произнести стереотипное «В прошлой лекции мы остановились на...», как фразы длинной вереницей вылетают из моей души и – пошла писать губерния!»*. Помимо этого Николай Степанович указывает на то, *«чтобы читать хорошо, то есть нескучно и с пользой для слушателей, нужно, кроме таланта, иметь еще сноровку и опыт, нужно обладать самым ясным представлением о своих силах, о тех, кому читаешь, и о том, что составляет предмет твоей речи»*. Тем самым отмечаются важные составляющие успешного коммуникативного процесса, описанные еще Аристотелем, - оратор (его личностные и профессиональные качества), речь (манера произношения и следование выбранной теме) и аудитория (направленность на слушателя, ведение диалога).

Вторая особенность языкового воплощения демократического стиля общения связана с функционально-стилистическими разновидностями речи. В ситуациях передачи знаний, а также в устной речи педагога на первый план выходит научно-учебный подстиль научного стиля. Речь Николая Степановича полностью соответствует нормам этого подстиля. Профессор употребляет в диалоге со своими студентами общенаучную лексику (*«заболевание», «бессонница», «человек», «закон», «открытие», «аспект»*), книжную (*«разуметь», «смертию», «богослов», «подите»*), а также дидактическую (*«запомните», «изученное», «пройденное»*). К морфологическим признакам научно-учебного подстиля, которые также проявляются в речи героя рассказа «Скучная история», следует отнести использование формы повелительного наклонения глаголов (*«садитесь», «почитайте», «поймите», «вспомните»*), а также формы глаголов настоящего времени в значении «настоящего вне-временного» (*«образуются», «создаются», «начинаются»*). Рассказывая о себе и о своей работе, Николай Степанович пользуется логически четкими

формулировками, анализирует явления и обобщает сказанное. Например, перечислив свои научные заслуги, он делает вывод: *«И прочее, и прочее. Все это и многое, что еще можно было бы сказать, составляет то, что называется моим именем»*. Подобный строй речи соответствует ходу мышления исследователя, который умеет в частном видеть черты общего и вести анализ от составных частей изучаемого объекта к его общей характеристике. Это проявляется и в ситуации, когда Николай Степанович анализирует перемены в самом себе (своеобразное перенесение в сферу чувств научного анализа): *«Во мне происходит нечто такое, что прилично только рабам: в голове моей день и ночь бродят злые мысли, а в душе свили себе гнездо чувства, каких я не знал раньше. Я и ненавижу, и возмущаюсь.... Изменилась во мне и моя логика... »*. Речь профессора иногда носит конспективный, отрывочный характер: *«еще одно: писать по-немецки или английски для меня легче, чем по-русски»*, *«а потом - бессонница»*, *«другая черта: фанатическая вера в непогрешимость науки»*, *«далее пью чай, собираюсь на работу»*. Вкрапление в речь Николая Степановича разговорных выражений подчеркивает его близость к своим студентам (*«у меня не лавочка!»*, *«ломовой конь»*, *«короче говоря»*, *«ученый тупица»*). Этот факт отмечает сам профессор: *«таких молодых, которых я, выражаясь на студенческом языке, гоняю или проваливаю, у меня ежегодно набирается человек семь»*. Данный метатекст, как «метаорганизатор высказывания» по А.Вежбицкой, выполняет связующую функцию компонентов текста, а также привлекает внимание читателя, усиливая при этом его понимание отношений между студентами и профессором (не противопоставление, а сопоставление). Главной целью метатекста является объяснение выбора того или иного слова (*«...выражаясь на студенческом языке»*). При этом воспроизводится метаязыковое сознание говорящего, являющееся составной частью его языкового сознания. Подобное сочетание научного и разговорного функционального стиля, по мнению Т.А. Ладыженской, соответствует принципам демократического общения.

Сравнивая своих студентов, *«полтораста лиц, не похожих одно на другое, и триста глаз, глядящих мне прямо в лицо»* с многоголовой гидрой, он говорит о том, что *«цель моя - победить эту многоголовую гидру. Если я каждую минуту, пока читаю, имею ясное представление о степени ее внимания и о силе разума, то она в моей власти»*. При этом Николай Степанович указывает на борьбу не только с этой многоголовой гидрой, но и с самим собой: *«Другой мой противник сидит во мне самом. Это - бесконечное разнообразие форм, явлений и законов и множество ими обусловленных своих и чужих мыслей. Каждую минуту я должен осаживать себя и помнить, что в моем распоряжении имеются только час и сорок минут. Одним словом, работы немало. В одно и то же время приходится изображать из себя и ученого, и педагога, и оратора, и плохо дело, если оратор победит в вас педагога и ученого, или наоборот»*. Здесь мы видим профессора как рефлексирующую личность, осмысляющего свою деятельность, заглядывающего «внутрь» с целью ее совершенствования. Обратим внимание на то, что стаж профессора более 30 лет, но он все равно прибегает к рефлексии, что демонстрирует его высокий профессионализм. Профессор с уважением относится к аудитории, к ученикам. Указывая на их недостатки в целом (*«они охотно поддаются влиянию писателей новейшего времени»*, *«все затруднительные вопросы, имеющие более или менее общественный характер (например, переселенческий), они решают подписными листами»*, *«они охотно становятся ординаторами, ассистентами, лаборантами, экстернами и готовы занимать эти места до сорока лет, хотя самостоятельность, чувство свободы и личная инициатива в науке не меньше нужны, чем, например, в искусстве или торговле»*), он подчеркивает в то же время их неповторимость и радость от диалога с ними: *«Студенческие грехи досаждают мне часто, но эта досада ничто в сравнении с той радостью, какую я испытываю уже 30 лет, когда беседую с учениками, читаю им, приглядываюсь к их отношениям и сравниваю их с людьми не их круга»*. Студенты, видя предрасположенность профессора к ним, относятся к нему с уважением (*«Чувствуешь что-то особенное,*

когда за дверью морем гудит аудитория...при моем появлении студенты встают, потом садятся, и шум моря внезапно стихает. Наступает штиль»)), называют Николая Степановича в своих кругах «любимым профессором». Подобное взаимодействие, дружелюбная атмосфера характеризует демократический стиль педагогического общения и руководства образовательным процессом.

При характеристике педагогического стиля профессора важную роль играют две ситуации общения «учитель – ученик», описанные в рассказе: беседа со студентом, не сдавшим экзамен, и с докторантом, который не может самостоятельно выбрать тему для своей диссертации. Здесь канал связи «учитель-ученик» переходит в диалог «наставник-ученик», появляются жанры совета и наставления, описанные нами в статье «Речевой жанр как инструмент создания образа учителя в творчестве А.П.Чехова» [Мануилова, 2015].

Николай Степанович анализирует деятельность не только своих студентов, но и коллег, выделяя при этом два типа преподавателя-ученого: «*хозяин в науке*» и «*работник*». Для «хозяина в науке» характерны следующие черты: получать наслаждение от чтения лекций («*Никакой спорт, никакие развлечения и игры никогда не доставляли мне такого наслаждения, как чтение лекций. Только на лекции я мог весь отдаваться страсти и понимал, что вдохновение не выдумка поэтов, а существует на самом деле*»), наука должна быть смыслом жизни («*Как 20-30 лет назад, так и теперь, перед смертью, меня интересует одна только наука. Испуская последний вздох, я все-таки буду верить, что наука – самое важное, самое прекрасное и нужное в жизни человека, что она всегда была и будет высшим проявлением любви и что только ею одною человек победит природу и себя*»), проявлять фантазию и изобретательность в общении со студентами («*Передо мною полтора ста лиц, не похожих одно на другое, и триста глаз, глядящих мне прямо в лицо. Цель моя – победить эту многоголовую гидру*»), «*я говорю какой-нибудь каламбур*»). Ко второму типу – «работника» – он

относит своего бывшего ученика, молодого преподавателя Петра Игнатьевича, который *«работает от утра до ночи, читает массу, отлично помнит все прочитанное - и в этом отношении он не человек, а золото, в остальном же прочем - это ломовой конь, или, как иначе говорят, ученый тупица»*. С сожалением профессор предвидит его будущее: *«за всю свою жизнь он приготовит несколько сотен препаратов необыкновенной чистоты, напишет много сухих, очень приличных рефератов, сделает с десятков добросовестных переводов, но пороха не выдумает. Для пороха нужны фантазия, изобретательность, умение угадывать, а у Петра Игнатьевича нет ничего подобного. Короче говоря, это не хозяин в науке, а работник...»*. Перед нами совет, обращенный уже к читателю. Предлагая подобную классификацию, профессор призывает все тех, кто преподает и занимается наукой, стремиться к первому типу, к *«хозяину науки»*.

Таким образом, Николай Степанович придерживается демократического стиля педагогического общения и руководства учебным процессом, что подтверждается на языковом уровне особенностями устной речи профессора, объединением научной и разговорной функционально-стилистической разновидностей речи, успешным взаимодействием преподавателя с учебным коллективом, употреблением в учебном диалоге жанра совета и другими показателями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Введение в педагогическую деятельность: учеб. пособие для студ. высш. учеб. Заведений / под ред. А.С. Роботовой. 4-е изд., перераб. М.: Академия, 2007. 224 с.
2. Десяева Н.Д. Культура речи педагога: учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений. 2-е изд., стер. М.: Академия, 2006. 192 с.
3. Кан-Калик В.А. Учителю о педагогическом общении. М.: Просвещение, 1987. 190 с.

4. Ладыженская Т. А. Живое слово: Устная речь как средство и предмет обучения: учеб. пособие по спецкурсу для студентов пед. ин-тов по спец. № 2101 «Рус. яз. и лит.». М.: Просвещение, 1986. 127 с.

5. Мануилова А.Е. Речевой жанр как инструмент создания образа учителя в творчестве А.П.Чехова // Язык и культура: сборник материалов XVII Международной научно-практической конференции / под общ. ред. С.С.Чернова. Новосибирск, 2015 (в печати)

6. Михальская А.К. Педагогическая риторика: история и теория: учеб. пособие для студ. пед. университетов и институтов. М.: Академия, 1998. 432 с.

7. Сергеев И.С. Основы педагогической деятельности: учебное пособие. Санкт Петербург: Питер, 2004. 316 с.

8. Смелкова З.С. Педагогическое общение: Теория и практика учебного диалога на уроках словесности. М.: Флинта: Наука, 1999. 232 с.

9. Чехов А.П. Повести и рассказы. Вступ. статья Э. Полоцкой. М.: Худож. лит, 1999. 325 с.

Махракова М.И.*
ПОРТРЕТИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ
ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ
(НА МАТЕРИАЛЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ
ИНТЕРНЕТ-ФОРУМОВ)

The article presents the fragment of portraying the collective linguistic identity of an economist. The modeling of the professional linguistic identity is carried out, on the one hand, by referring to the genres in which the person conducts his or her speech activity - Internet forums. On the other hand, the genre approach allows us to obtain the information about the linguistic manifestations of the identity, in particular, through the analysis of the lexical means chosen by a writing person at the moment of solving the communication problem.

Key words: professional linguistic identity, genre approach, lexical means, Internet forum.

Аннотация: В статье представлен фрагмент речевого портретирования коллективной языковой личности экономиста. Моделирование профессиональной языковой личности осуществляется в работе, с одной стороны, посредством обращения к тем жанрам, в которых она осуществляет свою речевую деятельность - интернет-форумам. С другой стороны, жанровый подход позволяет получить информацию о языковых проявлениях личности, в частности, через анализ лексических средств, избираемых пишущим в момент решения коммуникативной задачи.

Ключевые слова: профессиональная языковая личность, жанровый подход, лексические средства, интернет-форум.

Особой сферой исследования функциональных тенденций языка в лингвистических работах последнего времени является комплексное описание

---

* Научный руководитель – канд. филол. наук, доцент Денисова Э.С. (Кемеровский государственный университет)

языковой личности (ЯЛ). Для современного этапа изучения языковой личности характерны следующие положения:

1) исследование разных типов языковой личности, в т.ч. рядовых носителей языка, с опорой на обширную фактическую базу, сформированную на основе различных источников;

2) разноаспектное, комплексное исследование языковой личности, совмещающее данные лингвистики, психологии, социологии, культурологии;

3) тенденция к изучению не речевой способности, а текстов, дискурса как реализации речевой способности, национально-культурных и мировоззренческих установок личности, ее индивидуально-психологических свойств;

4) редукция теоретически значимого представления о необходимости четкого разграничения индивидуальной и коллективной языковой личности, общего, социального и сугубо индивидуального в языковой личности [Иванцова, 2002: 9];

5) выделение лингвоперсонологических оснований эволюционных процессов в языке [Голев, 2006: 22];

6) устремленность к совершенствованию и обоснованию методологической базы исследования языковой личности, к разработке принципов моделирования, типологизации и портретирования языковой личности [Денисова, Чабаненко, 2012: 118].

В настоящее время в лингвоперсонологии создано множество моделей описания языковой личности, базирующихся на разных основаниях и ориентированных на различные исследовательские цели. Как отмечают исследователи, «помимо собственно лингвистических параметров, всё чаще при создании типологий ЯЛ лингвисты обращаются к внешним по отношению к языку основаниям – этнокультурным и социокультурным» [Замилова, 2014: 246]. Учёт последних (социокультурных характеристик) позволяет учёным выделить типы ЯЛ на основе статусной или социальной принадлежности личности.

Так, Г.Г. Инфантова в статье «Сильная языковая личность» пишет о возможности выделения типов языковых личностей на основе освоения литературного языка: элитарной, среднелитературной и литературно-сниженной. Несмотря на некую условность данных терминов, на основании профессии, рода занятий могут быть выявлены языковые личности, для которых изучение языка, речевая деятельность – элемент профессии (ученые-филологи, учителя, актеры, дикторы, писатели и др.), и языковые личности, которые реализуют языковую систему в речи не как компонент собственно профессиональной деятельности. При этом люди одной специальности могут владеть языком / речью на разных уровнях [Инфантова, 2000: 68].

Последовательных и системных работ, в которых языковые личности как носители языковой способности определенного качества изучаются через призму их профессиональной принадлежности, в современной лингвистике представлено немного. На сегодняшний день описана языковая личность военного (Б.Л. Бойко), государственного служащего (М.Н. Панова), врача (И.А. Иванчук), политика (И.О. Прохорова).

В нашей работе представлен фрагмент речевого портретирования коллективной языковой личности экономиста на материале интернет-форумов. Под портретированием нами понимается создание на основе разработанной модели дискурсивного портрета языковой личности в ее личностно-ориентированном и статусно-ориентированном (по терминологии В. И. Карасика) проявлении.

С одной стороны, мы считаем, что моделирование целостной языковой личности возможно посредством обращения к тем речевым жанрам, в которых она осуществляет свою речевую деятельность (изучение ЯЛ с точки зрения её жанровых предпочтений подробно описано в работе [Лебедева, Корюкина, 2013]). В частности, обращение к жанру интернет-форума позволяет изучить феномен языковой личности как типового представителя профессиональной общности в условиях, максимально приближенных к естественным,

через метод включения в языковое существование изучаемой коллективной личности.

Материалом для исследования коллективной языковой личности послужили 10 экономических интернет-форумов. Данные форумы предназначены для общения специалистов, заинтересованных в определенном сегменте экономики. Определить возраст участников представляется сложным, так как по правилам форума они не обязаны его указывать, но можно предположить, что активными пользователями (читающими и, главное, пишущими) являются люди, уже работающие в экономической сфере, примерно от 22-25 до 35-40 лет. Наличие большого количества на форуме тем, связанных с обучением, показывает, что студенты экономических факультетов активно посещают данные форумы, хотя их темы ограничиваются, как правило, просьбами о помощи.

Созданные темы адресованы широкому кругу лиц (всем участникам форума). Стоит отметить, что обращение к участникам форумов достаточно разнообразно, может быть официальным (контексты 1, 2) или имитирующим официальное (контексты 3, 4, 6), дружеским (контекст 7) и обобщенным (контексты 5, 8), ср.: 1. *Уважаемые коллеги, есть ли у Вас учетная политика по Управленке или Финансовому учету, скиньте пожалуйста*)...*stasya*. 2. *Здравствуйте, уважаемые господа! Подскажите – кредиты (возобновляемые), взятые в банке, выплачиваются из прибыли? ...Натали*. 3. *Здравствуйте, знатоки! ... Как рассчитываются нормы выработки в смену? ... Яна*. 4. *Уважаемые форумчане прошу вашей консультации!... Elen*. 5. *Всем здравствуйте. Задался целью получить кредит для достройки дачи (+вода+энергия+...)*СЕТЕР*. 6. *Уважаемые господа Банкиры! Есть ли в России хоть один банк, который кредитует реальный рыночный обеспеченный проект лизинговой компании? ... AlexS_NEW*. 7. *Всем привет! Случилось страшное... Manager 10*. 8. *Люди, пожалуйста, отзовитесь! Есть кто-нибудь кто знает матрицу БКГ???? Kissmanya*.*

Сообщения-комментарии могут быть адресованы как коллективному получателю (контексты 5 и 6), так и конкретному лицу (контексты 1, 2, 3, 4, 7). 1. Витя. Спасибо, скачала, установила-дома все запустилось Лёнка. 2. извините Зета я не правильно выразилась...ntnt. 3. Коллега, возникли вопросы...L54 . 4. Мегарек. Этого я не учел, совершенно с Вами согласен...Энтузиаст. 5. Уважаемые участники форума, спасибо Вам за интерес проявленный к теме вендинга ... Гость_Мегарек_* . 6. Ну что же, друзья... Меня этот вопрос тоже интересует.. 😊) Можно организовать Клуб..А все же, кто же нам теперь уже троим поможет? Элина. 7. Одну ветку закрыли, новую открыли. Да, господин Роллман, объясните по кредиту? Какие цели и задачи? Поня.

Пространство интернет-форумов с точки зрения тематической представленности можно разделить на две сферы – экономическую и бытовую. Анализ тематических сфер общения и обмена информацией позволяет выявить общие установки экономического сообщества и отдельных его представителей.

Так, экономическая сфера включает в себя разделы, посвященные обсуждению следующих тем: *планирование, анализ и организация производства; труд и заработная плата; финансы; себестоимость и ценообразование; сбыт и маркетинг, ВЭД (внешнеэкономическая деятельность); вопросы бухучета и налогообложения; аналитика рынков; менеджмент; торговля и продажи; маркетинг; инвестиции и ряд других.*

Большинство пользователей посещают экономические форумы для получения информации экономического характера, для обращения за помощью в разъяснении непонятных слов, терминов, другие участники, в свою очередь, делятся информацией, помогают советами, ср.: 1. *Доброго времени суток. Подскажите пожалуйста ответ на такой, казалось бы банальный и простейший вопрос – чем отличается товароборот от выручки? только не надо цитировать определения этих слов – я их уже читала. хочется, чтобы кто-нибудь доступно и просто объяснил «на пальцах» эти различия.* заранее

благодарна. Анна – начинающий финансовый менеджер (гость). 2. Уважаемые экономисты!!! Помогите разобраться с налогами и отчислениями включаемыми в затраты на производство и реализацию продукции в 2010, 2011 и 2013 ... n14asty . 3. плииииз помогите!!! ... Светик. 4. Здравствуйте! Посоветуйте пожалуйста какие-нибудь книги по закупкам и логистике ... Алена. 5. Здравствуйте, я не имею никакого экономического образования, поэтому прошу совета...1580509.

Активные участники форума стараются заинтересовать других коммуникантов не только передачей нужной информации, но и посредством текстового, графического оформления своих сообщений. Обязательными элементами коммуникации на форумах становятся необычные никнейм, аватар, ориджин, – их синтез оказывает комплексное влияние на участников коммуникации, реализует стремление пользователя к самопрезентации, помогает лучше понять его как виртуальную личность. Данные составляющие языковой личности мы более подробно рассматривали в ряде других работ (см., например: [Махракова, 2014]).

С другой стороны, жанровый подход к описанию языковой личности позволяет получить информацию и о её языковых проявлениях. По справедливому замечанию Е.В. Иванцовой, нельзя считать лексический уровень «нулевым» в структуре языковой личности, так как именно анализ лексики является «наиболее благодатной почвой для реконструкции "внеязыковой составляющей" ЯЛ: особенностей её мировосприятия и миропонимания, характера ценностных установок в сложной связи типического и индивидуального начал» [Иванцова, 2014: 310]. Потому лексические средства, избираемые говорящим / пишущим в момент решения коммуникативной задачи, являются значимыми характеристиками языковой личности.

Как отмечает К.В. Томашевская, одним из активных процессов в экономическом дискурсе современника является «заимствование как средство номинации новых экономических реалий, концептуализации уже известных и показатель межкультурного взаимодействия» [Томашевская, 2000: 19]. В

нашей работе избираемые личностью языковые средства, в частности, предпочтение заимствованных англоязычных терминов, их переход в русском языке в разряд профессионализмов, мы относим к систематизирующим признакам дискурсивного портрета коллективной языковой личности экономиста. Проиллюстрируем это положение примерами заимствованных из английского языка единиц, функционирующих на экономических форумах:

1. В обсуждении всех тем участники форумов активно используют заимствованную лексику, например:

«Алексей, тяжело ребрендинг идет – народ привык :)»

«Оказывается у меня во вкладке хрома форум обозначается как AUP. Ну какой тут может быть ребрендинг при таких ремайндерах?».

Обе единицы заимствованы из английского языка. Слово «*ребрендинг*» имеет семь примеров использования в Национальном корпусе русского языка и, очевидно, только начинает активно функционировать в языке, слово «*ремайндер*» же не представлено ни в корпусе, ни в Википедии, однако интернет-поисковики дают ссылки на программы-ремайндеры, т.е. буквально программы – напоминатели (от англ. to remind – напоминать).

В разделе «Бизнес-форум», подразделе «Менеджмент и управление предприятием» открыта тема «*Инсайдеры*». Данное слово заимствовано от английского аналога *inside* – ‘внутренний’ (ср. контекст: «*Более актуально, где и как получить или купить квалифицированный инсайд?*»). Значение единицы представлено в БЭС: ‘1. Лицо, имеющее в силу своего служебного или семейного положения доступ к конфиденциальной информации о делах компании. 2. Физическое лицо – акционер, имеющий более 5% акций, директор, член совета, член кредитного совета и т.д.’ [БЭС, 2008: 374].

В обсуждениях по этой теме встречаются производные единицы, ещё не зафиксированные в словаре: «*Вопрос следующего плана, насколько актуальна на сегодняшний день тема борьбы с инсайдерством?*». В этих контекстах отражен процесс активной адаптации нового заимствованного слова языковой личностью русского языка, когда иноязычная единица (*инсайд*) ста-

новится вершиной нового словообразовательного гнезда, т.е. проявляет готовность к производству однокоренных слов в языке: *инсайдер, инсайдерство*.

В одной из тем форума сайта «Финам.ru» была использована заимствованная единица «шорт»: *«Брок Сбербанк. Опишите процесс покупки в шорт, как это правильно сделать? Ни разу этого не делал, хочу попробовать. И какие бумаги можно шортить?»*. Данное слово заимствованно из английского языка (*short*) и не представлено в словарях и Национальном корпусе русского языка. Его значение удалось установить только посредством интернет-ресурсов – *«так трейдеры называют короткую позицию, что означает ставка на то, что рынок будет снижаться. Удерживая позицию шорт, трейдер зарабатывает, когда рынок падает, и теряет деньги, когда он растет»*.

2. Иноязычные термины используются в заголовках интернет-форумов, т.е. в сигнификативно сильной позиции. Например: *«Stand In u Down Options в МС кто может четко объяснить»*. Очевидно, что данные слова являются по происхождению английскими, и индивид использует их в оригинальном написании языка-источника. Однако далее тот же пользователь выбирает другой вариант их написания: *«спасибо, а еще можете объяснить какой порядок работы (очередность) даун опшн и стенд-ин, ну т.е. если мы не настроим даун опшн, то в Европе при недоступности нашего ПЦ операции пройдут по стенд ину?»*. Как видим, заимствования приобретают в речи личности систему формоизменения, характерную для исконно русских слов.

3. Новые экономические термины на форумах функционируют не только в названиях тем и сообщениях участников, но и в голосовании, размещенном на главной странице. Например, *«Знаете ли вы, что такое Ассесмент?»* с вариантами ответов: 1. *Да*. 2. *Слышал, но толком не знаю*. 3. *Не только знаю, но и участвовал в нем*. 3. *Нет*. 4. *Мне плохо от таких слов*.

Участниками форумов создаются разделы, в которых обсуждаются подобные новые единицы, их значение и необходимость использования в рус-

ском языке. Англоязычные заимствования становятся объектом метаязыковой рефлексии, что позволяет сделать вывод о том, что данные единицы активно используются в речевой практике ЯЛ экономиста.

Таким образом, при дискурсивном портретировании формой проявления языковой личности является совокупность произведенных ею текстов. К систематизирующим признакам портрета языковой личности экономиста можно отнести возрастные, социально-культурные и языковые особенности участников коммуникации; цель, способы и функции общения; а также тематическую организацию избранного жанра виртуального пространства. Для получения валидных результатов в дальнейшем планируется проведение эксперимента для выявления типологических особенностей коллективной языковой личности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Большой экономический словарь / под ред. А.Н. Азрилияна . 7-е изд., доп. М.: Институт новой экономики, 2008. 1472 с.
2. Голев Н.Д. Лингвотеоретические основания типологии языковой личности // Лингвоперсонология: Типы языковых личностей и личностно-ориентированное обучение. Барнаул, Кемерово, 2006. С. 7-28.
3. Денисова Э.С., Чабаненко М.Г. Портретирование языковой личности молодежного дискурса // Язык как система и деятельность-3: материалы Международной научной конференции; ответственный редактор Е.Я. Кедрова. Ростов-на-Дону, 2012. С. 118-121.
4. Замилова А.А. Лингвосоционическая типология языковой личности // Языковая личность: Моделирование, типология, портретирование. Сибирская лингвоперсонология. Ч. 1 / под ред. Н.Д. Голева и Н.Н. Шпильной. М.: Ленанд, 2014. С. 246-273.
5. Иванцова Е. В. Феномен диалектной языковой личности: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01. Томск, 2002. 395 с.
6. Иванцова Е. В. Исследование типологических черт диалектной языковой личности // Языковая личность: Моделирование, типология, портрети-

рование. Сибирская лингвоперсонология. Ч. 1 / под ред. Н.Д. Голева и Н.Н. Шпильной. М.: Ленанд, 2014. С. 308-347.

7. Инфантова Г.Г. Сильная языковая личность: ее постоянные и переменные признаки // Речь. Речевая деятельность. Текст: Межвуз. сб. науч. тр. Таганрог, 2000.С. 63-69.

8. Лебедева Н.Б., Корюкина Е.А. Наивный автора как письменноречевая личность: жанровый аспект: монография; под ред. Н.Б. Лебедевой. Кемерово, 2013. 179 с.

9. Махракова М.И. Портретирование языковой личности экономиста (на материале интернет-форумов) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 1-1 (31). С. 89-93.

10. Томашевская К. В. Экономический дискурс современника в его лексическом представлении: автореф. дис... д-ра филол. наук. СПб., 2000. 30 с.

Молодых Д.А.*
МЕМОУАРЫ ГЕНЕРАЛА
А. И. ДЕНИКИНА

**КАК ЛИНГВОПЕРСОНОЛОГИЧЕСКИЙ
ИСТОЧНИК**

The article gives the analysis of the verbal-semantic level of linguistic identity of the white general Anton Ivanovich Denikin. Basing on the detection of the value system reflected in the text, a picture of the world of the historical linguistic identity is reconstructed.

Key words: linguistic personology, linguistic identity, picture of the world.

Аннотация: В статье дан анализ вербально-семантического уровня языковой личности белого генерала Антона Ивановича Деникина. На основе выявления системы ценностей, отражённых в тексте, реконструируется картина мира исторической языковой личности.

Ключевые слова: лингвоперсонология, языковая личность, картина мира.

Лингвоперсонология как относительно новая наука нуждается в расширении эмпирической базы, т.е. в привлечении новых текстов и жанров для исследования языковых личностей. Важно также анализировать таких исторических языковых личностей, которые ранее не становились объектом специального лингвистического исследования, хотя их роль в отечественной истории и культуре общепризнана. Именно поэтому в качестве источника исследования с позиций лингвоперсонологии привлекается мемуарный цикл «Очерки русской смуты» И.А. Деникина. Этот цикл издавался за границей в крупнейших центрах русской белой эмиграции с 1921 по 1926 гг. Он состоит из пяти томов, первые два из которых были написаны в Бельгии (изданы в Париже в 1921 и 1922 гг.), а следующие три – в Венгрии (изданы в Берлине в

---

* Научный руководитель – д-р филол. наук, проф. Фельде О. В. (Сибирский федеральный университет).

Исследование выполнено при поддержке гранта ККФНиНТД № КФ-481 «Читатель – университет – словесность: Красноярск в Год литературы»

1924, 1925 и 1926 гг. соответственно). В тексте рассказывается о драматических событиях русской революции 1917 г., её предпосылках, создании и боевых действиях Добровольческой армии и о событиях Гражданской войны вплоть до эмиграции автора в апреле 1920 г. В 1920-х гг. фрагменты «Очерков русской смуты» попадали в официальную советскую печать, но, по словам биографа Деникина, Дмитрия Леховича, были лишь «подтасовкой фактов, с умышленно однобоким освещением событий», поскольку в то время изучение взглядов противников большевиков проводилось лишь с целью доказательства прогрессивности большевизма и неизбежности его победы в ходе Гражданской войны.

С конца 1920-х гг. по 1980-е книги Деникина в СССР не издавались. В современной России впервые опубликованы в 2002 г. На настоящий момент тексты «Очерков» доступны в сети Интернет [URL: http://royallib.com/book/denikin_a/ocherki_russkoy_smuti_tom_1.html].

Примечательно то, что данный текст в лингвоперсонологическом аспекте *впервые* подвергается научному анализу. Именно этот факт, а также большой объём и высокая историко-культурная информативность послужили причиной привлечения его для настоящего исследования.

Автор мемуаров, Антон Иванович Деникин (4 декабря 1872– 7 августа 1847), был выдающимся представителем белого движения, свидетелем и участником ключевых моментов истории России и, кроме того, образованным и литературно одарённым человеком. Несмотря на незнатное происхождение и бедность, в которой жила семья, смог сам построить блестящую военную карьеру. В 1890 г. поступил в Юнкерское училище, окончил Академию Генштаба; командовал полком в русско-японской войне и получил звание генерал-майора перед Первой мировой войной. Был награжден двумя Георгиевскими крестами и Георгиевским оружием, украшенным бриллиантами. В 1917 г. по обвинению в мятеже был арестован и посажен в Быховскую тюрьму; оттуда бежал на Дон и вошёл в командование Добровольческой армией. 26 декабря 1918 г. вступил в должность главнокомандующего Вооружёнными

ми силами Юга России (ВСЮР). 6 апреля 1920 г. он отплыл из России к берегам Англии.

В эмиграции он почти немедленно принялся писать свои воспоминания, и считал их «самым важным делом» жизни за границей и видел в этом «свой долг в отношении белого движения и перед памятью павших в борьбе». «Вот не увижу, как Россия спасётся!» – таковы были его последние слова.

В задачи статьи входит демонстрация лингвистической информативности текстов «Очерков...» для исследования языковой личности Антона Ивановича Деникина.

Гипотеза исследования заключается в том, что именно мемуары наиболее точно отражают картину мира исторической языковой личности, которая реконструируется на основе выявления системы ценностей, отраженных в тексте.

Актуальность исследования обусловлена тем, что оно позволит расширить эмпирическую базу лингвоперсонологии: привлекается новый источник для решения фундаментальной проблемы «язык и личность». Исследование раскрывает черты языковой личности, на формирование которой оказали влияние такие факторы, как эмиграция, революция, война и другие судьбоносные события исторического масштаба. Результаты исследования могут быть использованы не только в языковедческих, но и исторических и историко-культурных дисциплинах, и в этом заключается практическое значение работы.

Под языковой личностью в настоящем исследовании мы, вслед за Ю.Н. Карауловым, понимаем совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов), которые различаются а) степенью структурно-языковой сложности, б) глубиной и точностью отражения действительности, в) определенной целевой направленностью [Караулов, 2010].

По Ю. Н. Караулову, языковая личность состоит из трёх уровней: вербально-семантического (нулевого), лингвокогнитивного (первого) и мотивационного (второго) уровней.

Продемонстрирует лингвистическую информативность «Очерков», анализируя вербально-семантический уровень языковой личности А.И.Деникина А. И., поскольку именно этот уровень позволяет выявить основные сегменты знаний о мире, ценностные ориентиры и моральные установки личности.

Ключевым словом анализируемого текста является слово «революция», которое имеет семантические, синтаксические и контекстуальные синонимы «мятеж», «смута», «большевистский / октябрьский переворот», «анархия, охватившая страну» и др.

«Революция» – не только военные действия, смена властей, но и болезнь, патология, что не раз подчёркивается в тексте «Очерков»: *«Историк и мыслитель, изучая впоследствии течение русской **революции** по этим человеческим документам, вряд ли сумеют установить правильное понимание ее законов, если не обратятся в область **патологии**: не только для истории, но и для медицины состояние умов в особенности у верхнего слоя русского народа в годы **великойсмуты** представит высокоценный неисчерпаемый источник изучения»* (Деникин, Т. 2, гл. X).

Доминирующие темы революции и гражданской войны в России определяют специфические черты словарного состава произведения. Автором используется большое количество политической и военной терминологии (*кадеты, эсеры, большевики, казаки, государь, добровольческая армия, фронт и др.*), в тексте фигурируют наименования документов (*Резолюция «комитета народной борьбы с контрреволюцией» и др.*), названия учреждений и организаций (*Временное правительство, Совет (Центральный исполнительный комитет)*), и, безусловно, упоминается множество исторических событий (*Брест-Литовский мирный договор 19 февраля 1918 г., штурм Екадеринодара и др.*).

На примере из текста мы видим, что военная и политическая терминология встречается в тексте очень часто: *«Рознь между казачьим и иногородним населением приняла еще более острые формы: наверху, в **представительных учреждениях**, она проявлялась непрекращавшейся **политической борьбой**, – внизу, в станицах – народной **смутой**, расчищавшей путь **большевизму**»* (Деникин, Т. 2, гл. XV).

О том, насколько мемуары отражают вовлечённость автора в исторический процесс, свидетельствуют многочисленные антропонимы. Только во втором томе, посвященном 1917 – 1918 гг., автором упоминается более 50 исторических имен. Среди них имена членов императорской семьи (*Николай II, Александра Федоровна, цесаревич Алексей*), публицистов и агитаторов того времени (*Суворин, Аладьин*), писателей (*Л. Толстой*), представителей генералитета Добровольческой армии (*Корнилов, Алексеев и др.*), имена министров Временного правительства (*Керенский, Милюков и др.*), имена большевистских вождей (*Ленин, Троцкий*).

Можно утверждать, что отбор лексики продиктован не только темой мемуаров, но и социальной ролью, характером, жизненным опытом, идеологическими установками автора и его мировоззрением. Так, текст «Очерков» представляет нам Деникина А. И. как человека православной культуры, глубоко верующего, расценивающего события революции как грех, а её вождей как лицемеров и лгунов. В характеризующей функции используется высокая библейская лексика:

*«Но когда **фарисеи** – вожди российской революционной демократии, пытаясь оправдать учиненный главным образом их руками развал армии, уверяют, что она и без того близка была к разложению, – они лгут»* (Деникин, Т.2. гл. II).

*«Но что делала **соль земли**, верхние слои народа, социалистическая, либеральная и консервативная интеллигенция, наконец, просто «излюбленные люди», более или менее законно, более или менее полно, но все же пред-*

ставлявшие подлинный народ – это выходит за пределы человеческого понимания» (Деникин, Т. 2, гл. X).

В подобной характеризующей роли выступают упоминания Деникиным исторических, прецедентных событий, фактов и деятелей. Из этого следует вывод о высоком уровне эрудиции Деникина А. И., его культурном развитии. Эти примеры также показательны в плане отношения автора к предмету речи:

«Поток слов умных, глупых или бредовых; высокопатриотических или предательских; искренних или провокаторских. Но только слов. В них отражены гипноз отвлеченных формул и такая страстная нетерпимость к программным, партийным, классовым отличиям, которая переносит нас к страницам талмуда, средневековой инквизиции и спорам протопопа Аввакума» (Деникин, Т. 2, гл. X).

Подверженного незаслуженной и нелепой клевете в рядах Добровольческой армии генерал-лейтенанта Ивана Павловича Романовского Деникин сравнивает с великим полководцем Отечественной войны 1812 г. – что свидетельствует о положительном отношении Деникина А. И. к Романовскому:

«Искусно направленная клевета выдвинулась на роль «виновника» генерала Романовского. Этот «Барклай де Толли» добровольческого эпоса принял на свою голову всю ту злобу и раздражение, которые накапливались в атмосфере жестокой борьбы» (Деникин, Т. 3, гл. III).

Во многих контекстах «Очерков русской смуты» важное место занимает эмотивная лексика и фразеология. Например, автор использует оценочную лексику, когда пишет о своем соратнике генерале Алексее Максимовиче Каледине:

«Каледин принял власть, «как тяжелый крест». Он говорил: «Я пришел на Дон с чистым именем воина, а уйду, быть может, спроклятиями...». Русский патриот и Донской атаман!» (Деникин, т.2, гл. XV).

Эмоционально окрашены фрагменты текста, посвященные генералу Лавру Георгиевичу Корнилову:

«Безумные люди! Огненными буквами записано в летописях имя ратоборца за поруганную русскую землю; его не вырвать грязными руками из памятинародной» (Деникин, Т. 2, гл. XXVI).

Резко отрицательно Деникин относится к революционерам, а также к их «попутчикам», называя их «*обывательской тиной*», «*интеллигентским маразмом*», «*советской опричниной*»:

«...история отметит тот важный для познания русской народной души факт, как на почве кровавых извращений революции, обывательской тины и интеллигентского маразма могло вырасти такое положительное явление, как добровольчество, при всех его теневых сторонах сохранившее героический образ и национальную идею» (Деникин, Т. 2, гл. XVII);

«Советская опричина убивала и мучила всех не столько в силу звериного ожесточения, непосредственно появившегося во время боя, сколько под влиянием направляющей сверху руки, возводившей террор в систему и видевшей в нем единственное средство сохранить свое существование и власть над страной» (Деникин, Т. 2, гл. XVII).

Следует отметить, что оценочная лексика автором часто используется в особых контекстах, которые представляют собою генерализованные высказывания и индивидуально-авторские сентенции в коммуникативно сильных позициях, например, в финале глав, как следующие примеры:

«Итак, инертность, слабоволие, беспринципность, семья, «профессиональная привычка» создавали понемногу прочные офицерские кадры Красной армии, подымавшие на добровольцев братоубийственную руку»(Деникин, Т. 2, гл. XIX).

«Ждать исцеления Дона не было сил» (Деникин, Т. 3, гл. XIV).

Итак, в словарном составе рассмотренного мемуарного цикла отражены не только особенности семантикона А. И. Деникина, но и его ценностные ориентиры и установки, взгляды на ход революции, отношение к воюющим сторонам и многое другое. Мы видим, что для картины мира белого генерала Деникина характерна не просто резко негативная оценка революционных

действий, но и восприятие революции как греховного, нечистого дела. Анализ единиц следующего, тезаурусного (или лингвокогнитивного) уровня, который имеет дело уже не с семантикой слов и выражений, а со знаниями, является перспективой дальнейшего исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 1 – 5. URL:http://militera.lib.ru/memo/russian/denikin_ai2/index.html (дата обращения: 3.04.2015)
2. Иванцова Е. В. Лингвоперсонология: Основы теории языковой личности. Томск, 2010. 370 с.
3. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. Изд. М.: Издательство ЛКИ, 2010. 264 с.
4. Котков С. И. Лингвистическое источниковедение и история русского языка. М., 1980. 294 с.
5. Лингвоперсонология: типы языковых личностей и личностно-ориентированное обучение: Монография / Под ред. Н. Д. Голева, Н.В. Сайковой, Э.П. Хомич. Барнаул; Кемерово: БГПУ, 2006. 435 с.

Тахавеева Ю.В.*

**АКТУАЛЬНЫЕ ЗАДАЧИ ИССЛЕДОВАНИЯ
ТЕРМИНОВ
И
ТЕРМИНОЛОГИЙ РУССКОГО ЯЗЫКА**

The article looks at the topical goals of terms and terminologies research in the Russian language in light of systemic-structural, functional, cognitive, historical and applied terminology.

Keywords: terminology, term, paradigm.

Аннотация: В статье рассматриваются актуальные задачи исследования терминов и терминологий русского языка в русле системно-структурного, функционального, когнитивного, исторического и прикладного терминоведения.

Ключевые слова: терминоведение, термин, терминология, парадигма, проблема аспект.

Современное терминоведение занимает важное место в системе гуманитарных наук. Эта дисциплина изучает важный сегмент языка, который обслуживает профессиональную сферу.

Целью настоящей статьи является выявление актуальных задач, которые в настоящее время стоят перед терминоведением русского языка – междисциплинарной научной дисциплины, которая сложилась как самостоятельная наука в середине XX века.

Источниками исследования послужили:

- диссертации по терминоведению и теории LSP, хранящиеся в Российской государственной библиотеке <http://diss.rsl.ru/>;
- статьи по терминоведению и теории LSP, размещенные в электронной библиотеке Elibrary http://elibrary.ru/news_library.asp;

---

* Научный руководитель – д-р филол. наук, проф. О. В. Фельде (Сибирский федеральный университет)

энциклопедическое издание: Татаринов В.А. Терминоведение: энциклопедический словарь. М.: Московский лицей, 2012.

Анализ работ диссертационного зала показал, что за последние 15 лет защищено 1259 работ, посвященных различным аспектам изучения терминов и терминосистем. В электронной библиотеке Elibrary было найдено 90 477 научных статей по терминоведению. Это свидетельствует об актуальности проблем, стоящих перед терминологами, которые работают в различных отраслях науки о терминах.

К основным отраслям терминоведения как обширной области знаний в настоящее время относятся общее терминоведение, историческое, сопоставительное, семасиологическое, функциональное и прикладное.

Теоретико-методологической базой многоотраслевой науки о терминах служит *общее терминоведение*, перед которым по-прежнему стоят задачи выявления сущности термина, а также определения статуса терминоведения как науки.

Эти проблемы решаются в трудах таких ученых, как К. Я. Авербух, С.В.Гринев-Гриневиц, В.М. Лейчик, В.А.Татаринов, С.Д. Шелов и др. При анализе их работ нами были выделены следующие *основные задачи теоретического терминоведения*:

- стратификация разделов терминоведения, выявление его места в системе наук;
- определение сущности термина;
- изучение системно-динамического, информационного и синергетического аспектов терминосистем и др.

Решать многие теоретические проблемы терминоведения помогает исторический (диахронический) подход к исследованию специальной лексики подъязыков прошлых эпох. *Историческое терминоведение* – ещё одна отрасль науки о терминах – одна из самых разработанных отраслей, поскольку её истоки мы обнаруживаем в работах первой половины и середины XX века. Не смотря на значительные достижения в изучении лексики русской матери-

альной и духовной культуры XVIII века и более раннего периода, в данной отрасли имеются множество нерешенных проблем. Одна из них – проблема реконструкции словарного состава профессиональных подязыков. По-прежнему актуальным является вовлечение в лингвистический оборот новых письменных памятников, особенно региональных, в которых отражаются особенности терминологизации специальных наименований. По мнению О.В. Фельде, именно исследование данного процесса является важнейшей задачей диахронического изучения терминологий [Фельде, 2015: 179].

Одним из самых современных направлений терминоведения является *когнитивное*, занимающееся исследованием роли терминов в научном познании и мышлении. Это научное направление органично вписано в новую когнитивно-дискурсивную парадигму. Представителями этого направления являются Е.И. Голованова, Н.А. Мишанкина, З.Р. Палютина, Л.А. Чернышова и др. Актуальные задачи этой отрасли, напрямую связанные со спецификой профессиональной коммуникации изучаемой отрасли знания, могут быть сформулированы следующим образом:

- определение онтологического статуса и содержания таких категорий как материя, профессиональный деятель, результат деятельности, процесс и т.д.;
- моделирование русского научного дискурса и изучение базовых лингвокогнитивных моделей;
- изучение производственных дискурсов, их моделирование и изучение базовых когнитивных моделей и особенностей их языкового выражения.

Магистральной проблемой когнитивного терминоведения является исследование совокупности терминов как результата когнитивной деятельности.

Значимое место в системе терминологических дисциплин занимает прикладное терминоведение, которое является источниковедческой базой для многих отраслей языкознания. Этой области науки о терминах принадлежит

важная роль в систематизации терминологий, выработывании практических принципов и рекомендаций по устранению недостатков терминов, их описанию, оценке, редактированию, упорядочению, созданию, переводу и использованию.

В настоящее время активно проводятся исследования в области таких отраслей прикладного терминоведения, как терминография, стандартизация и унификации терминологий, перевод терминов. В русле прикладного терминоведения выполнены работы И.С.Кудашова, В.Д. Табанаковой, О.В.Фельде (Борхвальдт) и ряда других ученых. Анализ современного состояния русской терминографии свидетельствует, что актуальными задачами в настоящее время являются разработка инновационных типов словарей с высоким индексом лингвистической и культурологической значимости, а также разработка новых средств семантизации научного термина.

Подводя итоги, отметим, что терминоведение является активно развивающейся наукой, привлекает внимание многих ученых, которые работают в её различных отраслях и решают задачи, обусловленные требованиями современной научной парадигмы и практическими потребностями общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Авербух К.Я. Общая теория термина: комплексно-вариологический подход: дис. ... д-ра филол. наук. Иваново, 2005. 324 с.
2. Андрианова С.В. Методика обучения профессиональной англоязычной терминологии студентов-физиков: автореф. дис. ... канд. фил. наук. М., 2008. 165 с.
3. Апалько И. Ю. Когнитивные, семиотические и прагматические основания формирования предметной области «Защита информации»: дис. ... д-ра филол. наук. Ростов-на-Дону, 2013. 380 с.
4. Бекишева Е. В. Формы языковой репрезентации гносеологических категорий в клинической терминологии: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Самара, 2007. 401 с.

5. Голованова Е. И. Категория профессионального деятеля в динамическом пространстве языка: Лингвокогнитивный анализ: дис. ... д-ра филол. наук. Челябинск, 2004. 367с.
6. Гринёв-Гриневиц С.В. Учебное пособие. М.: Издательский центр «Академия», 2008. 304 с.
7. Кудашев И. С. Финско-русский лесной словарь. Хельсинки, 2008. 896 с.
8. Лейчик В.М. Терминоведение: Предмет, методы, структура. 4-е изд. – М.: Либроком, 2009. 256 с
9. Мишанкина Н. А. Лингвокогнитивное моделирование научного дискурса: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Томск, 2010. 209 с.
10. Палютина З. Р. Теоретические основы цивилизационного направления в исследовании терминологии: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2005. 362 с.
11. Табанакова В.Д. Идеографическое описание научной терминологии в специальных словарях: автореф. дис. ... д-ра филол. наук Тюмень, 2001. 288 с.
12. Татаринцов В.А. Научная парадигма Российского терминологического общества РосТерм и ее перспективы // Терминол. вестн. М., 2000. № 1. С. 5-23.
13. Фельде О.В. Специальная лексика // Эффективное речевое общение (базовые компетенции) / под ред. А.П. Сковородникова. Члены редколлегии: Г.А. Копнина, Л.В. Куликова, О.В. Фельде, Б.Я. Шарифуллин, М.А. Южанникова. Красноярск: Изд-во Сибирского федерального университета, 2012. С. 652- 653.
14. Фельде О. В. Профессиональные подязыки и терминологии русского языка как объекты научного изучения // Вестник ТГПУ. 2015. Вып. № 4 . С. 178- 184.

15. Чернышова Л. А. Антропологические аспекты современной отраслевой терминологии (на материале терминологии железнодорожного транспорта): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2010. 340 с.
16. Шелов С. Д. Термин. Терминологичность. Терминологические определения. СПб.: Филологический фак-т СПбГУ, 2003. 280 с.

Финогенко О.В.

**ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
ИНФОРМАЦИОННЫХ ВОЙН**

(НА МАТЕРИАЛЕ ВЫПУСКОВ ЖУРНАЛА

«ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА» ЗА 2014 Г.)

The article presents an overview of the issues of the journal "Political Linguistics" published in 2014, devoted to the linguistic aspect of information wars. Basic directions of linguistic research related to the political discourse and presented in the Russian printed media are specified.

Keywords: information war, political discourse, political linguistics.

Аннотация: Статья представляет собой обзор материала выпусков журнала «Политическая лингвистика» за 2014 год, посвященного лингвистическому аспекту информационных войн. Выделены основные направления языковедческих исследований, отраженных в текстах печатных российских СМИ, которые связаны с политическим дискурсом.

Ключевые слова: информационная война, политический дискурс, политическая лингвистика.

Информационная война находится сегодня не только в фокусе внимания философии, политики, военного дела и экономики, но и лингвистической науки. Цель настоящей работы – охарактеризовать основной круг лингвистических проблем, связанных с информационными войнами в текстах современных российских печатных СМИ.

Сам термин «информационная война» появился в конце 70-х гг. XX века в работах американских военных теоретиков. Начало серьезного изучения данного явления было положено в 80-х годах XX столетия в США. Уже тогда наметились две основные линии развития исследований: первая – рассмотрение информационной войны с точки зрения её технического функционирования (при таком подходе речь идёт о кибервойне – войне систем управления инфор-

---

Научный руководитель – д-р филол. наук, проф. Сковородников А.П. (Сибирский федеральный университет)

мационными ресурсами), и вторая – анализ социального аспекта информационной войны, её механизмов воздействия на общественное сознание [Зверева, 2014: 11].

Информационная война – это информационное воздействие на коллектив (личность) с целью его (её) подавления и извлечения при этом кокой-то выгоды.

Исследование проводилось на материале журнала «Политическая лингвистика». Научный журнал «Политическая лингвистика» основан в 2007 году в Екатеринбурге и выходит 4 раза в год. Издание ориентировано на широкий круг читателей и авторов, представляющих различные научные школы и направления лингвистики, политологии, социологии, психологии и других социальных и гуманитарных наук. Редколлегия журнала представляет собой международный коллектив специалистов из России, Украины, Литвы, Польши, США, Великобритании, Швейцарии, Испании и других стран. Отдельные номера журнала переведены на китайский язык. Главный редактор журнала – доктор филологических наук, профессор Анатолий Прокопьевич Чудинов.

Журнал «Политическая лингвистика» издаётся при поддержке Уральского государственного педагогического университета в Екатеринбурге. Основная цель журнала – освещение проблем политической коммуникации. В обсуждении проблем политической лингвистики принимают участие лингвисты и политологи, специалисты по информационным технологиям и связям с общественностью, преподаватели, студенты и аспиранты, а также все, кому интересны проблемы языка и коммуникации.

В результате обследования 37 статей журнала «Политическая лингвистика» за 2014 год было обнаружено, что материалы группируются преимущественно вокруг 11 направлений различных языковедческих исследований. Распределяется материал следующим образом (по увеличению количества статей на одно направление). Одна статья из 37 (2,7 %) посвящена политическому дискурсу как объекту метаязыковой рефлексии. Две статьи посвящены разного рода образам, отраженным в языковом сознании носителей русского языка,

(образ государства в условиях кризисного события и образ модернизации) (5,4 %); две статьи – изучению семантических полей (семантическое поле фразеологизмов «семья» и поле «античность» в современном политическом дискурсе) (5,4 %); две статьи – речевым жанрам (жанр прикола на материале «Русского радио» и жанр политического меморандума) (5,4 %). Три статьи посвящены изучению языковой личности политика (8,1 %). Четыре статьи посвящены исследованию современной аксиосферы (10,8 %); четыре – концептосферы (рассматриваются, например, концепты «свой – чужой», «гордость и стыд», заголовки-концепты) (10,8 %); четыре – изучению метафоры в политическом дискурсе (например, метафорическое употребление лексем «скоморох» и «шут» в российском политическом дискурсе) (10,8 %); и еще четыре – дискурсивным стратегиям и тактикам (например, тактики речевой стратегии упрёка в политическом дискурсе или коммуникативные стратегии националистического дискурса) (10,8 %). Пять статей (13,5 %) посвящены проблемам лексикологии (это, например, исследования неофициальных этнонимов в связи с украинским кризисом и др.). Тематика 6 статей (16,3 %) – это информационная война в текстах печатных СМИ.

Среди проблем информационных войн, отраженных в текстах статей журнала «Политическая лингвистика», обнаруживаются такие:

- 1) информационная агрессия как компонент информационно-психологической войны [Тагильцева, 2014];
- 2) борьба с экстремистскими проявлениями, получившими широкое распространение в средствах массмедиа [Злоказов, 2014];
- 3) исследование семантико-грамматических средств создания идеологичности политического дискурса [Карамова, 2014];
- 4) влияние информационных материалов террористических организаций на российские СМИ [Амиров, 2014];
- 5) дискурсивные практики внедрения неподтвержденной информации в массмедийный политический дискурс [Иванова, Чанышева, 2014];

б) исследование идеологического фундамента информационной войны [Синельникова, 2014].

Краткий обзор статей о проблематике информационной войны представляет собой следующее.

Автор статьи «Хто не скаче, той москаль»: інформаційна агресія як компонент інформаційно-психологічної війни», Ю. Р. Тагильцева, рассматривает информационную агрессию со стороны Украины (2014 года) по отношению к России. На конкретном материале исследуется презентация России в виде врага, широко представленная в украинских СМИ.

Активно используется в печатных и электронных украинских СМИ образ России как террориста и оккупанта, ведущего войну против Украины. Этот образ строился не спонтанно, грубо, а достаточно мягко, гибко, поэтапно: от стадии «не братья» до стадии «террористы». Перемоделирование украинского сознания шло постепенно – от плавных разрывов «братских уз» славянских народов, постепенного разделения на «своих» и «чужих» до категорического неприятия русских – «москалей», сопровождаемого насильственными действиями.

Для усиления образа России как врага используется языковая демагогия, репрезентируемая через коммуникативный принцип деления мира на «своих» и «чужих». Это дает возможность говорящему формировать фантомный социум. Подобный эффект создается за счет использования личного местоимения «мы» и его притяжательных и указательных форм. Автор статьи цитирует следующие стихи, распространяемые среди украинцев, якобы написанные от имени украинцев (приводим в отрывках):

«Никогда мы не будем братьями

ни по родине, ни по матери.

Духа нет у вас быть свободными –

нам не стать с вами даже сводными...

У вас Царь, у нас – Демократия.

Никогда мы не будем братьями» [Тагильцева, 2014: 187].

Креолизованный текст сегодня является популярным способом распространения разного рода идей, в том числе – экстремистских. Экстремистская деятельность, а также призывы к ней запрещены всеми нормами российского материального права. Как разновидность экстремистской деятельности запрещается возбуждение социальной, национальной и религиозной розни. Статья 282 УК РФ предусматривает ответственность за действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, совершенные публично или с использованием средств массовой информации [Статья 282 УК РФ].

В статье «Репрезентация идей националистической направленности в креолизованном тексте» К. В. Злоказов анализирует способы репрезентации националистических концепций. Автор описывает четыре распространенные модели креолизованного текста. В представленных моделях выражены агрессия и страх, текст сопровождается символами, ассоциированными с криминальным миром, в сочетании с изображением различных видов оружия и соответствующими призывами. Историческая символика игнорируется полностью либо становится предметом текстового фрагмента [Злоказов, 2014: 240].

По исследованиям К. И. Злоказова, в модели националистического текста возможны два «сюжета»:

- 1) призыв к идентификации с символикой националистической идеи,
- 2) формирование чувства страха перед представителями иных социальных групп, рас, религий с применением этнической символики.

Эти шаблоны являются своеобразными клише, характерными для большинства проанализированных националистических сообществ.

Во всем корпусе обследованных К. И. Злоказовым текстов (354 тысяч единиц) агрессивный тип эмоции представлен в 46,3 % изображений, эмоции страха представлены лишь в 6,05 % изображений. Следовательно, агрессия – превалирующая отличительная черта экстремистской идеи, ее «маркер» [Злоказов, 2014: 239].

В статье А. А. Карамовой «Грамматические средства идеологичности политического дискурса» рассматриваются семантико-грамматические средства создания идеологичности политического дискурса, в частности – местоимения «мы» и «наш»; выявляются их идеологические смыслы и функции. Делается вывод о том, что местоимения «мы» и «наш» выполняют в политическом дискурсе одни и те же функции, а именно:

- выражают идеологическую позицию, открыто воздействуя на адресата;
- являются показателем активной идеологической позиции партии;
- маркируют наиболее значимые для субъекта идеологические сферы.

Конкретное наполнение местоимения «мы» проявляется в пяти ипостасях:

1. «„Мы“ эксклюзивное» в значении «мы-партия»;
2. «„Мы“ инклюзивное» в значении «мы-партия + народ»;
3. Идеологически значимые объекты. «Принадлежащий нашей партии, „мы-партии“»;
4. «Принадлежащий „мы-партии + народу“»;
5. «Мы-партия + народ» (как синоним “Мы” инклюзивному): Это проявляется в сочетании *наш народ*: Например, цитата: «*Только одни эти мероприятия смогут резко повысить уровень жизни нашего населения в течение ближайших 2–3 лет*» (ЛДПР).

Основываясь на материалах газет «Известия», «Независимая газета», «Комсомольская правда» и «Аргументы и факты», В. М. Амиров в статье «Новые тенденции в освещении актов терроризма российскими печатными СМИ» описывает сегодняшние способы освещения террористических актов. Автор выделяет основные тенденции такого рода:

- смена наименований: переход от обобщенных *смертники, боевики, экстремисты* к более конкретным *уроженец Узбекистана, дагестанская банд-группа, красноярский ваххабит*;
- смена выражения отношения авторов статей к описываемым событиям. Формулировки оптимистического характера меняются на категоричные: типа

«взрыв в волгоградском автобусе показал, что надежной системы общественной безопасности не существует»;

- отражение растущего радикализма в журналистской практике. Например: иллюстрация-цитата из газеты (по поводу терактов в Волгограде) – *«проблемы терроризма и нелегальной рабочей силы можно решить только хирургическим путем».*

Автор статьи отмечает, что сами террористы непрерывно стремятся создавать информационные продукты, главная цель которых – *«дестабилизация социально-политической или социально-психологической обстановки в регионе и во всей стране».* Случается, вольными или невольными распространителями таких продуктов становятся и СМИ, которые *«нередко прибегают к публикациям с ярким описанием наиболее кровавых подробностей, чтобы напугать аудиторию и тем самым заставить людей быть более осторожными».*

Иными словами, СМИ, рассказывая о теракте и мерах по борьбе с терроризмом, обязаны быть крайне осторожными и ответственными в выборе формулировок и логике подачи материалов, – считает автор. [Амиров, 2014: 128].

В статье С. В. Ивановой и З. З. Чанышевой «Технологии дискурсивного оформления слухов в политическом дискурсе массмедиа» рассматриваются дискурсивные практики внедрения неподтвержденной информации в массмедийный политический дискурс. Данные практики базируются на ресурсах языка и речи (грамматический, лексический уровни языковой системы, а также особенностях реализации текстовых категорий информативности и модальности. Кроме того, оказываются задействованными жанровые ресурсы новостного дискурса.

Используемые в качестве эффективного коммуникативного механизма слухи в массовой коммуникации приобретают качества, многократно повышающие их манипулятивно-суггестивный потенциал: они демонстрируют такие свойства, как

- 1) целенаправленность распространения,
- 2) злободневность тематики,

- 3) речевое воздействие,
- 4) использование богатейшего репертуара языковых средств.

В своей работе «Информационная война *ad infinitum*: украинский вектор» Л. Н. Синельникова отмечает, что создание образа врага как персуазивная стратегия политического дискурса в полной мере проявляет себя в условиях информационной войны. (Персуазивность, по Л. Н. Синельниковой, – это направленность на адресата, подчиненная выполнению стратегических задач. Стратегия, в свою очередь, – процесс планирования и реализации автором текста языковых способов корректировки модели мира адресата.) Образ врага и образ благодетеля создают идеологический фундамент информационной войны. Автором показано, как разделение во взглядах фиксируется

- 1) в интерпретации событий и в оценке их исполнителей;
- 2) в специфике процесса семиозиса — формирования значений слов на основе идеологических оценок;
- 3) в факте гетерономинативности (т.е. множественности номинаций) – в политических текстах функционируют оценочно не совместимые номинации акторов политических действий.

Номинации маркируют факт непримиримости противоборствующих сторон и определяют риторику медийного текста: *мирные протестующие, участники массовых демонстраций, активисты, правозащитники, бойцы революции, герои майдана* — с одной стороны, и *штурмовики, террористы, провокаторы, бунтовщики, погромщики, оголтелые экстремисты, неонацисты, пророссийские активисты* – с другой. Так, считается единственным справедливым только собственное видение проблемы, признается только своя система ценностей [Синельникова, 2014: 99].

Таким образом, обзор статей журнала Политическая лингвистика за 2014 год, посвященных исследованиям материалов СМИ, показал, что одной из актуальных проблем сегодняшнего дня является информационная война. Эта тема важна и многогранна. Помимо серьёзных исследований, которым подвергаются различные аспекты информационных войн, с нашей стороны видится необхо-

димось разработки некоторых методов и способов противостояния агрессивному информационному воздействию СМИ в целях сохранения своего национального и культурного самосознания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Амиров В. М. Новые тенденции в освещении актов терроризма российскими печатными СМИ // Политическая лингвистика. 2014. № 1 (47). С. 128–130.
2. Зверева М. И. Языковые маркеры внутрироссийской информационной войны: магистерская диссертация: 032700.68 Филология. Красноярск. 2014. 83 с.
3. Злоказов К. В. Репрезентация идей националистической направленности в креолизованном тексте // Политическая лингвистика. 2014. № 3 (49). С. 236–241.
4. Иванова С. В., Чанышева З. З. Технологии дискурсивного оформления слухов в политическом дискурсе массмедиа // Политическая лингвистика. 2014. № 2 (48). С. 39–49.
5. Карамова А. А. Грамматические средства идеологичности политического дискурса // Политическая лингвистика. 2014. № 2 (48). С. 143–148.
6. Синельникова Л. Н. Информационная война *ad infinitum*: украинский вектор // Политическая лингвистика. 2014. № 2 (48). С. 95–101.
7. Тагильцева Ю. Р. «Хто не скаче, той москаль»: информационная агрессия как компонент информационно-психологической войны // Политическая лингвистика. 2014. № 2 (48). С. 185–189.
8. Статья 282 УК РФ Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства (в редакции Федерального закона от 08.12.2003 № 162–ФЗ).

Шарова М.К.*

ЦЕННОСТНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ КАК СРЕДСТВО ВЫЯВЛЕНИЯ ГЕНДЕРНЫХ РАЗЛИЧИЙ КАТЕГОРИЗАЦИИ

The article deals with the prototypical categories "man", "woman", "human" in the linguistic consciousness of men and women. The study is aimed at investigation of correlations between argumentative potential of the lexical unit and the degree of prototypicality of the quality denoted by it in the perceptions of men and women about the qualities of a human, a man and a woman.

Key words: prototype, prototypical view of the world, categorization, gender, argumentative potential, discourse.

Аннотация: Статья посвящена изучению прототипических категорий «мужчина», «женщина», «человек» в языковом сознании мужчин и женщин. Целью данного исследования является выявление корреляций между аргументативным потенциалом лексической единицы и степенью прототипичности обозначаемого ей качества в представлениях мужчин и женщин о качествах человека, мужчины и женщины.

Ключевые слова: прототип, прототипическая картина мира, категоризация, гендер, аргументативный потенциал, дискурс.

Данное исследование посвящено изучению понятия прототипической картины мира и гендера.

Его целью является выявление различий в прототипических представлениях мужчин и женщин о качествах человека, мужчины и женщины и установление влияния данных отличий на прагматический потенциал прилагательных, называющих данные качества в маскулинном и феминном дискурсах.

1. Понятие прототипической картины мира

Одними из первых, кто обратил свое внимание на существование прототипической картины мира, были Освальд Дюкро и Жан-Клод Аскомбр [Колма-

---

* Научный руководитель – д-р филол.наук, проф. Колмогорова А.В. (Сибирский федеральный университет)

горова, 2014: 145]. О. Дюкро утверждает, что в основе любого лексически самостоятельного слова лежит представление, свойственное большинству говорящих на данном языке о том, каким должен быть лучший представитель данной категории. Свои доводы исследователь иллюстрирует примером: «*Pierre est un parent, mais éloigné*» (*Пьер – родственник, но дальний*). Суть в том, что слово *parent* или *родственник* уже несет в себе представление о близком родственнике как прототипическом родственнике, а союз *mais* или *но*, уменьшает аргументативный потенциал и ослабляет степень прототипичности данного конкретного родственника. В другом примере: «*Pierre est un parent, mais proche*» (*Пьер родственник, но близкий*) прилагательное *proche* или *близкий* в сочетании с союзом «но», нарушает естественное течение коммуникации, делая высказывание в некотором роде аномальным, что приводит к возникновению дополнительных пресуппозиций: «*Пьер – его родственник, но близкий, поэтому я не могу через него навести справки о нужном мне человеке, его родственнике, поскольку близкий родственник может заподозрить что-либо и рассказать о моих расспросах объекту моего интереса*». Также, О. Дюкро выделил наречия и прилагательные, одни из которых, отражая «должные» свойства и характеристики объекта, приближают его к прототипу категории – «реализующие» (*réalisant*), а другие, напротив, удаляют номинируемый объект от центра категории – «дереализующие» (*déréalisant*) [Колмогорова, 2014: 21].

Так, на материале русского прилагательного *светлый* в рамках психолингвистического эксперимента А.В. Колмогорова показала, что данное прилагательное является для среднего и старшего поколений русских «реализующим» для лексемы *человек*, соотнося *светлого человека* с прототипом, лучшим образцом категории, в то время как для подростков и молодых людей (14-17 лет) это же прилагательное является «дереализующим», т.е. удаляющим человека от центра соответствующей категории [Колмогорова, 2009: 124].

Резюмируя, вслед за А. В. Колмогоровой, будем понимать прототипическую картину мира, как «совокупность представлений носителей определенной лингвокультуры о том, какими объекты окружающей среды (социальной и при-

родной) должны быть при «естественном» положении дел» [Колмогорова, 2014: 24].

Мы выдвигаем гипотезу о том, что прототипические представления мужчин и женщин о качествах человека, мужчины и женщины будут отличаться и оказывать влияние на языковой и речевой аргументативный потенциал прилагательных, номинирующих прототипические «мужские» и «женские» качества.

2. Дизайн эксперимента

Участникам ассоциативного эксперимента, в количестве 80 человек (40 женщин и 40 мужчин), от 19 до 65 лет, были выданы следующие бланки:

Возраст:	Пол:	Род занятий:
----------	------	--------------

Напишите 3 прилагательных, которые приходят Вам на ум, когда Вы произносите слово <i>человек</i> .		
--	--	--

В результате обработки данных были выделены наиболее встречающиеся прилагательные-реакции, послужившие основой для проведения ценностно-семантического эксперимента, в котором участвовали 20 мужчин и 20 женщин. Используя методику Освальда Дюкро и Жан-Клода Аскомбра, мы составили словосочетания, с союзом *но*, уменьшающим аргументативный потенциал и степень прототипичности, а также с утвердительной частицей *конечно*, увеличивающей аргументативный потенциал и, соответственно, усиливающей степень прототипичности называемого прилагательным качества.

Анкетлируемым были выданы 3 таблицы, в которых 10 самых частотных прилагательных-реакций из ассоциативного эксперимента были представлены в сочетаниях с существительными *человек*, *мужчина*, *женщина* и дополнены аргументативными модификаторами *конечно* и *но*. Например: человек, но образованный; человек, и конечно, образованный; женщина, но образованная; женщина, и конечно, образованная; мужчина, но образованный; женщина, и конечно, образованная.

3. Результаты эксперимента

В результате проведенных экспериментов были выделены следующие особенности.

Представления о прототипическом человеке у мужчин и женщин обнаруживают сходство: большинству и мужчин, и женщин сочетания существительных *человек, мужчина, женщина* с 10 прилагательными (*умный, разумный, добрый, живой, мудрый, образованный, гуманный, большой, молодой, общительный*) показали более естественными в сопровождении аргументативного модификатора «+» - «конечно». Однако, абсолютные результаты при внимательном рассмотрении обнаруживают важные нюансы. Приведем сравнительную характеристику результатов эксперимента.

Таблица № 1. Результаты ценностно-семантического эксперимента

Гендер/вид прототипа	Мужчина	Женщина
Прототипические представления о человеке	добрый – 80 %; живой – 80 %; умный – 75 %; разумный – 70 %; образованный – 70 %; общительный – 70 %; мудрый – 65 %; гуманный – 55 %; молодой – 50 %; большой – 30 %.	живой – 75 %; молодой – 65 %; умный – 60 %; разумный – 60 %; мудрый – 60 %; образованный – 60 %; гуманный – 60 %; общительный – 55 %; добрый – 45 %; большой – 30 %.
Прототипические представления о мужчине	живой – 75 %; образованный – 75 %; разумный – 70 %; мудрый – 65 %; умный – 60 %; добрый – 60 %; общительный – 60 %;	большой – 70 %; умный – 55 %; живой – 55 %; образованный – 55 %; общительный – 55 %; добрый – 50 %; молодой – 45 %;

	большой – 55%; молодой – 45 %; гуманный – 40 %.	разумный – 40%; мудрый – 40%; гуманный – 25%.
Прототипические представления о женщине	общительная – 85 %; живая – 80 %; добрая – 75 %; образованная – 70 %; гуманная – 65 %; молодая - 45 %; умная – 40%; мудрая – 40%; разумная – 35%; большая – 15 %.	добрая – 75 %; живая – 65 %; мудрая – 65 %; общительная – 65%; гуманная – 60%; образованная – 55 %; разумная – 50%; молодая – 50%; умная – 35%; большая – 15%.

Основываясь на полученных данных, мы видим, что представления о прототипическом человеке у мужчин и женщин различаются, несмотря на наличие некоторых схожих черт:

1. Большинство мужчин выбрали прилагательные *добрый* и *живой* как безусловные прототипические качества человека. Женщины, в свою очередь, абсолютной характеристикой прототипического человека считают качество *быть живым*. В остальном, результаты очень похожи или разнятся с незначительным отрывом, по мнению мужчин, прототипический человек *мудрый, разумный, образованный, гуманный, общительный*; по мнению женщин, он – *умный, разумный, мудрый, образованный, гуманный, молодой, общительный*. Отметим, что качество *большой* не является прототипическим качеством человека, как, по мнению мужчин, так и по мнению женщин.

2. Безусловным прототипическим качеством мужчины, по мнению мужчин, является качество *быть живым* и *образованность*, тогда как по мнению женщин, прототипический мужчина – *большой*. Также, по мнению муж-

чин, прототипический мужчина *умный, разумный, добрый, мудрый, большой, общительный*; по мнению женщин, прототипический мужчина – *умный, живой, образованный, общительный*. Отметим то, что лишь малая часть мужчин и женщин выбрала качество *гуманный* как прототипическое маскулинное качество.

3. Безусловным прототипическим качеством женщины, по мнению мужчин, является *общительность*, а абсолютное большинство женщин выбрало такое феминное качество, как *доброта (добрая)*. Также, мужчины считают, что прототипическая женщина *живая, добрая, образованная, гуманная*. По мнению женщин, прототипическая женщина *живая, мудрая, образованная, гуманная, общительная*. Отметим также, что и мужчины, и женщины, считают, что прилагательное *большая*, номинирующее прототипическое качество женщины, обладает наименьшей прототипичностью.

Для следующего этапа нашей работы, мы выбрали прилагательные *умный* и *умная*, наиболее ярко показывающие разницу между прототипическими представлениями мужчин и женщин, а также занимающие центральное место в отношении мужчин и женщин, в маскулинной и фемининной картинах мира.

4. Реализация аргументативного потенциала прилагательных

Приведем примеры, которые позволяют увидеть реализацию аргументативного потенциала прилагательных *умный/умная* в дискурсах представителей различных гендерных групп.

1) *«Марина Медведева самая умная женщина – финансовый аналитик. В ближайшее время 52-летняя профессор возглавит крупнейшую российскую биржу – ММВБ. Работа биржевика, несмотря на то, что является традиционно мужской, для нее не нова: она одна из основательниц этой финансовой структуры» [trud.ru. Великолепная семерка // Труд-7, 2010.10.21].*

Автор высказывания мужчина. В высказывании реализуются стратегия информирования, тактика презентации. В аргументативной структуре высказывания тезисом является утверждение «Марина Медведева – умная женщина», а

аргументами к нему «она – финансовый аналитик», «она основала финансовую структуру», «она возглавит ММВБ», наконец, «она овладела мужской профессией, следовательно, она – нетипичная женщина». Утверждение «Марина Медведева – умная женщина» требует доказательств, многочисленных подтверждений, что обусловлено тем, что ум не является прототипическим качеством женщины, по мнению мужчин, что соответствует результатам нашего эксперимента, так как всего 40 % мужчин отметили это качество как прототипическое для женщины.

2) *Слоган 12 канала г. Красноярск: «Для мужчин и умных женщин».*

Согласно нашим предположениям, так как данный канал позиционирует себя маскулинным, автор высказывания – мужчина. Здесь реализуются стратегия информирования, тактика презентации. Мы видим достаточно резкую категоризацию, автор говорит, что этот канал только для определенной группы женщин, то есть ум не является прототипическим качеством женщины, соответственно прототипический мужчина – ,согласно высказыванию автора, умный: *существительное мужчина*, как бы само за себя говорит, подразумевает это качество.

3) *В настоящее время вы играете с Алексеем Гуськовым в фильме "Весенние заботы поздней осенью" бывших супругов. Наверняка между вами пробежала искра влюбленности? - Конечно, я просто очарована Алексеем Гуськовым, потому что он удивительный партнер, красивый и очень умный мужчина. Если бы он раздражал меня, какой бы опытной и хорошей актрисой я ни была, пара из нас не получилась бы. Мой организм так устроен, что не позволяет врать и притворяться. Для актрисы, наверное, это недостаток [НКРЯ. Заозерская Анжелика. Елена Ксенофонтова: 'Люблю щедрых мужчин, потому что в них есть свобода' // Труд-7, 2009.02.12].*

В этом примере автор высказывания – женщина. Реализуются стратегия эмоционально-оценочного воздействия, тактика похвалы. В аргументативной структуре высказывания тезисом является утверждение «Я очарована Алексеем

Гуськовым»: *Я очарована Алексеем Гуськовым. – Почему? – Потому что он красивый и очень умный мужчина.*

Здесь, таким образом, прилагательное *умный* выступает в роли аргумента, является доводом к тому, почему героиня очарована этим мужчиной. Это также соответствует результатам нашего эксперимента, мы видим, что *ум* является прототипическим качеством мужчины, по мнению женщин (прилагательное *умный* как обозначение прототипического качества мужчины выбрали 55% респонденток).

4) [№ 4, жен, 40] *Ну у нее у женщины... [№ 0] Он возродился. [№ 4,жен,40]*

*Вы понимаете / женщина в силу того / что у нее дети / у нее больше от природы таких вот рефлексов защитных / которые дают больше выживаемости и прогресс. И поэтому она очень **умная женщина** / сильная. Вот сейчас она опять прошла в Госдуму. Побольше бы таких женщин / и давно было бы уже... [№ 3, муж, 32] Был бы матриархат [НКРЯ. Беседа с социологом на общественно-политические темы (Москва) // Фонд «Общественное мнение», 2004].*

Автор высказывания – женщина. Реализуются стратегия информирования, тактика презентации. В аргументативной структуре высказывания тезисом является утверждение: «Эта женщина умное и сильное существо, способное многое изменить», которое требует многочисленных аргументов для убеждения собеседников в его состоятельности: «потому что у женщины есть стимул – дети», «потому что в ней заложено больше защитных рефлексов, чем в мужчине», «потому что она попала в Госдуму». В данном случае тезис о том, что женщина умна, требует многочисленных подтверждений и обоснований, кроме того, автор высказывания – женщина подчеркивает, что это не типичный случай: «... побольше бы таких женщин». Это соответствует результатам нашего эксперимента – только 35 % женщин выбрали прилагательное *умная* как обозначение прототипического качества женщины.

Вывод

Интерпретация полученных в экспериментальной работе данных подтверждает гипотезу о том, что прототипические представления мужчин и женщин о качествах человека, мужчины и женщины отличаются, и данные гендерные отличия оказывают влияние на языковой и речевой аргументативный потенциал прилагательных, номинирующих прототипические «мужские» и «женские» качества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Колмогорова А.В. Нормативные эффекты прототипической картины мира // Общетеоретические и типологические проблемы языкознания: Сборник научных статей. Бийск, 2014. Вып. 3. С.19-24.
2. Колмогорова А.В. Человек, но светлый: об одном из способов объективации языкового значения // Вопросы психолингвистики. М., 2009. № 10. С.120-128.
3. Ducrot O. Les modificateurs déréalisants // Journal of Pragmatics. 1995. № 24. Pp. 145-165.

Шпилова М. В. •

**ГРАДУИРОВАННАЯ ОЦЕНКА
И ЕЁ ХАРАКТЕРИСТИКА С ПОЗИЦИИ
ЛИНГВОЭКОЛОГИИ**

The concept of graduated appraisal is defined. Classification of expression's ways of an assessment in modern Russian is proposed. The means of language which are used for gradation are classified. Frequency mistakes which are connected with using of intensifiers are described and problem of impoverishment of a lexicon is mentioned.

Key words: evaluation; value; amateur film review; features of evaluation; dependent on a genre graded evaluation; linguoecology.

Аннотация: Исследование выполнено на материале любительских кинорецензий. Цель исследования – обосновать введение терминопонятия градуированной оценки и рассмотреть её с позиции лингвоэкологии. Дается обзор категориальной квалификации оценки с разных позиций. Обосновывается выделение градуированной оценки и способов её выражения в исследуемом жанре. Отмечаются жанроспецифические характеристики категории оценки. Прослеживаются источники лингвоэкологического неблагополучия градуированной оценки в жанре любительских кинорецензий в Интернете.

Ключевые слова и фразы: оценка; ценность; жанроспецифические особенности оценки; любительская кинорецензия; градуированная оценка; лингвоэкология.

Важность изучения категории оценки сомнений не вызывает. О том, что все высказывания так или иначе содержат оценочный компонент, пишут многие учёные. В. А. Марьянчик отмечает, что «механизм оценки начинает действовать на самых первых этапах текстовой деятельности – на этапе отбора фак-

---

• Научный руководитель — канд. филол. наук, доцент Бернацкая А. А. (Сибирский федеральный университет). Исследование выполнено при поддержке гранта ККФНиНТД № КФ-481 «Читатель – университет – словесность: Красноярск в Год литературы»

тов» [Марьянчик, 2013: 85]. Н. В. Данилевская: «...пронизывая все планы познания, оценка является несомненным фактором текстообразования» [Данилевская, 2013: 40]. Даже решая о чём говорить, человек уже выражает определённую оценку. Таким образом, сложно преуменьшить значение оценки в познавательном процессе.

В основе категории оценки лежит философская категория ценности – предмет аксиологии. Понятие ценностного фиксирует важнейший аспект существования человека – «его способность к активному и созидательному преобразованию мира и самого себя в соответствии со значимыми для него идеальными представлениями» [Словарь философских терминов, 2004: 4]. Ценности принято делить на три категории: материальные, социальные и духовные. К особенностям ценностей относят бинарный характер (с каждой положительной ценностью связана антиценность: добро – зло, прекрасное – безобразное) и иерархичность как позитивных, так и негативных ценностей [Там же, 2004: 4-5].

Ценность и оценка не равны друг другу, их необходимо разграничивать по ряду критериев. Оценка – субъективна, ценность – объективна; «оценка противопоставлена ценности как классификационная и интерпретационная деятельность, направленная на эту реальность»; в ментально-вербальной природе ценности и оценки у оценки доминирует ментальное, а у оценки – вербальное; ценность – первична, а оценка – вторична; функции оценки – утилитарные, ценностей – когнитивные [Марьянчик, 2013: 59-64, 77-80]. Таким образом, ценность и оценка – понятия связанные, но различные по содержанию. Ценности являются основаниями одного из важнейших видов оценок – аксиологических.

Оценка – общенаучное понятие, к которому прибегают такие дисциплины, как философия, логика, этика, лингвистика, в том числе когнитивная лингвистика. Постоянными её компонентами являются:

- 1) субъект – лицо, приписывающее ценность некоторому объекту;
- 2) предмет – объект, которому приписывается ценность;
- 3) основание – то, с точки зрения чего производится оценивание;

4) характер оценки – абсолютная или относительная/сравнительная, положительная или отрицательная.

В лингвистике оценка прежде всего рассматривается как универсальная языковая категория, которая выражает «положительное или отрицательное отношение говорящего к объекту действительности» [Камышева, 2014: 386]. Спорным вопросом остаётся отнесённость оценки к ядерному т. е. денотативному (Шаховский В. И., Касьянова Л. Ю., Филиппов А. В.) или коннотативному (Марьянчик В. А. Солодилова И. А., Телия В. Н.) компоненту семантики лексемы. Лингвисты изучают категорию оценки в «логическом (Н. Д. Арутюнова, А. Вежбицка, А. А. Ивин), функционально-семантическом (Е. М. Вольф, Н. С. Ковалёв), субъективно-модальном (Н. Ю. Шведова), коннотативном (Ю. Д. Апресян, В. Н. Телия, Л. А. Новиков), грамматическом (Г. А. Золотова, А. Н. Шармм) и других аспектах» [Камышева, 2014: 387-388].

В рамках когнитивной лингвистики оценка рассматривается как продукт вторичной, или оценочной категоризации. Об этом пишет, например, Н. Н. Болдырев: оценка – это «интерпретация полученных знаний, вторичная концептуализация и вторичная категоризация в рамках другой системы координат: системы мнений, оценок, ценностей и стереотипов» [Болдырев, 2014: 179]. Эту точку зрения разделяет и В. А. Марьянчик [Марьянчик, 2013: 74-75]. К похожему выводу, но с иных позиций приходят и другие исследователи. Н. Д. Арутюнова относит оценку к компонентам прагматического значения [Арутюнова, 1988: 5]; Е. М. Вольф [Вольф, 2002: 11], а вслед за ней и С. Ю. Камышева рассматривают оценку как один из видов модальности [Камышева, 2014: 387].

Несомненность связи оценки с эмоциями подчеркивают многие лингвисты [Шаховский, 2008; Коростова, 2009; Вольф, 2002], однако о природе этой связи существуют различные мнения. Как пишет И. А. Солодилова с опорой на Л. М. Васильева, В. Г. Гак, М. Р. Желтухина, В. Н. Цоллер, в работах последних десятилетий утверждается точка зрения о тесной спаянности, неразрывности эмоционального и оценочного компонентов, «которые часто рассматриваются как единый эмоционально-оценочный компонент» [Солодилова,

2010: 87]. В работах В. Н. Телии (1986) и Е. М. Вольф (1985) эмотивность рассматривается как факультативная часть оценочности [Коростова, 2009: 89]. В. И. Шаховский разделяет экспрессивный и оценочный компоненты лексического значения слова [Шаховский, 2008: 104]. Разделяет оценочный и эмотивный компоненты, но уже на других основаниях, и И. А. Солодилова [Солодилова, 2010: 88]. Термины «эмотивность» и «оценочность» в современной лингвистике иногда признаются синонимами. Е. М. Вольф в одной из своих работ не разделяет данные компоненты, однако обращает внимание на то, что «термин "эмотивность" употребляется условно, он не связан с представлениями об эмоциях» [Вольф 2002: 38].

В исследовательской литературе предлагается ряд классификаций оценок на различных основаниях. Базовыми для многих исследователей становятся оппозиции **положительная – отрицательная** [Марьянчик, 2013: 81] и **абсолютная – сравнительная** оценка. Е. М. Вольф указывает, что в формулировки абсолютных оценок участвуют такие термины, как «хорошо/плохо», а сравнительных – «лучше/хуже» [Вольф, 2002: 15].

Не все способы выражения оценки, которыми пользуются говорящие, фиксированы в языке. Следовательно, целесообразно выделять **языковую** оценку, которая фиксируется на системном уровне отдельным языковым знаком, и оценку **контекстуальную**, «когда в лексическом значении слова на основе контекста или речевой ситуации актуализируется признак, имеющий особую значимость для говорящего» и получающий положительный или отрицательный знак [Солодилова 2010: 87].

Среди множества разнообразных оценок также важно выделить те, которые «различаются по семантике и по синтаксической структуре» [Вольф 2002, с.13]. В логике выделяют два противопоставленных друг другу вида оценок: **de dicto** и **de re**. De dicto приписывает модальность суждению («хорошо, что ты успел закончить работу»), а de re – определённый признак вещи («мне нравится твоё новое платье»). Но эти оценки вполне могут смешиваться в одном высказывании: «Хорошо, что сегодня хорошая погода» [Там же: 15].

Оценочные значения могут быть **общеоценочными** и **частнооценочными**. Общеоценочные значения используются для выражения оценки любого объекта, а частнооценочные значения применимы лишь к конкретным объектам или группам объектов. Частнооценочные значения делятся на следующие подтипы:

1) **сенсорные**: сенсорно-вкусовые (гедонистические) и психологические (интеллектуальные и эмоциональные);

2) **сублимированные** (эстетические и этические);

3) **рационалистические** (утилитарные, нормативные, телеологические) [Арутюнова, 1998: 198-199].

В. А. Марьянчик также предлагает классифицировать оценки **по степени выраженности оцениваемого признака, свойства референта** [Марьянчик, 2013:].

Также следует различать оценки **рациональные** и **эмоциональные**, хотя «разделение чисто эмоционального и чисто рационального в языке» и является достаточно условным [Вольф 2002: 40].

Интеллектуальная оценка, связанная с концептами ум/разум, представлена оппозицией умный – глупый [Марьянчик 2013: 82]. **Утилитарная** оценка основывается на оппозиции полезно – бесполезно и актуализирует практическую ценность объекта. **Этическая** оценка производится с точки зрения морали, царящей в том или ином обществе. Этот тип оценки является «сильнейшим средством манипуляции» [Там же: 83].

В результате анализа любительских кинокритических рецензий, источником которых послужил сайт kinopoisk.ru, была составлена предварительная классификация способов выражения оценки в исследуемом жанре.

Оценка может быть выражена на всех уровнях языка начиная с морфематического. На этом уровне она выражается с помощью суффиксов, несущих в себе эмоционально-оценочное значение (бодрый – бодренький, актриса – актрисочка, парень – парнишка). Суффиксы с субъективно-оценочным значением выделены в некоторых учебных материалах, например, в учебнике по со-

временному русскому языку А. Н. Тихонова [2003: 135-136]. Это следующие суффиксы: -ик/-чик; -ок/-ёк/-ек; -к(а)/-к(и); -очк(а); -ц(е)/-ц(о)/-ец/-иц(а); -ечк(о); -ик(о); -к(о).

Наиболее продуктивным, ожидаемо, стал уровень лексематический:

«Сначала показывают, какая **ужасная** жизнь у героя», «Также **приятно** видеть знакомых героев», «**Хороший** юмор с **интересными** пингвинами».

В контексте оценочными могут становиться слова, которые в словаре являются нейтральными:

«Я вновь погрузилась в эту **зажигательную** атмосферу», «...но есть достаточное количество **проходных** серий», «...это **очередная** фантастическая картина, которую все забудут»:

Чаще всего оценочными являются прилагательные и глаголы, но также встречаются наречия и существительные. Выражающие оценку существительные скорее близки к ярлыкам:

«вот только все они какие-то **фрики**, половина из них **наркоманы**».

Пример оценки в форме приложения:

«...вместо того, чтобы бессмысленно провести время, сидя за просмотром фильма-**недоразумения**...»).

Оценка часто выражается словосочетаниями различной степени идиоматичности:

«Да, он **стоит несколько ниже** трёх частей М...».

«Юмор мультика **выдержан в лучших традициях** М., а сцены с пингвинами **просто вызывают ностальгию** по трём частям».

«А так, **никаких претензий нет**, жду больше появлений Ф. В следующей части!».

Тропы и стилистические фигуры. Метафора: «Что меня устраивает, а что нет, я объяснил, и смотреть кино, или **отложить его на пыльную полку** – это не от меня зависит», «...попытаюсь честно и непредвзято оценить этот фильм, дабы он **занял достойную полку** среди всех других фильмов...». Ирония: Фильм, как мне кажется, не сделанный для того, чтобы покорять вершины

кинематографа».

Оценочность может присутствовать на сверхфразовом уровне, т. е. выводима из подтекста: «Я даже не представляю, по какой причине фильм имеет оценку выше, чем «П», надеюсь, временно».

Собственно предмет исследования – градуированная оценка – связана с одной из базовых классификаций оценок – абсолютные/сравнительные. Абсолютные оценки – это оппозиция хорошо/плохо. Сравнительные оценки основываются на сопоставлении объектов друг с другом или с некоторым идеальным объектом, относительно которого и располагается объект на шкале оценки.

Шкала – это «инструмент для измерения непрерывных свойств объекта; представляет собой числовую систему, в которой отношения между различными свойствами объектов выражены свойствами числового ряда»[Краткий психологический словарь. 1998].

Понятие шкалы связано с понятием градации. Градация – «Последовательный и постепенный переход от одного свойства, признака и т. п. к другому» [Крысин, 2008: 218]. А. В. Исаченко как один из признаков качественных прилагательных русского языка выделяет их способность употребляться со словами, называющими разные **степени признака** (довольно чистый, почти новый, очень старый) [Isachenko, 1968: 135].

На этих основаниях вводится терминопонятие градуированной оценки. В исследованной и просто просмотренной литературе встречаются термины «градация», «градатор», «градуирование», «градуированное слово», «градуированное значение», но не градуированной оценки. Очевидно, что, во всяком случае, общепризнанного терминологического статуса словосочетание не получило. Градуирование оценки – это мысленное расположение объекта на оценочной шкале, градация по принципу от худшего к лучшему («сюжет получился неплохой, но всё таки я ожидал совсем другого кино»; «Если говорить о сюжете, то он был сравнительно неплох»; «идеальный фильм»; «лучший из всех, что я видел»).

Для усиления оценочного значения (т. е. целям градуирования) могут

служить различные языковые и речевые единицы. Это могут быть префиксы, к примеру, приставка «пре-»: **предостаточно**, **пренеприятнейшее** (известие).

Целям градации также служат слова, имеющие высшее или низшее значение на шкале оценки. Разновидностью таких слов являются так называемые (в лексикографической практике) *Magn'*ы прилагательные [Кустова 2011: 256-267], то есть прилагательные, выражающие высшую степень того или иного признака и находящиеся в крайних точках оценочной шкалы от «ужасно» до «прекрасно» («**идеальный** фильм, вот он какой»; «**гениальные** картины»; «**Феерично!** Дебютная короткометражка ... по-моему, просто **восхитительная**»; «Сначала показывают, какая **ужасная** жизнь у героя»).

На лексематическом уровне усилению также служит повтор (редупликация):

«Я **жутко-жутко** недоволен этим фильмом».

Один из основных способов выражения градуированной оценки в русском языке, естественно, степени сравнения прилагательных:

«я думал, что все фильмы с Ш. хотя бы на секундочку будут **привлекательнее...**»; «На таких злодеев смотреть **веселей**».

Градация по тому или иному признаку оказывается ярко представленной некоторыми стереотипизированными словосочетаниями, например:

«Да, он **стоит несколько ниже** трёх частей М...»; «... но во многих отношениях они **впереди многого из того**, что сегодня может предложить Интернет».

Особую группу представляют сочетания «интенсификатор + прилагательное/наречие». В.И. Шаховский предлагает разделять интенсивы и интенсификаторы. Интенсивы – слова, которые служат только целям усиления, но сами не становятся оценочными (очень, довольно, чрезвычайно). Интенсификаторы, помимо усиления, содержат в себе ту или иную степень оценочного значения (невероятно, невыразимо, несказанно, чрезвычайно, удивительно) [Шаховский, 2008: 99-100].

«...местами **абсолютно бредовую** картину...»; «Было **очень скучно** смотреть на всё, что происходило на экране»; «...нам должны были показать что-то **очень крутое** и динамичное».

На уровне синтаксическом существуют сложные структуры, с помощью которых выстраивается оценка одного предмета или явления относительно другого. К примеру, может использоваться импликация, при которой большое количество фильмов, выпускаемых одной компанией, связывается с плохим качеством:

«Кинокомпания D. занимается тем, что каждый год выпускает по три-четыре своих фильма или мультфильма ... но при этом она выпускает их очень хорошими, грамотными, продуманными. Так же получилось и с этим фильмом, ведь не зря же его сборы столь велики».

Крайняя степень отрицательной оценки иногда может быть выражена с помощью риторических вопросов:

«...что это вообще за кино? Куда оно катится?».

«Сюжет, ты где?»

Ещё два способа, характерных только для письменной неформальной речи. Усиливать оценку может с помощью знаков препинания, а именно – с помощью восклицательного знака, а также при использовании графона:

«Отлично поднимает настроение!»; «Лично я, очень позитивный зритель, осталась довольна!»; «Смотреть <...> было очень весело!».

«... есть, конечно, люди, которым его манере не нравится сама по себе, как есть, без оговорки **"ГАД ЗАРАЗА ЛАПЫ ПРОЧЬ ОТ МОИХ ЛЮБИМЫХ ФИЛЬМОВ"**».

Можно предположить, что в устной речи эквивалентом этого будет служить повышение голоса.

В процессе исследования был замечен интересный жанроспецифический факт: резкое изменение значения оценочных элементов при изменении объекта оценки. Это оказывается чрезвычайно ярко выражено в рецензиях на фильмы ужасов. Подобным фильмам положено быть пугающими и страшными, а, сле-

довательно, слова вроде «жутко», «страшно», «бояться» и прочие подобные, в рамках указанного жанра начинают выражать положительную оценку, а слова типа «не страшно» – отрицательную. Вот некоторые примеры подобных трансформаций:

«В итоге фильм, снова повторяюсь, для меня **самый страшный** из тех, что я смотрел в 2014 году, с немного недоделанным сюжетом, с отличной работой звукорежиссёра, и кукла уж больно **неприятная**».

Сюжет фильма строится вокруг некой пугающей куклы, которой, собственно, и собираются пугать зрителей, а значит слово «неприятная» в данном контексте выражает одобрение. А «самый страшный» – высшая похвала всему фильму и его создателям.

1. «Я так и не понял, чего боятся в этом фильме. Да, было несколько моментов, где любой бы вздрогнул, но сам фильм **нестрашный**».

2. «Умно подобранные сцены, резкие **пугающие** звуки, напоминает З.»

3. «Отличные саундтреки, правильно подобранные звуки, как, например, звук будто что-то вот-вот взорвётся и куклу показывают ближе, это **действует на нервы**».

4. «Оказывается, есть фильмы, которых я **не боюсь**, такие как этот».

Первый и последний примеры дают отрицательную оценку фильмам. А второй и третий – положительную, о чём свидетельствуют частные оценки «умно», «отличные», «правильно».

В рамках градуированной оценки несомненно присутствует лингвоэкологическая проблематика. Именно подмеченное в речи нарушение норм лексической сочетаемости в рамках выражения оценки и послужило толчком к началу исследования. Имеются ввиду частотные нарушения правил сочетания интенсивов с прилагательными («очень прекрасно», «очень идеально»).

«**Всё очень прекрасно**» (заголовок статьи в Интернете).

«Ребрендинг МТС – либо **очень гениальный**, либо совсем идиотский» (статья в Интернете).

Усилители прилагательным, в лексическом значении которых заложено значение высшей степени, совершенно избыточны (плеонастичны). При частотном же употреблении таких прилагательных с усилителями значение высшей степени начинает постепенно стираться, что не может не вызывать некоторых опасений. Очевидно, что связано это в определённой мере с тем, что в современных учебниках по русскому языку не уделено специального внимания интенсификаторам и правилам их сочетания, а, следовательно, эта сочетаемость не отработана, что и вызывает подобные речевые ошибки.

На фоне градуированной оценки своё отражение находит и общая лингвоэкологическая проблема **оскудения словарного запаса** [Сковородников 2013, с 198]. Проверить этот тезис было решено на одном аспекте – использовании интенсификаторов. В проанализированной выборке оказалось 25 сочетаний с интенсификаторами, причём больше половины из них приходилась на слово «очень» (13 сочетаний). Например:

«Было **очень** скучно смотреть на всё, что происходило на экране»;

«Смотреть ... было **очень** весело!».

Дважды встретился интенс «совершенно»:

«... **совершенно** ненужный разговор».

Также дважды – «просто»:

«...будет **просто** неинтересно»;

« Всё равно, я **просто** обожаю Н. К».

Остальные восемь:

«Цены достаточно хорошо растут»;

«Да он **вообще** угарный!»;

« По **довольно** неплохому трейлеру...»;

«... **местами** абсолютно бредовую картину».;

«Если говорить о сюжете, то он был **сравнительно** неплох».;

«Да, он стоит **несколько** ниже трёх частей М.»;

«... с её участием были и **весьма** достойные сцены»;

«Ребрендинг МТС... **совсем** идиотский.

Несмотря на ограниченный объем выборки, **тенденция к оскудению активного словарного запаса** ярко выражена. В словаре синонимов [Александрова, 2001: 314-315] к слову «очень» указаны около ста (91) синонимов. Следовательно, используя метод определения лексического разнообразия текста, можно определить, что лексическое разнообразие исследованных текстов в среднем составляет около 15%.

В результате исследования: 1) введено и обосновано понятие градуированной оценки; 2) выявлена система средств выражения оценки, а также система средств, служащих усилению (градуированию) оценки; обнаружены жанроспецифические особенности оценочной лексики: зависимость значения оценочной лексики от объекта оценки; доминирование в исследуемом жанре глаголов и прилагательных. Исследование показало, что категорию оценочности необходимо изучать с позиции лингвоэкологии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Александрова З. Е. Словарь синонимов русского языка: Практический справочник. М.: Русский язык, 2001. 568 с.
2. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988. 341 с.
3. Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: курс лекций. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2014. 236 с.
4. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. М.: Наука, 1985. 230 с.
5. Данилевская Н. В. Об особом статусе оценки в научном тексте // Вестник Пермского университета. Вып. № 2(22). С. 37-43
6. Коростова С. В. Эмотивность как функционально-семантическая категория: к вопросу о терминологии // Известия Российского государственного университета имени Герцена. №103. С. 85-93.
7. Краткий психологический словарь / ред. А. В. Петровский, ред. М. Г. Ярошевский, ред., сост. Л. А. Карпенко. – 2-е издание, расширенное, дополненное и исправленное. Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. 506 с.

8. Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов. М.: Эксмо, 2008. 944 с
9. Кустова Г. И. Слова со значением высокой степени: семантические модели и семантические механизмы (MAGN'Ы – прилагательные) // Слово и язык: Сборник статей к 80-летию Ю. Д. Апресяна. М.: Языки славянских культур, 2011. С. 256-267.
10. Марьянчик В. А. Аксиологичность и оценочность медиа-политического текста. М.: Книжный дом «ЛИБКОМ», 2013. 272 с.
11. Сковородников А. П. О предмете эколлингвистики применительно к состоянию современного русского языка // Экология языка и коммуникативная практика. 2013. №1. С. 194-222.
12. Солодилова И. А. Оценка как вид когнитивной деятельности и компонент лексического значения // Вестник ОГУ. 2010. №11(117). С. 86-89.
13. Тихонов А. Н. Современный русский язык. (Морфемика. Словообразование. Морфология). М.: Цитадель-трейд, Ид Рипол Классик, 2003. 464 с.
14. Шаховский В. И. Лингвистическая теория эмоций. М.: Гнозис, 2008. 416 с.
15. Isacenko A.V. Die russische Sprache der Gegenwart. Teil I. Formenlehre. Halle (Saale), 1968.

Биктимиров В.Э.*

РЕЦЕПЦИЯ АНТИЧНОГО МИФА В ПЬЕСЕ П. ХАКСА «ПРЕКРАСНАЯ ЕЛЕНА»

The article deals with the artistic interpretation of the classic story about Helen of Troy in P. Hacks' play. The play is a bright example of modernization and desakralization of the mythological material, parodically reinterpreted in the spirit of the twentieth century. The analysis of the play allows us to reveal the features of the reception of the ancient stories in the modern era and the originality of the German playwright' mythmaking.

Key words: P. Hacks, dramaturgy, German literature, reception, myth, interpretation.

Аннотация: В статье рассматривается художественная интерпретация классического сюжета о Елене Троянской в пьесе П. Хакса. Произведение представляет собой яркий образец модернизации, десакрализации мифологического материала, пародийно переосмысленного в духе XX столетия. Анализ пьесы позволяет выявить особенности рецепции античных сюжетов в новейшую эпоху и своеобразие мифотворчества немецкого драматурга.

Ключевые слова: П. Хакс, драматургия, немецкая литература, рецепция, миф, интерпретация.

Миф о Елене Троянской занимает исключительное место в истории мирового искусства. Интерес к прекраснейшей из женщин, чья красота развязала Троянскую войну, привлекал внимание различные сферы художественной культуры: изобразительное искусство («Похищение Елены» (1530 – 1539) Ф. Приматиччо; «Любовь Париса и Елены» (1788) Ж-Л. Давида; «Похищение Еле-

* Научный руководитель – канд. филол. наук доцент Т.С. Нипа (Сибирский федеральный университет)

ны Парисом» (1831) А. Егорова; «Елена Троянская» (1898) Э. де Морган»), музыкальное искусство («Похищение Елены» (1634) В. Пуччителли; «Парис и Елена» (1770) К.В. Глюка; «Прекрасная Елена» (1864) Ж. Оффенбаха; «Египетская Елена» (1928) Р. Штрауса), кинематограф («Троянская война» (1961) Д. Феррони; «Троянки» (1971) М. Какоянниса; «Елена Троянская» (2003) Р. Керн; «Троя» (2004) Д. Бениоффа). Широкое распространение он получил и в литературе. Впервые Елена появляется в поэмах Гомера «Илиада» и «Одиссея». Последующее изложение миф нашел в палинодии Стесихора «Елена», в «Похвале Елене» Горгия, а также в трагедиях Еврипида «Троянки», «Елена» и «Орест». В новое время к образу Елены Троянской обратился И. В. Гёте («Фауст», 1808). В XX веке, испытывающем мощное влияние к рецепции античности, данный сюжет интерпретировался в творчестве Э. Верхарна («Елена Спартанская», 1909) П. Клоделя («Протей», 1920), Г. фон Гофмансталя («Египетская Елена», 1928), Ж. Жироду («Троянской войны не будет», 1935), К. Варналиса («Дневник Пенелопы», 1946), В. Хидельсхаймера («Жертвоприношение Елены», 1955), П. Хакса («Прекрасная Елена», 1964), К. Маккалоу («Песнь о Трое», 1998), Г. Л. Олди («Она и ее мужчины», 2011).

Еще в античности мифологические сюжеты получали различные интерпретации в художественном творчестве, что не противоречило традиции. Аристотель в своем трактате «Об искусстве поэзии» писал: «Хранимые преданием мифы нельзя разрушать,- я разумею, например, смерть Клитемнестры от руки Ореста и Эрифилы от руки Алкмеона,- но поэту должно и самому быть изобретателем и пользоваться преданием как следует» [Аристотель, 1956: 84]. В целом сохраняя фабулу, авторы наполняли миф близкими идеями, по-разному осмыслили сущность конфликта, а соответственно, эволюционировали и образы героев. Так, например, Гомер изображает Елену – жертвой любовных чар богини Афродиты, которая вынуждена подчиниться воле Олимпийских богов. Спартанская царица глубоко сочувствует троянцам и жертвам кровопролитной войны, осознавая свою роковую ошибку:

Лучше бы горькую смерть предпочесть мне, когда я решилась

Следовать с сыном твоим, как покинула брачный чертог мой,

Братьев, и милую дочь, и веселых подруг мне бесценных!

Но не сделалось так; и о том я в слезах изнываю!.. [Гомер, 1990: 42].

Однако в произведение Еврипида «Троянки» Елена представлена циничной, себялюбивой царицей, которую не заботит ничего, кроме собственной жизни. Таким образом, следует заключить, что уже в античности образ Елены подвергался неоднозначной оценке.

Тенденция модернизировать древний сюжет, психологизировать образы является ведущей для литературы XX века. По словам Е.М.Мелетинского, «популярность мифологических тем в современной драматургии подогревается распространением ритуалистических концепций, интерпретирующих миф как нарративизацию ритуально-догматического действия, но современные драмы, собственно, прибегают не к поэтике мифологизирования, а к модернистской переделке и переосмыслению произведений античного театра» [Мелетинский, 1976: 360].

Писатели XX века видят в мифе источник накопленного столетиями человеческого опыта, дающего возможность для отображения проблем современности. Они могут заимствовать у древнего предания лишь заглавие и внешнюю рамку: ни язык, ни характеры, ни мироощущение героев подобных произведений не соответствуют античному. Авторы актуализируют мифические события, придавая им современную окраску: наделяют героев психологией нового времени, отражают в произведении злободневные проблемы, связывая популярный сюжет с конкретной общественно-политической ситуацией, вводят элементы пародии.

Яркий пример подобного «освобождения от мифа», «осовременивания» его представляют собой литературные обработки немецкого драматурга Петера Хакса. Пьеса «Прекрасная Елена» («Die Schöne Helena», 1964) написана по мотивам одноименной оперетты-буфф Ж. Оффенбаха (1864, авторы либретто – Анри Мельяк, Людовик Галеви). Интерпретируя традиционный сюжет в опе-

реточном стиле, немецкий драматург, вслед за своими французскими предшественниками, создает фарс, наполненный искрометным юмором.

Воспроизводя известные мифологические события, П. Хакс, в отличие от Ж. Жироду, В. Хидельсхаймера и К. Варналиса, не переносит действие в новейшую эпоху, о чем заявляет в «предварительном замечании» к своей комедии:

Все анахронизмы в декорациях и костюмах возбраняются. Автор требует иллюзии: иллюзии существования какого-то более совершенного и более вожделенного мира, в котором не только порок, но и добродетель привлекательна. Разумеется, действие происходит не в эпоху Гомера. Оно разыгрывается в античности поэзии. Эта античность полна солнца, изящества и наивности. Она может слегка отдавать Второй империей и не быть столь уж непосредственной, как действительная античность [Хакс, 1964].

Несмотря на творческую установку в построении сюжетного действия, речь персонажей Хакса совершенно не соответствует античной эпохе. Автор часто и охотно вводит в пьесу анахронизмы (Париж, церковь, пантомима, карета), галлицизмы (мсье, рара, кефале), канцеляризмы (профессиональный милитарист, воинствующий реакционер). Особый колорит создают различные культурные и литературные аллюзии. Так, например, Хакс вводит в свою пьесу в качестве действующего лица Гомера, который напряженно создает свою великую поэму при дворе у Менелая:

Г о м е р (напряженно размышляет, скандирует гекзаметры, бормочет).

Доблестный царь Менелай, первейший в сраженьях жестоких... (Спрашивает Париса). Что вы находите более выразительным? «Первейший в сраженьях» или «самый смелый в сраженьях»? [Хакс, 1964].

Место поэта в обществе, его взаимоотношения с народом и властью осмысляются в современном духе. Образ Гомера десакрализован: даже слуги относятся к нему с пренебрежением, а цари и герои воспринимают его поэмы лишь как приятное (а порой и довольно скучное) дополнение к трапезе.

Сюжет хаксовской комедии, в целом, следует сюжету греческого мифа: Парис разрешает спор богинь, выбирая Венеру как наиболее прекрасную; отправляясь в Спарту, принц Трои успешно выполняет задания царей Менелая и Агамемнона; Елена и Парис влюбляются друг в друга, и царица Спарты покидает со своим любовником чертоги дворца. Наряду с этим, традиционный сюжет в пьесе немецкого драматурга обрастает новыми подробностями. Во-первых, традиционные испытания Париса, суть которых заключается в демонстрации его мужества, ловкости и физической силы, превращаются в расшифровку пророчества оракула Калахаса. Во-вторых, согласно Р. Грейвсу, Менелай «отплыл на Крит, чтобы присутствовать на похоронах своего деда с материнской стороны Катрея» [Грейвс, 2005: 831]. В пьесе Хакса царь Спарты, согласно расшифрованному предсказанию Париса, отправляется на Крит, чтобы разобраться со своими денежными сбережениями в Кносском банке. В-третьих, Парис вовсе не похищает Елену с богатством Менелая посреди ночи, как это было в античном мифе. Парис, переодевшись жрецом Венеры, хитростью заставляет Менелая отпустить свою супругу, чтобы та принесла жертву богине любви. Как только Елена вошла на галерею, Парис срывает свое шутовское одеяние и покидает Спарту вместе со своей возлюбленной.

Заглавная героиня, Елена Троянская, – прекрасна в полном смысле этого слова. Создавая образ царицы Спарты, автор в своей ремарке дает характерологический портрет Елены, насыщая его антитезами:

В этой женщине самая нежная молодость должна сочетаться с чувственной зрелостью; она чрезвычайно умна, но мыслит совершенно по-женски; флегматична, но чувствительна; непревзойденно хороша собой и при этом обладает своеобразным шармом – большего от нее не требуется [Хакс, 1964].

Хакс не отступает от сложившейся в литературе традиции, представляя свою героиню как легкомысленную особу. Оригинальность и комизм образу хаксовской Елены юмористического придает сочетание в ней легкомысленного распутства и внешнего стремления соответствовать нормам добродетельности. Елена нарочито скромно одевается, проявляет холодность и неприступ-

ность по отношению к Парису, однако надеется, что ее сопротивление будет сломлено, а стража у дверей спальни не проявит должной бдительности.

Героиня Хакса считает себя жертвой несправедливого общественного мнения, жертвой сластолюбивых мужчин, не способных устоять перед ее красотой: «Поверьте, я предпочла бы жизнь спокойной скромной гражданки, жены честного купца из Митилены. А вместо этого... Судите сами. В двенадцать лет меня похищает... как же его... Тезей, в четырнадцать... да вы знаете, всей Греции известно о моей бурной молодости. Наконец, после стольких крушений, я уверовала, что достигла, наконец, тихой пристани...» [Хакс, 1964].

При всей своей кажущейся наивности и глупости, Елена расчетлива и лукава. Узнав о том, что «Венера обещала какому-то пастуху любовь самой прекрасной в мире женщины», героиня приходит в ужас, но, когда выясняется, что пастух является Троянским принцем, то в Елене загорается искра любовного пламени к Парису.

Елене наскучило однообразие царской жизни и обилие, с одной стороны - хвалебных од слуг, а с другой - клеветы народа. Вопреки доводам рассудка, Елена, подобно вольной птице, совершает адюльтер, в дальнейшем покидая «клетку» Менелая.

П. Хакс отказывается от серьезной трактовки темы истинного правителя. Цари Менелай, Агамемнон, Ахилл, братья Аяксы и пророк Калахас лишаются своего ореола величественности, героизма и мудрости, которые воспевал Гомер. Его герои - это «два Аякса, драчуны и забияки низкого пошиба», «профессиональный милитарист» Ахилл, «большой политик, сильно позолоченный и исполненный величия» Агамемнон, «воинствующий реакционер» Калхас [Хакс, 1964]. Изображая античных царей, Хакс, безусловно, создает пародию на современных политиков. Так, например, в диалоге с Леэной, Калхас отвечает ей известной в политической сфере репликой:

Более того, милое дитя. Это мое официальное мнение [Хакс, 1964].

Владыки и могущественные воины тратят свое время не на совершение благородных деяний и отважных подвигов, а на совместные пиршества, азарт-

ные игры и алкоголь. Никто из правящей элиты не обладает способностью здраво мыслить и управлять державой. Пытаясь разгадать послание богов, Агамемнон взывает к народу:

У нас есть: цари, полководцы, жрецы, владельцы рудников, плантаторы, купцы, поэты, философы, писатели, кто угодно, но людей с умом нет <...> совершенно ясно, что люди с умом неспособны управлять страной, к сожалению, так же ясно, что по истечении нескольких лет в них снова появляется нужда [Хакс, 1964].

Лишь человек, владеющей ясностью ума, способен разгадать загадку оракула. Этим человеком оказывается Парис. «Парис молод, ему не больше двадцати. Он хорош собой и неотразимо обаятелен. Одет в костюм обычного пастуха; его очарование таково, что ему идет все, что он носит» [Хакс, 1964]. Образ Париса построен по принципу контраста с “великими” героями. Обладая ярким характером, гибким умом, и прекрасными внешними данными, Парис очаровывает Елену и забирает ее у Менелая.

Столь же пародийно представлены в пьесе П. Хакса образы богов. Юпитер, владыка Олимпа, говорит о том, что не терпит супружеских измен, распутного поведения, а священные узы брака есть закон. В то же время Венера обвиняет его в лицемерии и лжи, заявляя громовержцу:

Ты только и умеешь, что делать детей. И соблазнять неопытных девушек недостойными трюками. И гонять по всей Европе и Азии беззащитных девственниц, а потом, добившись своего, бросать их на произвол судьбы <...> Только и знаешь, что греметь [Хакс, 1964].

Люди не видят в Юпитере высшего божества. Все дары и жертвы приносятся в храм богини Венеры. Чтобы хоть как-то завлечь посетителей в храм Юпитера, Калхас и Филокем используют механизм, издающий звук грома, но и это не дает результата. Наивысшая власть и порядок уступают место чувству прекрасному и нежному – любви. Юпитер не верит в любовь, о чем справедливо говорит Венера: «...о том, что существует чувство, заставляющее влюбленных совершенно терять и тем самым обретать себя друг в друге, чувство, кото-

рое делает слабых сильными, толстокожих – деликатными, усталых – энергичными, - об этом ты не имеешь ни малейшего понятия» [Хакс, 1964].

Таким образом, воспроизводя известные мифологические события, пьеса Петера Хакса «Прекрасная Елена» строится как травестия на античный миф. Автор создает комедию, обращаясь к литературным и культурным источникам, иронически интерпретирует сюжет и образы героев, насыщает речь персонажей языком современной эпохи. Немецкий драматург не случайно выбирает форму травестии. По справедливому замечанию Т. А. Шарыпиной, «подобная трансформация выполняла иную функцию: помочь зрителю через призму вечного увидеть современность, прийти к синтезу мифологического и сиюминутного, исторического» [Шарыпина, 2001].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Хакс П. Прекрасная Елена. [Эл. ресурс]. URL: www.theatre-library.ru/files/h/hacks/hacks_7.doc (дата обращения: 16.05.2015).
2. Аристотель. Об искусстве поэзии. М.: Худож. Лит., 1956. 184 с.
3. Гомер. Илиада. Л.: Наука, 1990. 572 с.
4. Грейвс Р. Мифы Древней Греции. Екатеринбург: У-Фактория, 2005. 1008 с.
5. Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. М.: Наука, 1976. 406 с.
6. Шарыпина Т.А. «Ифигения в Тавриде» Гете на рубеже XXI века. [Эл. ресурс]. URL: <http://elibrary.ru/download/86718575.pdf> (дата обращения: 16.05.2015).

Глазкова Ю.В. •

**РАННИЕ РАССКАЗЫ М. ВЕЛЛЕРА
СКВОЗЬ ПРИЗМУ МЕТАТЕКСТА**

Comparative study of an ideal story model developed in "Technology of a Short Story" by M.Veller with the early literature texts of the writer is carried out. The patterns of the so called small literature construction provided by Veller are analyzed; the key form of a dialogue/game with a reader is reconstructed.

Key words: metatext, M.Veller, text implementation, poetics, composition.

Аннотация: Автор статьи сопоставляет идеальную модель рассказа, описанную М. Веллером в "Технологии рассказа", с ранней литературной практикой писателя. В статье анализируются принципы конструирования малой прозы Веллера, реконструируется актуальная для автора форма диалога/игры с читателем.

Ключевые слова: метатекст, М. Веллер, текстопорождение, поэтика, композиция.

М. Веллер – один из успешных современных писателей. Его творчеству посвящена диссертация О. М. Крижовецкой «Нарратология современной беллетристики (на материале прозы М. Веллера и Л. Улицкой)» [Крижовецкая, 2008] статьи, среди которых стоит отметить работы О. М. Крижовецкой [Крижовецкая, 2007], Л. В. Кипнес [2007], В.К. Олейник [1998], Г.Г. Инфантовой [2007], Н. С. Сафронова [2008], рецензии и множество отзывов в Сети. Критика неоднозначна в оценках произведений автора, его политических и эстетических суждений. Выдвигаются разные объяснения успешности писательской стратегии М. Веллера. В данной работе осуществляется попытка дать такое объяснение, которое непосредственно связано с текстопорождающими и коммуникативными установками писателя.

• Научный руководитель – д-р филол.наук, проф. Говорухина Ю.А. (Сибирский федеральный университет).

Исследование выполнено при поддержке гранта ККФНиНТД № КФ-481 «Читатель – университет – словесность: Красноярск в Год литературы»

Творчество М. Веллера включает тексты разных жанров, художественных и нехудожественных. Это и романы, рассказы, и целые философские трактаты, и произведения метатекстуального характера. К последним относится «Технология рассказа», написанная в 1989 году и вошедшая в сборник рассказов «Песнь торжествующего плебея» (2006). Анализ этого метатекста позволил выделить ряд важных творческих текстопорождающих установок автора.

Для писателя большое значение имеет принцип максимальной нагруженности текста (как правило, небольшого по объему) содержанием. Ему свойственно правило, о котором в свое время (в 1920-е) писали конструктивисты: в точке – все, в малом – многое. Каждое слово должно работать на замысел автора. Ту же задачу преследуют знаки препинания, которые должны передавать психологическое состояние героя, раскрывать индивидуальные особенности личности писателя. Веллер – автор, который прилагает максимум усилий к созданию идеальной конструкции рассказа, рассчитывая на активное соучастие читателя в разгадывании писательского замысла: замысла идейного и, что, может быть, более важно – замысла конструктивного. «Доля соучастия читателя при чтении поэзии максимальна, при чтении хорошего рассказа – близка к ней» [Веллер, 2006].

Цель нашей работы – исследование ранних произведений Веллера с точки зрения их соответствия провозглашенным в «Технологии рассказа» правилам создания идеального рассказа. Следует ли сам Веллер собственной инструкции?

Иллюстрацией отточенной, математически выверенной конструкции является рассказ Веллера «Колечко». Фабула рассказа такова: главный герой произведения убивает своего лучшего друга Сашу Брянцева для того, чтобы жениться на его возлюбленной. Однако, сделав это, желаемого результата не достигает. Он не сумел победить своего вечного соперника, превращая свою жизнь в бесконечную попытку «обогнать», «перепрыгнуть» уже не живущего друга. Рассказ состоит из 11 глав, в каждой из которых представлены разные взгляды на молодую семью. Название намекает читателю на то, как нужно читать текст.

Композиция рассказа – это система колец, сжимающихся по мере приближения к истине. Сначала даются взаимоисключающие ложные мнения старушки и соседки: первая героиня идеализирует семью, вторая уверена: это был брак без любви. Следующее кольцо – голоса знакомых главных героев, которые сообщают некоторые подробности характеров, жизни героев. Так постепенно читатель погружается в детали, увиденные «со стороны». Наконец, ему представляются точки зрения самих героев. Казалось бы, их понимание ситуации должно быть самым достоверным. Однако и Он, и Она видят только доступное им, их интерпретация событий и друг друга субъективна и неполна. Неслучайно после последовательного сжимания колец-ракурсов автор вводит голос молвы, максимально разжимая тем самым кольцо. Веллер использует банальную ситуацию убийства из ревности в надежде на собственное счастье лишь как отправной материал, наполняя его нетривиальными смыслами, задается вопросами (не)возможности познания и самопознания, пишет о необоснованности претензии человека на утверждение своего видения как истинного.

Как видим, в название рассказа вынесено слово, которое обладает не только повышенной смысловой нагрузкой (колечко в рассказе – это и конкретная деталь, и знак рока, судьбы, безысходности). Перед нами своеобразная подсказка читателю, намекающая на конструктивный принцип создания текста. Ключевое слово может вводиться в сам текст рассказа, как, например, в рассказе «Лодочка».

Веллер называет этот рассказ идеальным. Он небольшой по объему, но максимально емкий содержательно.

Рассказ разбит на две части. Они чётко отделены друг от друга: каждая часть располагается на отдельном листе, несмотря на то, что первая занимает всего четверть листа. Первая часть – краткое повествование о прогулке, вторая – фрагменты анкеты неизвестного человека. Небольшой объем рассказа позволяет нам процитировать его.

Продемонстрируем, как именно Веллер конструирует данный текст. Начинается рассказ с описания пейзажа. Пейзажный образный ряд – «октябрьский

день», «сухое стынувшее сияние осени», «чернь оград» – несомненно, насыщен семантикой смерти. Обратим внимание на мотив ясности в этом фрагменте («Октябрьский день был ясен», «чист насквозь», «перспективы обнажались» [Веллер, 2008: 182]). Перспектива в данном случае – это не только пространственная перспектива парка, но и перспектива судьбы рассказчика, вдруг осознанная им перспектива смерти. Слово «перспектива» в рассказе – то самое ключевое слово, насыщенное семантически и нагруженное конструктивно. Весь рассказ – это сменяющиеся друг друга перспективы. Прогулка по парку, созерцание городского пейзажа, как видим, сменилась перспективой неизбежной смерти. Но уже в следующем предложении она сменится. По контрасту с ощущениями героя описываются другие люди: «отдыхали на скамейках старички», «курили молодые стильные мамы», «мелькала детвора в азарте» [Там же]. Они показаны в перспективе жизни, необремененности знанием неизбежного. Покой стариков контрастирует с душевным напряжением рассказчика. Разность перспектив создает сюжетное напряжение в рассказе, намечает конфликт.

Неслучайно появляется образ бумажных корабликов («Мальчишки пускали бумажные кораблики, они скользили по чернолитоной плоскости» [Там же]), которые плывут по плоскости. Плоскость/поверхность – перспектива беззаботной жизни, в то время как рассказчик оказался способен «насквозь» увидеть неизбежное. Образ лодки многозначен. Лодка/корабль жизни – известный в искусстве образ. Лодка, пущенная в воду детьми – символ самой жизни. Но попавший в руки рассказчику, этот образ меняет свою семантику (опять меняется перспектива). Анкета, написанная на листе бумаги, – фрагменты жизни уже умершего человека. Детская игра превращается в свидетельство неизбежной смерти, тленности человеческого существования.

Сама анкета – это образ с двойной перспективой. Внешне (поверхностно/на плоскости листа) она запечатлела только основные факты биографии человека: рождение, дата вступления в партию, полученные награды. Однако читатель понимает, что самое главное в жизни неизвестного не исчерпывается сухими шаблонными формулировками. Жизнь – в иной перспективе, намекают на

нее многоточия. Это жизнь, драматичная, жизнь, человека, пережившего не только трагические события истории, но и трагедию утраты близких людей.

Мы смогли увидеть смену перспектив в анкете во многом потому, что автор подготовил нас к этому, он «научил» нас менять перспективы, намекнув на возможность такой смены в первой части. В этом смысле Веллер последователен в своих конструктивных принципах: он продумывает построение текста до мелочей, он создает его как задачу для читателя.

Итак, одним из постулатов идеального рассказа по Веллеру является грамотное построение произведения, помогающие читателю в освоении материала. «Композиция (построение, структура, архитектоника) рассказа – это расположение отобранного материала в таком порядке, которым достигается эффект большего воздействия на читателя, чем было бы возможно при простом сообщении фактов. Перемены в последовательности и соседстве эпизодов обуславливают разное ассоциативное, эмоциональное смысловое восприятие материала в целом. *Удачная композиция позволяет добиться максимума смысловой и эмоциональной нагрузки при минимуме объема*» [Веллер, 2002]. Кроме того, для автора важен стиль написания рассказов. Под стилем в данном случае понимается «диалектическое единство языка как средства мышления и языка как средства передачи информации» [Там же]. Стиль писателя проявляется на лексическом, синтаксическом и пунктуационном уровнях текста. В этом смысле «Лодочка» полностью соответствует представлениям Веллера о смысловой нагруженности текста. Выше мы продемонстрировали, что практически каждое слово в первой части рассказа является символом, а во второй о самом главном нам намекают многоточия, пунктуационные знаки.

На основе вышеприведённых фактов, мы пришли к следующим выводам. Идеальная модель рассказа сформировалась в сознании автора раньше, чем он её описал в «Технологии» (1989), что следует из анализа текстов, вошедших в сборник рассказов «Хочу быть дворником» (1983). Этому алгоритму текстопорождения Веллер следовал изначально и полностью утвердился в его продуктивности после публикации первого сборника.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Веллер М. И. Хочу быть дворником. М.: Астрель, 2002. 384 с.
2. Веллер М.И. Технология рассказа // Песнь торжествующего плебея. М.: АСТ, 2006. С. 291-363.
3. Кипнес Л. В. Особенности прозы Михаила Веллера («Легенды Невского проспекта») / Л. В. Кипнес // Русский язык как средство сохранения межкультурных и образовательных связей. СПб., 2007. С. 79-83.
4. Крижовецкая, О. М. Нарратология современной беллетристики: на материале прозы М. Веллера и Л. Улицкой: диссертация ... кандидата филологических наук. Тверь, 2008. 156 с.
5. Инфантова Г. Г. Современные тенденции в стилистике: (на материале произведений М. Веллера «Все о жизни» и «Смысл жизни») // Известия Южного федер. ун-та. Сер. Филол. науки. 2007. №1/2. С. 153-161.
6. Олейник В. К. О некоторых особенностях стиля прозы М. Веллера // Язык и стиль художественного произведения. Курган, 1998. С. 40-42.
7. Сафронов Н. С. Фигуры интертекста в романе М. Веллера «Ножик Сережи Довлатова» // Славянская культура: источники, традиции, взаимодействие. М., 2008. С.141-146.

Киселева С.С.*

**ОБРАЗ КНЯЖНЫ МАРЬИ
В АРХЕТИПИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ
(РОМАН Л.Н. ТОЛСТОГО «ВОЙНА И МИР»)**

The article discusses the female characters in L.N. Tolstoy's novel "War and Peace" in the context of archetypal plot. The main content of this work is a comparison of the images of Princess Marya, Natasha Rostova and Helene Kuragina, determination of their positions on the ladder-scale, and revealing the characteristics of a "good" / "evil" wife.

Key words : L. N. Tolstoy's work, the plot-archetype, the "good" wife, "evil" wife.

Аннотация: В статье рассмотрены женские образы романа Л. Н. Толстого «Война и мир» в контексте архетипического сюжета. Основное содержание работы – сопоставление образов княжны Марьи, Наташи Ростовой и Элен Курагиной, определение их местоположения на шкале-лестнице, выявление присущих им характеристик «доброй»/ «злой жены».

Ключевые слова: творчество Л.Н. Толстого, сюжет-архетип, «добрая» жена, «злая» жена.

В нашей работе мы будем ориентироваться на методологию и модели, предложенные В.К. Васильевым в монографии «Сюжетная типология русской литературы XI-XX веков (Архетипы русской культуры). От Средневековья до Нового времени» (2009) (ср. учебное пособие: «Сюжетная типология русской литературы XI-XX веков (Архетипы русской культуры) (2006)), а также на статью автора, посвященную анализу образа Наташи и Элен в романе «Война и мир» [Васильев, 2010]. В ней образ княжны Марьи автором не рассмотрен, равно как и не завершен анализ образа Наташи. Это дает нам право обратиться к предложенной теме, в частности, внести в нее дополнения.

В романе Толстой представляет меру, по которой он выверяет поступки и мысли героев: «Для нас, с данной нам Христом мерой хорошего и дурного, нет

---

* Научный руководитель – канд. филол. наук, доцент Васильев В.К. (Сибирский федеральный университет)

неизмеримого. И нет величия там, где нет простоты, добра и правды» [Толстой, 1940: 165]. Герои размещаются автором на этой шкале-лестнице, границы которой обозначены образами «Христа и Антихриста» [Васильев, 2006: 25].

Прототипом княжны Марьи была мать писателя Мария Николаевна Волконская. Лев Николаевич писал: «...В представлении моем о ней есть только ее духовный облик, и все, что я знаю о ней, всё прекрасно...» [Толстой, 1952: 349]. «Она представлялась мне таким высоким, чистым, духовным существом, что часто в средний период моей жизни, во время борьбы с одолевавшими меня искушениями, я молился ее душе, прося ее помочь мне, и эта молитва всегда помогала мне» [Толстой, 1952: 354].

Данные представления послужили началом образа Марьи Болконской.

Именно ее правомерно отнести к идеальным женским образам романа. В этом неизменном качестве она единственная на всем протяжении романа. Толстой никогда и ни при каких условиях не позволил бы сказать о ней то, что Пьер говорит об Элен: «Где вы – там *разврат, зло*» (в цитатах выделено курсивом здесь и далее нами. – С.К.). [Толстой, 1938: 366]. Напротив, Марья, как и Платон Каратаев, находится исключительно в зоне «верха»: сфере правды, доброты и простоты. «Это, – писал П.В. Анненков, – именно то строгое серьезное лицо, которое должно торжественно вынести на себе идею романа из хаоса его подробностей <...> дать всему смысл и значение» [Анненков, 1960: 249].

Героиня живёт «жизнью преданности, покорности, от поэзии христианского самоотвержения» [Толстой, 1940: 178]. «Все сложные законы человечества сосредоточивались для нее в одном простом и ясном законе – в законе любви и самоотвержения, преподанном Тем, Который с любовью страдал за человечество, когда сам он – Бог» [Толстой, 1938: 232]. Ср.: Элен далека от мира духовности, в этом смысле для неё нет ничего святого: религия для нее – средство устроить своё замужество на ком-либо из любовников. Пол этой причине она меняет «ложную» православную религию на «истинную» католическую.

Характер Марьи сформировался в «правильности», заведённой её отцом в имении Лысые Горы. Однако княжна отличается от отца и брата: его дочь «была столь же *беспорядочна*, как отец ее порядочен» [Толстой, 1937: 109]. Или: «нет у ней *гордости...*» [Там же: 279]. Ср.: гордость как основная черта характера князя Андрея (Марья о брате: «Ты всем хорош, André, но у тебя есть какая-то *гордость* мысли» [Там же: 129]). Или его признание: «...я ничего не люблю, как только славу, любовь людскую. Смерть, раны, потеря семьи, ничто мне не страшно. И как ни дороги, ни милы мне мои люди – отец, сестра, жена, – самые дорогие мне люди, – но, <...>, я всех их отдам сейчас за минуту славы, торжества над людьми...» [Там же: 324]).

Она «чудная», «именно *ангел!*» [Толстой, 1940: 28], «совсем *особенное* и *необыкновенное* существо» [Там же: 24]. «Душа графини Марьи всегда стремилась к *бесконечному, вечному и совершенному* и потому никогда не могла быть покойна» [Там же: 290]. Её взгляд – «*умилённый, счастливый и робкий*» [Там же: 24]; она живёт «*возвышенным, нравственным миром*» [Там же: 287].

Именно истина, воплощенная в Боге, конечная цель духовных исканий и Пьера, и Андрея Болконского, и Наташи. Всё, к чему через падения идут герои, что они мучительно ищут и пытаются понять на протяжении романа, княжне Марье уже известно. Всё ей представляется «ясно и просто», как говорит князь Андрей. Провожая Андрея Болконского на войну, сестра отдаёт ему образок Спасителя: «в Нем одном и *истина и успокоение*» [Толстой, 1937: 131]. Эти «истина и успокоение» откроются Болконскому только в смерти: «Сострадание, любовь к братьям, к любящим, любовь к ненавидящим нас, любовь к врагам – да, та любовь, которую проповедовал Бог на земле, которой меня *учила княжна Марья* и которой я не понимал» [Толстой, 1940: 258].

Если внутренний облик княжны Марьи соткан из мотивов, выражающих едва ли ни исключительно идеальное, то отнюдь не идеально складывается ее жизнь. Она «в страхе и вечных нравственных страданиях, без пользы и радости» проживает «лучшие годы своей жизни» [Толстой, 1940: 34].

Наташа Ростова не хочет принять не только годы, но даже дни подобной жизни: «ей жалко было, что она так даром, ни для кого, пропадала все это время» [Толстой, 1938: 273]. Наташа переполнена жизнью, но она *не духовна*, слишком «доверчива и не верит в возможность зла, несчастья и горя» [Там же: 206]. Из-за этих качеств она чуть не погибла. Как Элен едва не разрушила жизнь Пьера (всё «оттого что ты женился на ней» [Толстой, 1938: 28]), так и Анатолий (ее двойник) едва не губит Наташу.

Заметим, что в истории с Анатолием Наташа становится близкой к Элен на шкале «хорошего и дурного». В данном эпизоде в ее описании явно начинает преобладать «поэтика телесного», свойственная прежде всего образу Курагиной. Элен не может выбрать из двух фаворитов одного («все очень хорошо знали, что болезнь прелестной графини происходила от неудобства выходить замуж сразу за двух мужей» [Толстой, 1940: 4]). Ср.: Наташу «мучил неразрешимый вопрос, *кого она любила: Анатолия или князя Андрея?* <...> «Что же мне делать, когда я люблю его и люблю другого?» [Толстой, 1938: 343]. Особенно близко к Элен рассуждение такого типа: «*Отчего же бы это не могло быть вместе?*» [Там же: 345].

Ранее в ситуации с Анатолием княжна Марья решает остаться с отцом. Своё призвание она видит в том, чтобы «быть счастливою другим счастьем, счастьем любви и самопожертвования» [Толстой, 1937: 284]. Для Наташи до определенного момента такое представление о счастье недоступно.

Княжне Марье свойственны и самые простые, житейские качества. Она бывает раздражительна, но упрекает себя в слабостях. В ее душе идёт борьба между желанием пожертвования себя Богу и стремлением к земному: «В помышлениях о браке княжне Марье мечталось и семейное счастье, и дети, но главною, сильнейшею и затаенною ее мечтой была любовь земная» [Толстой, 1937: 270].

Наташа не похожа на серьёзную и «печальную» княжну: Марья «*грустна*», «*печальна*», «*тревожна*», «*озабочена*». У неё «*печальное лицо*», «*глубокая и*

нежная печаль, выражавшаяся во всех чертах ее» [Толстой, 1940: 27]. Она сидит «с *грустным* и несколько *строгим* лицом» [Там же: 231].

Наташу что-то всегда смешит, причём этот смех всегда радостный и почти беспричинный («она *смеялась* чему-то», «расхохоталась так громко и звонко» [Толстой, 1937: 47]). Наташа смешлива, оттого что очень любит жизнь: «Наташа смеялась <...> не потому, что было смешно то, что они говорил, но потому, что ей было весело и она не в силах была удерживать своей радости, выражавшейся смехом» [Толстой, 1938: 7].

Элен свойственна «однообразно-красивая», «неизменяющаяся» улыбка, свойственная её внутреннему облику – лживому и мертвенному.

У Марьи «*особенная, нравственная красота*», «Глаза княжны, большие, *глубокие и лучистые* были так хороши, что очень часто, несмотря на *некрасивость всего лица*, глаза эти делались *привлекательнее красоты*» [Толстой, 1937: 110]. Ср.: Наташа «черноглазая, с большим ртом, *некрасивая, но живая* девочка» [Там же: 47]. Героини поставлены Толстым на шкале «хорошего и дурного» в следующей последовательности: Марья – Наташа – Элен.

Наташа всегда требует к себе внимания, она самолюбива, эгоистична: «“Вот она я!” как будто говорило выражение её лица при виде себя», «“Что за прелесть эта Наташа!” сказала она опять про себя словами какого-то третьего, собирательного, мужского лица. – “Хороша, голос, молода”» [Толстой, 1938: 224]. Эти самолюбие, своего рода естественная, природная гордыня молодой девушки, находящейся вне сферы духовного, сближают её с Элен: «Во все время рассказа она сидела прямо, *посматривая* изредка *то на свою полную красивую руку*, легко лежавшую на столе, *то на еще более красивую грудь*, на которой она поправляла бриллиантовое ожерелье; *поправляла несколько раз складки* своего платья» [Толстой, 1937: 15]. Ср.: княжна Марья считает себя «порочной», умаляет свои достоинства: «я слишком дурна» [Там же: 270], «я, с своим ничтожным умом» [Толстой, 1938: 232], «она [Лиза Болконская] там вероятно получит то место, которого я не смею надеяться для себя» [Там же: 233].

Курагина – «развратная женщина», «женщина, которая может принадлежать всякому»; она постоянно изменяет мужу. Ее поведение связано с мотивом разврата, доходящим до инцеста («её брат Анатолий был влюблён в неё, и она влюблена в него» [Толстой, 1937: 253]). Княжна Марья верная: она «знала, что она любила *в первый и последний раз в жизни*» [Толстой, 1940: 52], Наташа в финале, после пережитого падения и воскресения, также становится «*примерною женой и матерью*» [Там же: 266].

И Наташа и Марья чадолюбивы: жизнь княжны – это «неустанное, вечное душевное напряжение, имеющее целью только *нравственное добро детей*» [Там же: 287], Ростова – «*примерная мать*». Элен же сказала Пьеру, «что она *не дура, чтобы желать иметь детей*» [Толстой, 1938: 29].

Курагина – *разорительница и погубительница* дома. Наташа и Марья, наоборот, – *жизнедательницы*: Наташа возвращает к жизни князя Андрея: после встречи с этой «живой» девочкой на него «вдруг нашло *беспричинное, весеннее чувство радости и обновления*» [Толстой, 1938: 158], она воодушевляет Николая своей любовью, пением: «*на душе его и на лице распуuskалась та детская улыбка, которую он ни разу не улыбался с тех пор, как выехал из дома*» [Там же: 7].

Наташа и Марья готовы прийти на помощь ближнему, они *щедрь и жертвенны*: Наташа уговаривает графиню помочь раненым: «Раненые, вот кто! <...> ну что нам-то, что мы увезем, вы посмотрите только, что на дворе...» » [Толстой, 1940: 316], княжна Марья готова раздать всё крестьянам: «Я вам *отдаю все*, мои друзья, и прошу вас взять все, весь хлеб наш, чтобы у вас не было нужды». «*Все, что мое, то ваше*» » [Там же: 154]. См. о жертве на войне в романе: [Васильев, 2009: 94-95].

«”Миром, – все вместе, без различия сословий, без вражды, а соединённые братской любовью – будем молиться”, – думала Наташа» [Толстой, 1940: 74]. В этой мысли – цель исканий толстовских героев, открытие христианской соборности и любви. Эпизод является переломным в жизни Наташи, свидетельствует о становлении «внутреннего, духовного человека». Образ княжны Марьи с са-

мого начала являет собой такого человека: «Мне кажется только, что христианская любовь к ближнему, любовь к врагам достойнее, отраднее и лучше» [Толстой, 1937: 113].

Наташа в своем падении открывает для себя сложность мира, его зло. Ее духовная эволюция, изживание зла явились тем непереносимым условием, которое определило ее сближение с княжной. Сыграла свою роль и смерть князя Андрея: «новое несчастье еще более сблизило их» [Толстой, 1940: 177]. Наташа говорит Марье: «Будем совсем, совсем друзьями». И «с этого дня между княжной Марьей и Наташей установилась та страстная и нежная дружба, которая бывает только между женщинами. <...> Они *вдвоем чувствовали большее согласие между собой*, чем порознь, каждая сама с собою. Между ними установилось <...> чувство *возможности жизни только в присутствии друг друга*» [Там же: 178]. (Ср.: при первой встрече: «Княжна Марья <...> была дурно расположена к ней [Наташе] по невольной зависти к ее красоте, молодости и счастью и по ревности к любви своего брата». Ростовой княжна казалась «очень дурною собою, притворною и сухою» [Толстой, 1938: 320].)

Однако в Наташе все еще недостает глубины той природы, которая есть в Марье. Точно также Марье недостает жизнерадостности Наташи. Толстой приводит героинь к пониманию жизни друг друга: «Наташа, прежде с спокойным непониманием отворачивавшаяся от этой *жизни преданности, покорности, от поэзии христианского самоотвержения*, теперь, чувствуя себя *связанной любовью с княжной Марьей*, полюбила и прошедшее княжны Марьи и *поняла непонятную ей прежде сторону жизни*. <...> Для княжны Марьи, слушавшей рассказы о детстве и первой молодости Наташи, тоже открывалась прежде *непонятная сторона жизни, вера в жизнь, в наслаждение жизни*» [Толстой, 1940: 179].

В финале романа автор ставит Наташу и Марью на одну ступень, превращая их в двойников. Теперь они понимают друг друга с одного взгляда: княжна Марья «почувствовала, что словами нельзя ни спросить, ни ответить. Лицо и глаза Наташи должны были сказать все яснее и глубже» [Там же: 55].

Обретение земного счастья – семьи проявляет в Марье те же нравственные качества. «В первый раз вся та *чистая духовная внутренняя* работа, которую она жила до сих пор, выступила наружу. Вся ее внутренняя, недовольная собой работа, ее страдания, стремление к добру, покорность, любовь, самопожертвование – все это светилось теперь в этих лучистых глазах, в тонкой улыбке, в каждой черте ее нежного лица» [Толстой, 1940: 24]. «Любовь эта наполняла всю ее душу, сделалась нераздельною частью ее самой» [Там же: 52]. Она «в душе своей обещала себе исправиться и сделать невозможное – т.е. в этой жизни любить и своего мужа, и детей, и Николиньку, и всех ближних так, как Христос любил человечество» [Там же: 290].

Наташа думает про княжну: «Что у ней на душе? *Все доброе*. <...> Да, *она прекрасная*» [Там же: 178]. «Мари, это *такая прелесть!*» [Там же: 291]. Соня говорит о Марье: «Она такая добрая». И старая графиня хвалила ее: «Она очень достойная и прекрасная девушка» [Там же: 251].

«Николай был поражен тою *особенною, нравственною красотой*, которую он в этот раз заметил в ней» [Толстой, 1940: 27]. Ростову, «когда он вспоминал про нее, <...> становилось весело» [Толстой, 1940: 165]. «Добрая жена» – награда и спасение мужу. «Для себя лично Николай не мог желать жены лучше княжны Марьи» [Там же: 166]. «Он чувствовал, что существо, бывшее перед ним, было совсем другое, *лучшее*, чем все те, которые он встречал до сих пор, и лучшее, главное, чем он сам» [Толстой, 1940: 24]. Он «не понимал ее, а только любил» [Там же: 28]. «Не могло быть сомнения не только в одобрении, но в *восхищении* Николая перед своею женой» [Там же: 287]. «Он гордился тем, что она так *умна и хороша*, сознавая свое ничтожество перед нею в мире *духовном*» [Там же: 287, 381].

Таким образом, сюжет о княжне Марье можно классифицировать как пример архетипического сюжета о «доброй жене». Мотивы ее характеризующие: боголюбивая («каждый день молилась»), «умна и хороша», верная, кроткая («робкая», «покорная»), «благородная», добронравная («духовная доброта», «все доброе», «она прекрасна», «такая добрая», «такая прелесть»), правдивая,

чадолюбивая («неустанное, вечное душевное напряжение, имеющее целью только нравственное добро детей»), милосердная, готовая к самопожертвованию и т. п.

Наташа Ростова, в начале романа представленная как героиня переполненная жизнью, но бездуховная, сочетающая в своем характере черты отрицательные (схожие с Элен) и положительные (общие с Марьей), в финале достраивается автором до образа «доброй жены»: устроительница («примерная жена и мать», «ставила себя на ногу рабы мужа» [Толстой, 1940: 269]), целительница (хорошее отражение Пьера: «на жене его отражалось только то, что было истинно хорошо») [Там же: 270], добронравная, хорошая, чадолюбивая. Конечная духовная эволюция Наташи происходит благодаря дружбе с княжной Марьей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Анненков П.В. Исторические и эстетические вопросы в романе гр. Л.Н. Толстого «Война и мир» // Л.Н. Толстой в русской критике: Сб. ст. / Вступ. ст. и примечания С.П. Бычкова. 2-е изд., доп. М.: Государственное изд-во «Художественная литература», 1952. С. 244–271.

2. Бочаров С. Роман Л. Толстого «Война и мир». М.: Художественная литература, 1987. 158 с.

3. Васильев В. К. К описанию архетипического сюжета о «добрых» и «злых женах» в романе Л. Н. Толстого «Война и мир» // Лев Толстой и время: Сб. статей / ред. Э.М. Жилякова, И.Ф. Гньюсова. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2010. – С. 25-34.

4. Васильев В.К. Сюжетная типология русской литературы XI-XX веков (Архетипы русской культуры). Ч. I. Красноярск, 2006. 243 с.

5. Васильев В.К. Сюжетная типология русской литературы XI-XX веков (Архетипы русской культуры). *От Средневековья до Нового времени*. Красноярск, 2009. 260 с.

6. Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. и писем: В 90 т. Государственное изд-во «Художественная литература», 1937. – Т. 9. [Электронный ресурс] // Лев Толстой. URL: <http://tolstoy.ru/online/90/09/> (дата обращения: 11.05.2015).

7. Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. и писем: В 90 т. Государственное изд-во «Художественная литература», 1938. – Т. 10. [Электронный ресурс] // Лев Толстой. URL: <http://tolstoy.ru/online/90/10/> (дата обращения: 11.05.2015).

8. Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. и писем: В 90 т. – Государственное изд-во «Художественная литература», 1940. – Т. 11. [Электронный ресурс] // Лев Толстой. URL: <http://tolstoy.ru/online/90/11/> (дата обращения: 11.05.2015).

9. Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. и писем: В 90 т. – Государственное изд-во «Художественная литература», 1940. – Т. 12. [Электронный ресурс] // Лев Толстой. URL: <http://tolstoy.ru/online/90/12/> (дата обращения: 11.05.2015).

10. Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. и писем: В 90 т. – Государственное изд-во «Художественная литература», 1952. – Т. 34. [Электронный ресурс] // Лев Толстой. URL: <http://tolstoy.ru/online/90/34/> (дата обращения: 11.05.2015).

Степанова В.А.*

**МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЙ
ДУАЛИЗМ В ПОВЕСТИ
В. РАСПУТИНА**

«ДОЧЬ ИВАНА, МАТЬ ИВАНА»

The conflict of Rasputin's final novel «Daughter of Ivan, mother of Ivan» sharpens the world-outlook dualism of Christianity (humility, supranationality, love as mercy) and paganism (as the implementation of the law of talion, blood and spiritual kinship, the right to hate others as hostile and threatening life itself). In the novel the phenomenon of Christianity is presented emblematically and through rethinking of the role of the Saviour, the relationship with the family is manifested, but substantially transformed, it is not saving, only natural, instinctive beginning is functional.

Keywords: V. Rasputin, dualism, Christianity, paganism, novel «Daughter of Ivan, mother of Ivan».

Аннотация: Конфликт финальной повести В. Распутина «Дочь Ивана, мать Ивана» заостряет дуализм мировоззренческих установок христианства (смирение, национальность, любовь как милосердие) и язычества (как осуществление закона Талиона, кровно-духовное родство, право на ненависть к чуждому как враждебному и угрожающему самой жизни). В повести явления христианства представлены эмблематически и через переосмысление роли Спасительницы, связь с родом проявлена, но существенно трансформирована, не является спасительной, функционально лишь природное, инстинктивное начало.

---

* Научный руководитель – д-р филол.наук, проф. Ковтун Н.В. (Сибирский федеральный университет)

Ключевые слова: В. Распутин, дуализм, христианство, язычество, повесть «Дочь Ивана, мать Ивана».

Проза В. Распутина вызывает у современных критиков, литературоведов довольно противоречивые отклики: от утверждений, что поздние тексты во многом повторяют ранние сюжеты автора (А. Немзер, Д. Быков) до признания особого провиденциального значения его работ (И. Плеханова). Неоднозначность оценок свидетельствует как о непреходящем интересе к прозе писателя, так и о необходимости новых критериев, контекстов, дающих ключ к пониманию изменившейся позиции мастера.

Произведения писателя, как правило, анализируются в контексте современной традиционалистской прозы, особенности которой рассматриваются в перспективе исторической поэтики (жанрообразования), сюжетологии, мотивологии, композиции и нарратологии.

Осмысление мировоззренческих установок писателя также неоднозначно. Преобладает традиция рассматривать творчество В. Распутина преимущественно в контексте христианского мировидения (И. Казанцева, В. Иванова, О. Барышева, Н. Смирнова и т. д.). Работы, посвященные анализу народного или мифопоэтического дискурса более редки (Н. Новикова, О. Барышева, Н. Ковтун). Само разграничение исследований свидетельствует о необходимости обозначить проблему воплощения авторского мировоззрения в текстах.

Повесть «Дочь Ивана, мать Ивана» – финальное произведение В. Распутина. Основной конфликт повести – национальный, который оформляет натиск чужеродного и слабость, предательство родного, т.е. противоречие жизненных сил, представляющих стратегию наступления пришельцев и безволие коренных жителей русской земли. Конфликт заостряет дуализм мировоззренческих установок христианства (смирение, наднациональность, любовь как милосердие) и язычества (как осуществление закона Талиона, кровно-духовное родство, право на ненависть к чужому как враждебному и угро-

жающему самой жизни). Повесть – художественно-публицистический текст, с доминирующей публицистичностью, что доказывается обрывающимися сюжетными линиями, непрописанностью образов.

В повести сложно говорить о дуализме в полном смысле этого слова, поскольку не представлено взаимопроникновение мировоззренческих систем. Христианский дискурс эмблематичен, проговаривается в тексте, но никак не функционирует, не способствует развитию сюжета или раскрытию образов. На первый взгляд, преобладает культ предков, но связь с родом уже не языческая, а природная, интуитивная. Род не идет дальше деда, говорится только о связи с ним: именно его голос предостерегает Тамару Ивановну от возмездия, но она не может ему внять, т. к. ответственность за своё дитя перекрывает связь с предками, природное начало оказывается сильнее любых мировоззренческих установок.

Иван Савельевич предстает как некое основание, тот самый живой предок, к которому все обращаются, но он не может никого сберечь: Николай (связь с образом Николы Чудотворца десакрализована попыткой самоубийства, что весьма символично) сгинет в тайге, Тамара Ивановна окажется в тюрьме, Светка сбежит от деда. Связь внука с дедом оказывается прочнее – через общее имя – и через финальное решение Ивана строить церковь в родовом селе, однако этот код – эмблематичен, почин на строительство есть, но функционально на сюжет решение не влияет. Обращение к слову, лейтмотивом проходящее через текст, образ Ивана, также относятся к христианскому дискурсу, он логоцентричен по своему замыслу, в то время как языческий дискурс стихийен, ориентирован на природное. Однако слово, книжное знание (Логос!) противопоставлены родовому: «И вот я думаю: человек от рождения, от родителей направлен по одной дорожке, по родословной сказать, а книжки его выгибают на другую» [Распутин, 2007: 278]. В то же время говорится о родном слове, «напитанном родовой кровью» [Распутин, 2007: 318], которое способно противостоять внешним враждебным силам, соответствен-

но, слово книжное противоположно устному, первое – враждебно роду, второе – выступает его хранителем.

Образ Тамары Ивановны – самый глубокий и прописанный в повести. В детстве она воспитывалась вместе с братьями, ни в чем им не уступая: охота, мотоцикл, «в пятнадцать она села за машину» [Распутин, 2007:147]. Из деревни героиня уезжает рано, устраивается на телеграфе, потом – водителем, на этой, мужской работе она и встретила мужа, к которому «присматривалась почти год, прежде чем сказать «да» и позволить себя обнять» [Распутин, 2007:144]. Образ её подчеркнута динамичен: «ходила по-мужски» [Распутин, 2007:144], «все делала с заглубом, с запасом» [Распутин, 2007:144].

Интересно, что в Тамаре Ивановне подчеркивается и чувственность, что не свойственно поэтике писателя в целом: «Ее волновала женская тайна, в ней же заключенная, но не то физиологическое, тоже непонятное, жуткое, но и одинаковое для всех, а то невидимое, нутряное, более чувственное, чем физиология, запаленное особым духом: или тихое, сонное, едва шевелящееся, нежно перебирающее грудь, или вдруг окрыляющееся, распирающее ту же самую грудь, поднимающее от волнения на цыпочки» [Распутин, 2007:173]. Еще до насилия, изменившего жизнь семьи, в образе Тамары присутствует дуализм: женское и мужское тесно связаны – она берет на себя активную роль (разбивает телевизор, принимает решения), но, в то же время, в ней акцентировано женское, социальные роли ей присущи как женские, так и мужские.

Однако убийство не вписывается в традиционную гендерную роль женщины, скорее, это миссия мужчины. Поскольку убийство – не охранение, а месть и очищение, жажда справедливости. Осознав несправедливость суда, она решает «сделать ужин» [Распутин, 2007:217]. Праздничная трапеза сакрализована сама по себе, здесь же выходят, скорее, поминки по прошлой жизни, утраченной навсегда. Трапеза имеет и объединяющее – хоть и формально – начало, все собираются за столом. Это последняя женская установка, реализованная в тексте. Дальше появятся мужские: обособленность (она

никому не скажет о своем решении, сделает всё в тайне, одна), самосуд (как оборона родного, но, тем не менее, воинские черты). Месть Тамары Ивановны направлена на охранение рода, не веря в справедливость, она судит сама. В то же время она сознательно жертвует собой ради сохранения основ, защиты устоев, отказывается подчиняться правилам изменившегося мира, поверженного в хаос. Отчасти эта жертва роднит её с образом Христа, но на смену милосердию и всепрощению приходит Судия. Совместная трапеза – аналог Тайной Вечери – предшествует крестному пути, но и существенно его переосмысляет. Смерть как праздник трансформируется в попытку объединиться формально, за одним столом, но невозможность этого знаменует необходимость крестного пути для героини.

Разумеется, невозможно сопоставить образ Тамары Ивановны с образом Христа: изначальный посыл мести неприемлем для православной традиции. Однако в условиях нового мира надежды на спасение извне нет, трансформируются не только обряды, устои, праздники, но и сами основания мировоззрения героев. Образ Тамары Ивановны часто связывают с образом Богородицы, что подтверждается на уровне символов, но охранительная миссия Божьей матери не может реализовываться через убийство. Вершимый суд – суть возвращение к законам Талиона: «Кто сделает повреждение на теле ближнего своего, тому должно сделать то же, что он сделал: перелом за перелом, око за око, зуб за зуб; как он сделал повреждение на теле человека, так и ему должно сделать. Кто убьет скотину, должен заплатить за нее; а кто убьет человека, того должно предать смерти» (Левит, 24:19-21).

Ортодоксальные христианские знаки проявляются в повести весьма неоднозначно. Иван Савельевич говорит: «Кто кого: перекрестимся втихаря да с криком “За Родину за Сталина!” – в атаку» [Распутин, 2007:287], – крест творится тайком и сочетается с советскими, но и с защитой родины. Благословение к тексту связывается с природой, культом предков: «оборачиваться на родную деревню и ступать потом уверенно, как под благословением». И совсем уж диссонирует с повествованием «сладкий бой церковных колоко-

лов» [Распутин, 2007:302], раздающийся, когда Светка выходит после прощания с матерью = собой прежней, своей сущностью. Христианская эмблематика противостоит природному началу или оказывается механически сцеплена с ним, однако дуализм не возникает. Не проработанная эмблема истощает значение

Языческое начало в повести реализовано через культ предков и природой, умозрительной метафизикой. Связь с родом, отчасти работающая для героев, окончательно не функциональна для мира окрест: Дёмин живет в коммунальной квартире с родной сестрой, как с чужим человеком, Светка пугает свою дочь бабушкой, обобщает безродность сама Тамара Ивановна: «Теперь детишкам хуже, чем в детдоме. В детдоме досмотр был, там, может ласки не хватало, а досмотр был. А счас и при живых родителях сиротство: все под смех да под издевки пошло» [Распутин, 2007:195], – связь с родом заменена шутовством. Помимо утраты рода («отчего это у нас в народе кровь такая молчаливая... такая вялая на родство? Будто и родных нет, а все троюродные да сводные» [Распутин, 2007:199]), утрачивается и сама сущность людей. Иван Савельевич взывает к детям: «Что же вы, детки родные, из себя-то повыбирались, как из дырявого мешка?» [Распутин, 2007:165]. Выход из себя, фактически – смена судьбы, отказ от предназначенного пути, не сулит благополучного исхода. Вывернуты не только судьбы, но и сам ход жизни: «Сначала родила, потом забеременела» [Распутин, 2007:264], – невозможное в природе предлагается совершить ментально, в соответствии с новым устройством жизни.

Непосредственно языческие мотивы связаны с образом Тамары Ивановны. В детстве мать называет её «лешей», однако упоминание нечистой силы не означает отождествления с ней. Гораздо ярче дискурс проявлен в голосе, звучащем внутри Тамары, напевающем песенку:

Тихая, тихая

Реченька текла.

Дождика, дождика

Много набрала.
Ой люли, ой люли,
Речка, не бурли.
Воду свою светлую
Не мути [Распутин, 2007:173].

Течение реки дублирует ход времени, мутная вода – знак «поражения русичей» [Муратова], потери себя, песенный запев звучит в повествовании трижды, в нем слышится просьба «не сронить долю» [Распутин, 2007:79], т. е. воззвание к судьбе через обращение к природе.

Связь с родом наиболее явно проявляется в момент наибольшего напряжения сил, кризиса – в подготовке к убийству: голос отца, предостерегающий от убийства, дублирует раскаты грома, символизирующего гнев богов. Видение, возникающее перед внутренним взором Тамары Ивановны также символично: марево превращается в туман (символ переходности), что связано с инициацией и возможностью откровения. Валуны, между которыми она бродит во сне, – аналоги жертвенных алтарей, кружение – своеобразный шаманский ритуал, попытка найти выход, разомкнуть пространство, примечательно, что оно действительно размыкается: «Сразу за соснами земля круто уходит вниз, и они четко вырисовываются в пустоте как входные ворота в пугающую и манящую неизвестность» [Распутин, 2007:234]. Для данного текста значимо, что героиня не может приблизиться к соснам и, соответственно, к выходу в трансцендентное: «Ветер при ее приближении к соснам бьет короткими и душными порывами» [Распутин, 2007:234]. Ветер у славян ассоциировался с дыханьем божьим, соответственно, именно его воля не пускает в инопространство, что можно интерпретировать двойственно: как наказание за самовольное решение, так и наказ выполнить свой природный долг.

Возникает вопрос права на суд. Вспомним христианскую мораль – «Не судите да не судимы будете» (Матф.7,1), убийство (еще и в здании суда) – нарушение одно из Заповедей, таким образом, действие явно происходит вне

рамок христианской морали. Зато здесь вполне органичен закон Талиона – «око за око», закон функционирует не столько в рамках язычества, сколько – родового общества, которому язычество свойственно. Сопоставление Светки с овцой, поедаемой волком, нивелирует роль жертвенного агнца, усиливая отсылку к природному началу.

В повести явления христианства представлены эмблематически и через переосмысление роли Спасительницы, связь с родом проявлена, но существенно трансформирована, не является спасительной, функционально лишь природное, инстинктивное начало. По сути, в позднем творчестве совершается переход от Новозаветных истин к Ветхозаветным, актуализируется закон Талиона. Именно поэтому Исход / Воскресение невозможны в текстах 90-х – 2000-х гг.: отсутствие Христа лишает и перспективы Воскресения. Христианство реализуется на уровне интенций в диалоге с языческими, природные модели и коды, что также подтверждает дуализм творчества писателя.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Муратова А.С. Символы (культурные метафоры) в древнерусской культуре и литературе. URL:[http://www/prakultura.ru](http://www.prakultura.ru) (дата обращения: 04.05.2015).
2. Распутин В.Г. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 1: Век живи – век люби: повести, рассказы. Иркутск: издатель Сапронов, 2007. 447 с.

Ступакова Е. Ю.*

ПЕТЕРБУРГСКИЙ ТЕКСТ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ РОК-ПОЭЗИИ

The article is devoted to the search of connection between the modern rock-musicians' texts and the St. Petersburg text. The works of A. Bashlachev, Y. Shevchuk and A. Vasilyev were used as the material for this article. The work can be interesting both for the specialists in philology and Russian rock fans. Its main content is revealing the motives of the St. Petersburg text in song poetry and the specificity of their realization.

Key words: St. Petersburg text, Petersburg myth, rock-poetry, song poetry.

Аннотация: Статья посвящена поиску связей текстов современных русских рок-музыкантов с Петербургским текстом. Материалом послужили произведения А. Башлачева, Ю. Шевчука и А. Васильева. Работа может представлять интерес как для специалистов-филологов, так и для любителей русского рока. Ее основное содержание составляет выявление в песенной поэзии мотивов Петербургского текста и специфики их реализации.

Ключевые слова: Петербургский текст, петербургский миф, рок-поэзия, песенная поэзия

Цель настоящей работы – показать наличие связи текстов русских рок-музыкантов с петербургским текстом, определить специфику функционирования мотивов петербургского текста в песенных текстах. Задачи: 1) описать мотивный комплекс, образующий Петербургский текст. Здесь мы опираемся на труды В.Н.Топорова, Ю.М. Лотмана, Ю.А. Повх, З.Г. Минц, Т.Е. Логачевой; 2) сопоставить мотивы песенных текстов с мотивами Петербургского текста, выявить соответствия и отличия.

Не все аспекты предложенной темы в посвященных ей работах (см.: Логачева Т. Рок-поэзия А. Башлачева и Ю. Шевчука – новая глава Петер-

---

* Научный руководитель – канд. филол. наук, доцент Васильев В.К. (Сибирский федеральный университет)

бургского текста русской литературы; Логачева Т. Тексты русской рок-поэзии и петербургский миф: аспекты традиции в рамках нового поэтического жанра) изучены в полной мере, анализ в них зачастую делается на основании лишь одного текста каждого автора, вследствие чего часть элементов петербургского текста, присутствующая в рок-поэзии, остается неизученной.

Объектом исследования являются тексты современной русской рок-поэзии: Александра Башлачева, групп «Сплин» (автор текстов – Александр Васильев) и «ДДТ» (автор текстов – Юрий Шевчук). Всего – шестнадцать композиций. Предметом выступают мотивы, связывающие песенную поэзию с петербургским текстом. Термин «современной» употребляем с учетом того, что А. Башлачев погиб в 1988 году. Остальные же авторы продолжают свою творческую деятельность.

В научных работах традиционно принято различать «Петербургский текст» и «петербургский миф». Под петербургским мифом понимается совокупность преданий и легенд, связанных с возникновением Санкт-Петербурга и его образом в сознании людей и искусстве. С этим термином неразрывно связано понятие «петербургского текста» / «некого синтетического сверхтекста» [Топоров, 2003: 23] в качестве которого рассматриваются «объединенные смысловой связью архитектурные, языковые, культурные, традиционные, обрядовые особенности Петербурга, присущие только ему» [Синдаловский, 2014].

Одной из особенностей петербургских текстов, по мнению В.Н. Топорова, является «настойчивое стремление обозначить произведения, входящие в Петербургский текст, именно как «петербургские». Эпитет «петербургский» является своего рода элементом самоназвания» [Топоров, 2003: 84] таких произведений.

В Петербургском тексте это в большинстве своём «жанроопределяющие» [Топоров, 2003: 84] подзаголовки, например, пушкинская поэма «Медный всадник», имеющая подзаголовок «Петербургская повесть», «Двойник»

Ф.М. Достоевского – «Петербургская поэма», «Петербургские повести» Н.В. Гоголя, рассказ Н.А. Некрасова «Петербургские углы» и т.д.

Современные рок-исполнители также используют в названиях своих текстов эпитет «петербургский», однако он уже не несет того «жанроопределяющего» характера, а является чисто топонимическим указателем: А.Башлачев «Петербургская свадьба», А.Васильев «Санкт-Петербургское небо». В рок-поэзии встречаются и типичные для петербургского текста заглавия, в которых присутствует название города (ср.: сборник стихотворений Н.Я. Агнивцева «Блистательный Санкт-Петербург», роман А. Белого «Петербург» и ДДТ – «Питер», ДДТ – «Прогулка. Питер», ДДТ – «Ленинград»). Такие сцепления заглавий произведений демонстрируют наличие формальной связи между ними, способствуют формированию их «кроссжанрового единства» [Топоров, 2003: 85].

Обратимся к образу города в петербургском тексте. Город, как отмечает В.Н. Топоров, предстает в двух измерениях: с одной стороны, он признается «единственным настоящим, культурным, даже идеальным городом в России» [Топоров, 2003: 9], с другой – невозможным для жизни, ужасным и гнетущим.

Для Петербургского текста при описании города как прекрасного характерны мотивы весны (например, в «Медном всаднике» А.С. Пушкина: «...Взломав свой синий лед, / Нева к морям его несет / И, чуя вешни дни, ликует») и «весенней осени» (например, у И. Северянина: «И весною своею осеннею / приникаю к твоей вешней осени»).

«Положительный» образ Петербурга в песенных текстах присутствует крайне редко. В этих случаях мы также обнаруживаем мотив весны при отсутствии мотива «весенней осени». Так, например, у А. Васильева читаем: «в марте и мае город в тумане, / Сказочен и красив». Лирический герой «Ленинграда» ДДТ влюбляется в город именно весной: «Пан Ленинград, я влюбился без памяти / В ваши стальные глаза». Мегалополис воспринимается как живой

именно в это время года: «Город созрел для <...> весны <...> Город мой – живой!» [ДДТ – «Живой»].

К «положительному» полюсу в рок-поэзии примыкают мотивы, выражающие стремление лирического героя сохранить город, остаться, быть в нем: «Мы остаёмся и не сдаёмся мы», «Сохрани этот город для нас», «Пусть тебя этот город хранит». Они не типичны для петербургского текста, для которого характерно скорее стремление отречься от города, бежать из него.

Следует отметить, что при описании Петербурга присутствует установка на его исключительность и единственность в России, крайнюю непохожесть на все остальное. Отсюда – два следствия.

Первое – возникновение в петербургских текстах «темы влияния на горожан особой петербургской атмосферы и обособленного положения петербуржцев среди жителей других городов, их инаковости» [Повх, 2011: 20]. Отдаленный намек на этот мотив встречается лишь в тексте А. Башлачева «Петербургская свадьба»: «Мой друг, иные здесь. /От них мы недалече». Это позволяет сделать вывод о малой его характерности для творчества рассматриваемых авторов.

Второе – мотив особых отношений Петербурга с другими городами, в первую очередь с Москвой. Исторически закономерна, по В. Н. Топорову и М. П. Одесскому, преемственность Петербурга по отношению к Москве. В «Петербургской свадьбе» А. Башлачева звучит редко встречающийся в рок-поэзии современный мотив «подчинения» Петербурга столице («Под радиополос удар московского набата/ На брачных простынях, что сохнут по углам,/ Развернутая кровь, как символ страстной даты,/ Смешается в вине с грехами пополам»).

Теоретически обоснованные Ю.М. Лотманом «отношения несуществования» [Лотман, 1984] между центром Петербурга и городскими окраинами в рассматриваемых текстах вовсе не фигурируют. Однако в «Ленинграде» ДДТ встречается другой мотив – мотив непохожести Петербурга на Россию в целом, данный предельно обобщенно и кратко: «Отпрыск России, на мать не

похожий». Из сказанного делаем вывод, что мотивы соотношения Петербурга с другими топонимами слабо представлены в анализируемых песенных текстах

В.Н. Топоровым отмечается присущая городу в Петербургском тексте многоликость, в том числе частая смена названий и/или их обилие, что связано, несомненно, с его историей. Показательны в этом отношении строки песни «Ленинград» (ДДТ): «Эй, Ленинград, Петербург, Петроградище, Марсово пастбище <...> Бледный, худой, евроглазый прохожий. Герр Ленинград <...> Мсье Ленинград, революцией меченый <...> Сэр Ленинград <...> Пан Ленинград». Данное обращение, как считает Т.Е. Логачева, «можно сравнить с обращением к Петербургу во вступлении пушкинского “Медного всадника” (“Люблю тебя, Петра творенье...”» [Логачева, 1998].

Отдельного рассмотрения требует миф демиурге, т.е. Петре I, в изображении которого В.Н. Топоровым отмечаются две тенденции. С одной стороны, Петр выступает как дух-покровитель города («положительное» видение), с другой – как «демон государственности» [Топоров, 1995] («отрицательное» видение).

Мотив памятника Петру, Медного всадника присутствует в произведениях всех троих авторов.

В финальных строках композиции А. Башлачева «Петербургская свадьба» возникает особый вариант Медного всадника: Мой бедный друг, из глубины твоей души / Стучит копытом сердце Петербурга». Т.Е. Логачева [Логачева, 1998] отмечает возникающую благодаря обращению «мой бедный друг» отсылку к пушкинскому Евгению. Медный всадник здесь выступает как воплощение духа города. Заметим, что А. Башлачев дает несколько сниженный образ Петра: «усатое ура чужой недоброй воли/ Вертело бот Петра в штурвальном колесе».

Основатель Петербурга в текстах Ю. Шевчука предстает в образе, нехарактерном для петербургского текста. Петр у Ю. Шевчука, во-первых, хозяин города-пса: «Черный пес Петербург, время сжалось луною, / И твой ста-

рый хозяин сыграл на трубе» [ДДТ – «Черный пес Петербург»]. Эта метафора, как считает Т.Е. Логачева, берет начало в образах Пилата и его пса Банга «Мастера и Маргариты» Булгакова [Логачева, 1998]. Во-вторых, его образ дан снижено: «Нервный Петр в увольнении, до сих пор нет / Пошел вразнос, говорят, ведь конь стоял столько лет» [ДДТ – «Любовь»], «Медный Пётр добывает стране купорос!» [ДДТ – «Суббота»]. Образ Петра-демиурга наименее характерен для текстов А. Васильева, он встречается лишь в одном тексте (образ Медного всадника композиции «Всадник»: «Рвётся к победе/Всадник из меди,/Резко встал на дыбы»).

К образу Петра примыкает образ А.С. Пушкина, особенно часто фигурирующий в петербургском тексте поэтов серебряного века. В тексте А. Башлачева поэт иронично изображен как «царь-Пушкин в новой раме». У Ю. Шевчука Пушкин выступает как знак старой культуры, которая, кажется, давно погибла: «Пушкин рисует гроб всплывшей культуры» [ДДТ – «Суббота»]. Общее в этих трактовках А.С. Пушкина – его связь с прошлым России.

В песенных текстах состояние лирического героя передается через такие типичные для петербургского текста характеристики, как «пьяный» (4 раза), «страх» (3 раза), «одиноким» (3 раза), «ужас». Находит отражение и представление о Петербурге как бюрократической столице, где счастье для народа невозможно; возникает тема «маленького человека» и соответствующие аллюзии. Так, обращение «мой бедный друг» у А. Башлачева отсылает к пушкинскому Евгению, строка «бреши твоего гнилого сюртука» – к «Шинели» Н.В. Гоголя. Лирического героя «Черного пса Петербурга», жертву города, как отмечает Т.Е. Логачева, [Логачева, 1998] можно отождествить с лирическим героем О.Э. Мандельштама. Ср.: «Петербург! я еще не хочу умирать!» и «Завтра в путь, я не в силах судьбу отыграть./ В этой тёмной воде отражение начала,/ Вижу я, и как он, не хочу умирать» у Ю. Шевчука. Таким образом, лирический герой в рок-поэзии «подобно героям петербургских повестей Гоголя» [Логачева, 1998], предстает как «жертва Петербурга, для ко-

торой характерна позиция страха, неуверенности, одиночества и бессилия» [Паперный, 1983: 97-98].

Одной из основных, частотных мотивных составляющих Петербургского текста является представление о Петербурге как городе-кладбище, «фабрике смерти», берущее начало, по В.Н. Топорову, из статистики смертности и рождаемости, где первая намного превосходила вторую. В частности, Н.М. Карамзин в «Записке о Древней и Новой России» пишет: «Можно сказать, что Петербург основан на слезах и трупах<...>. Там обитают Государи Российские, с величайшим усилием домогаясь, чтобы <...> ежегодная убыль в жителях наполнялась новыми пришельцами, новыми жертвами преждевременной смерти».

Мотив Петербурга как мертвого города возникает и в рок-поэзии, он встречается у всех авторов в восьми из шестнадцати анализируемых композиций. Так, например, живые в композиции А. Васильева «Невский проспект» ощущают себя мертвыми: «Мы похоронены на Невском проспекте». У А. Башлачева в «Петербургской свадьбе» к смерти стремятся: «Там шла борьба за смерть». У Ю. Шевчука в уже цитированном «Черном псе Петербурге» ее, напротив, хотят избежать: «Завтра в путь, я не в силах судьбу отыграть. / В этой тёмной воде отражение начала,/ Вижу я, и как он не хочу умирать». Петербург напрямую связывается со смертью: «Близость суровой смерти» [ДДТ – «Прогулка. Питер»], «Зимнее кладбище» [ДДТ – «Ленинград»], «мёртвые венки» [ДДТ – «Северный гранит»], «Граурный митинг сегодня назначили/Мы по усопшей стране, господа» [ДДТ – «Суббота»], «Этo ритмы поминок», «Умирают... светотени» [ДДТ – «Гимн»]. Недаром лирический герой «Черного пса-Петербурга» вопрошает: «Есть хоть что-то живое/ В этом царстве оплётанных временем стен?».

Для Петербургского текста характерным является и мотив греховности Петербурга. Неоднократно возникает он и в песенной поэзии, в особенности в «Петербургской свадьбе» А. Башлачева («Спеша стать сразу всем, насилуя невесту,/Стреляли наугад и лезли напролом», / «Развернутая кровь, как сим-

вол страстной даты,/Смешается в вине с грехами пополам») и у Ю. Шевчука, например, в песне «Питер»: «Эти камни грешней всей земли».

Значительную роль в петербургском тексте играет мотив пустоты города, который связывается с мистикой, одиночеством, страхом, т. е. «отрицательной» семантикой города. См., например, у М. Лозинского в «Петрограде»: «Уничтожаясь на лету, / Ты полетишь, как камень зыбкий, / В сияющую пустоту». В этом же ключе данный мотив реализуется в песенной поэзии: «выше поехавших крыш пустота» [ДДТ – «Черный пес Петербург»], «в пустоте звонки» [ДДТ – «Северный гранит»].

Особое значение для Петербургского текста имеют «все варианты спиритуализации и очеловечивания города» [Топоров, 2003: 34]. Это отражено и в произведениях современных рок-исполнителей: присутствует в двенадцати из шестнадцати анализируемых композиций. «Город восстанет», «Город проснётся» [Сплин – «Всадник»]; «И город пальцы сжал перстом,/Перекрестил себя крестом./ Мой город сохранил лицо» [Сплин – «Оркестр»]; «Спрятался город» [Сплин – «Мобильный»]; «Он дышал <...>,он молчал», «Он смотрел на замерзший залив, / Он людьми одевал берега» [ДДТ – «Питер»]; «Старый город, зевая, поднялся с земли /Он стряхнул с себя мусор, разогнал корабли / Засадил голый Невский зеленой травой» [ДДТ – «Любовь»]; «Город <...> ухмыляется криво» [ДДТ – «Суббота»]. У Ю. Шевчука в «Ленинграде», отмечает Т.Е. Логачева, видим традиционный образ исторического Петербурга (у А.С. Пушкина во вступлении к «Медному всаднику»: «По оживленным берегам / Громады стройные теснятся / Дворцов и башен...» и у Ю. Шевчука «А в каналах вода отражает мосты/ И обрывы дворцов, и колонны – леса, / И стога куполов, и курятник-киоск, / Раздающий за так связки вяленых роз»). У А. Башлачева дворцы и мосты носят «антропоморфный характер» [Логачева, 1998]: «калечные дворцы простерли к небу плечи». Город живет самостоятельно («Не мы, Питер нас выбирает» [ДДТ – «Прогулка. Питер»]), даже, как отмечает З.Г. Минц, подчиняя иногда себе человека [Минц,

1972: 135-137], что ещё раз подчеркивает предельную антропоморфность образа Петербурга.

Отношения между природой и культурой в петербургском тексте В.Н. Топоров характеризует как «двоевластие природы и культуры» [Топоров, 1995]. Иную ситуацию мы видим, например, в песне «Питер» (ДДТ), где природа, напротив, подчинена городу и повержена им: город «наблюдал, как в плену перспектив, / Подыхая, кричала тайга». В песне «Ленинград» у Ю. Шевчука созданная Петром «вторая природа» замещает собой естественную природную среду: «дворцы становятся утесами, колонны предстают каменным лесом, метафора “стога куполов” неожиданно вносит в урбанизированную среду элемент деревенского пейзажа» [Логачева, 1998].

Отметим еще один характерный мотив петербургского текста, выделенный В.Н. Топоровым, – мотив петербургского шпиля, который имеет символическое значение. Он вовлекает в сакральное пространство небесного, надмирного, божественного и способен спасти от городского ужаса. Вариация этого мотива (с утратой части смыслов) реализуется и в текстах рок-исполнителей: «В штормы и штили ангел на шпиле / Сверху на нас глядит» [Сплин – «Всадник»].

Очень ярко представлена в рок-поэзии характерная для петербургского текста «пожарная» [Топоров, 2003: 105] тема, в песенных текстах зачастую связанная с темой войны. Эти темы в рок-текстах реализуются через мотивы пепла, пороха, взрыва, сожжения: «Сожженный город», «А в жерновах не мука, но порох, /И этот порох взорвется скоро», /«Закроешь сына от взрыва телом» [Сплин – «Невский проспект»], «Наполняются пеплом в подъездах стаканы», «Чёрный пёс Петербург – рассыпанный порох» [ДДТ – «Черный пес Петербург»], «Нева с пепельными лоскутьями льда» [ДДТ – «Прогулка. Питер»], «Небо, улицы, люди – все в серой золе» [ДДТ – «Любовь»]. «Пожарная» тема исторична, но близка уже скорее ахматовскому, военному ее видению, «глухому чаду пожара» 1940-х годов, а не далеким событиям российской истории.

В песенной поэзии, как и в петербургском тексте, возникает мотив голода. У всех авторов он связан с блокадой Ленинграда (шире – с Великой Отечественной войной вообще). У А. Башлачева город – это «Питер, Блокадник-кондитер, / Сыплющий черствые дольки счастья в голодные рты», в «Оркестре» А. Васильева «враги <...> морили город голодом». «Северный гранит» Ю. Шевчука «голоден и гол».

Мотив красного цвета, в петербургском тексте восходящий к «демонической, дьявольской составляющей облика» [Логачева, 1998] города, ярко представлен и в части анализируемых рок-текстов. Он встречается у Ю. Шевчука и проходит через всю «Петербургскую свадьбу» А. Башлачева: «Заштопаны тугой, суровой, красной ниткой / Все бреши твоего гнилого сюртука», «Вот так скрутило нас и крепко завязало / Красивый алый бант окровленным бинтом», «Сегодня город твой стал праздничной открыткой: / Классический союз гвоздики и штыка». У А. Башлачева этот мотив «воспринимается на фоне соответствующих мотивов у Н.В. Гоголя (“красная свитка” в “Сорочинкой ярмарке”); у А. Белого – красное домино Н.Аблеухова, у А.А. Блока – мотив красного цвета как характеристики города возникает в стихотворениях 1904 г. (“Город в красные пределы...”, “Обман”, “В кабаках, в переулках, извивах...”) и у А.А. Ахматовой в “Реквиеме”: “И безвинная корчилась Русь / Под кровавыми сапогами...”» [Логачева, 1998].

Важно рассмотреть воплощение в рок-поэзии того «локально» – петербургского словаря, который подробно описал В.Н. Топоров, и который, по его мнению, также обеспечивает единство петербургского текста.

В анализируемых песенных текстах встречаются четыре из пятнадцати операторов модальности, приведенных В.Н. Топоровым и характерных для Петербургского текста: странный (1 раз), что-то (2 раза), все (наиболее употребительно: 17), никогда (2 раза). Это позволяет сделать вывод о том, что роль показателей модальности при включении рок-поэзии в петербургский текст незначительна, появление их скорее случайно, чем закономерно.

Приведем наиболее характерные элементы природной сферы. Из 11 климатически-метеорологических элементов, выделенных В.Н. Топоровым, в анализируемых песенных текстах встречаются 6, наиболее частотными являются: дождь (8 раз), ветер (6 раз). Из 10 ландшафтных аспектов петербургского текста в произведениях рок-исполнителей актуализуются три: вода (6 раз), пустота (3 раза), крайнее положение (1 раз).

Реализуются в текстах рок-исполнителей и другие мотивы, присущие Петербургскому тексту. Это мотивы лестницы («Лестница. Десять пролетов./ Каждый изучен до боли» [Сплин – «Санкт-Петербургское небо»]), двора («склепы дворов» [ДДТ – «Питер»]), пыли («Стынут сквозь пыль ледяные глаза» [ДДТ – «Черный пес Петербург»]), «Одиночество стынет на пыльном столе» [ДДТ – «Любовь»]), духоты, тесноты («тесно облакам» [Сплин – «Скажи»]), двойничества и отражения в зеркалах («Никто не ждет меня в Зазеркалье» [Сплин – «Невский проспект»]), «Двуглавые орлы с побитыми крыльями / Не могут меж собой корону поделить» [А. Башлачев – «Петербургская свадьба»]).

Таким образом, большинство мотивов, характерных для петербургского текста, реализуются в текстах рок-исполнителей. Лишь небольшая часть мотивов в песенной поэзии выступает в качестве специфических. Это мотив нежелания лирического героя покидать Петербург в противовес мотиву бегства из города. «Двоевластие природы и культуры» в современных текстах сменяется победой культуры над природой. Отсутствует мотив «весенней осени». «Пожарная тема» и мотив красного цвета отсылают к событиям Великой Отечественной войны. Часть мотивов петербургского текста, представленных в рок-поэзии, связаны с петербургским текстом лишь формально, зачастую их возникновение скорее случайно, чем продиктовано традицией и закономерно. Также можно отметить и некоторую степень реминисцентности текстов рок-исполнителей, обращающихся, в основном, к творчеству А.С. Пушкина, реже – О.Э. Мандельштама.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Наумов Л. Александр Башлачев: человек поющий. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Амфора, 2014. 543 с.
2. Логачева Т. Рок-поэзия А. Башлачева и Ю. Шевчука – новая глава Петербургского текста русской литературы // Русская рок-поэзия. Текст и контекст. Тверь, 1998. [Эл.ресурс]. – URL: <http://japson.ru/gold/books-r/poeza.htm>
3. Логачева Т. Тексты русской рок-поэзии и петербургский миф: аспекты традиции в рамках нового поэтического жанра. 1998. [Эл.ресурс]. – URL: <http://www.proza.ru/2009/10/13/740>
4. Лотман Ю.М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города. 1984. [Эл.ресурс]. – URL: <http://www.fedy-diary.ru/html/102010/16102010-02a.html>
5. Минц З.Г. Блок и Гоголь // Блоковский сборник II. Тарту, 1972. С. 135-137.
6. Москва и «московский текст» русской культуры: Сб. статей. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 1998. 228 с.
7. Паперный В.М. Андрей Белый и Гоголь. Статья вторая // Уч. зап. ТГУ. Тарту, 1983. Вып. № 620. С. 97-98.
8. Повх Ю.А. Петербургский миф в русской прозе 1990–2000-х годов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Астрахань, 2011. 20 с.
9. Синдаловский Н.А. Петербургский текст // Словарь петербуржца. Лексикон Северной столицы. История и современность. 2014. [Эл.ресурс]. URL:http://peterburger_lexikon.academic.ru/1850/%D0%9F%D0%95%D0%A2%D0%95%D0%A0%D0%91%D0%A3%D0%A0%D0%93%D0%A1%D0%9A%D0%98%D0%99_%D0%A2%D0%95%D0%9A%D0%A1%D0%A2
10. Топоров В.Н. Петербургский текст русской литературы. СПб.: Искусство. СПб., 2003. 616 с.
11. Топоров В.Н. Петербург и «Петербургский текст русской литературы» (Введение в тему). 1995. [Эл.ресурс]. – URL: http://philologos.narod.ru/ling/topor_piter.htm

Толстоноженко О.А.*

**СИТУАЦИЯ ВХОЖДЕНИЯ ПИСАТЕЛЯ
НАЧАЛА XX В.**

**В СТОЛИЧНУЮ ЛИТЕРАТУРНУЮ СРЕДУ:
ФОРМЫ ЛИТЕРАТУРНОЙ РЕФЛЕКСИИ И ПОВЕ-
ДЕНЧЕСКИЕ МОДЕЛИ АДАПТАЦИИ
(М. ГОРЬКИЙ, И.А. БУНИН, Г.Д. ГРЕБЕН-
ЩИКОВ, И.Е. ВОЛЬНОВ)**

The article discusses the problem of adaptation of the provincial authors in the elitist culture in Russia from the second half of the 19th century till the beginning of the 20th century. The key aspects of the origin, education, beginning of writing, relationships with the authorities, possessing symbolic power, are considered in connection to the issue of life creation and development of the author's myth.

Key words: lifecreating, M. Gorky, Ivan A. Bunin, George D. Grebenstchikoff, Ivan. E. Volnov, mythcreating.

Аннотация: В работе рассматривается проблема адаптации молодых писателей провинциального происхождения в элитарной культурной сфере в России второй половины XIX – начала XX века. Ключевые для данной темы аспекты происхождения, образования, начала литературной деятельности, взаимоотношений с авторитетными фигурами, обладающими символической властью, рассматриваются в связи с житнетворческой концепцией и формированием писательского мифа.

Ключевые слова: житнетворчество, М. Горький, И.А. Бунин, Г.Д. Гребеничков, И.Е. Вольнов, мифотворчество.

Рубеж XIX-XX вв. ознаменовался важными трансформациями в структуре литературного процесса. В их числе, в частности, были концептуализация классического канона и активное продвижение в культуру порождаящий слой писателей «из народа» [Brooks, 2003]. Усилившееся после 1861 года

---

* Научный руководитель – д-р филол.наук, проф. Анисимов К.В. (Сибирский федеральный университет).

Исследование выполнено при поддержке гранта ККФНиНТД № КФ-481 «Читатель – университет – словесность: Красноярск в Год литературы»

размывание границ сословий актуализировало роль словесности как инструмента интеграции. По словам А.И. Рейтבלата, «основная функция литературы – поддержание культурной идентичности общества на основе тиражируемой письменной записи» [Рейтблат, 2014: 13]. Хотя крестьяне и дворяне долгое время разговаривали фактически на разных языках и возможность заниматься литературным творчеством принадлежала почти исключительно дворянству, после реформ Александра II культурная дистанция стала быстро уменьшаться.

В общетеоретическом отношении, а также на конкретных примерах взаимодействия массовой «низовой» и «классической» литератур, проблема социальной биографии писателя-автодидакта рассматривалась в работах Дж. Брукса, И. Паперно, А.И. Рейтבלата, Л.Д. Гудкова, Б.В. Дубина, Т.И. Печерской и многих других исследователей.

К началу XX века наблюдается обособление элитарной литературы как реакция на появление массовой. Эти два «полюса» очевидным образом были ориентированы на разную аудиторию, преследовали различные цели, но главное – имели разные эстетические взгляды. Элитарная культура была включена в общий европейский контекст и была представлена течениями модернизма, тесно связанными с концепцией жизнотворчества.

Модернистские писатели и поэты сознательно конструировали собственную биографию. По мнению А.К. Жолковского, «основные приёмы мифологизации жизненного текста это, естественно, отбор и искажение фактов, проецирующие поэтическую риторику в практический ряд с целью реализовать властные устремления харизматического субъекта и одновременно ответить на определённые запросы коллектива» [Жолковский, 1998: 193]. Так, на создание образа работали внешний вид, поведение писателя, сам литературный текст.

Находящиеся на другом «полюсе» писатели-самоучки преимущественно были вынуждены зарабатывать на жизнь журналистским трудом. Они представляли интерес для всё расширяющегося круга непритязательных чи-

тателей, но мечтали о том, что смогут своим талантом завоевать внимание столиц, а значит – всей страны. Провинциальные авторы, которым удавалось заручиться поддержкой авторитетных столичных фигур и начать публиковаться в толстых журналах, ощущали отчуждённость из-за своего происхождения и недостаточного образования. В Москве и Петербурге их могли воспринимать в остраляющей мифологической перспективе – в частности, как литературных самородков, носителей «высшей морали», хранителей «истинной Руси».

Между тем сами они стремились быть похожими на представителей элитарной культуры и перенимали принятые в элитарной среде модели поведения. Так возникала проблема социокультурной и психологической адаптации, которые неизбежно рефлексировались и репрезентировались как в жизнетворческом жесте, так и в поэтике художественного текста, начинавшего вследствие этого обретать отчетливую металитературную поэтическую организацию. Но переодевание и конструирование биографии было для них не просто жизнетворческим актом. Травма, связанная с происхождением, болезненно переживалась и влияла на творческую самопрезентацию писателя-самоучки.

Провинциальные авторы явно или скрыто описывали свой опыт «выживания» в столичной литературной среде (или «вживания» в неё): «в мемуаристике, а тем более в автобиографической прозе находили выражение подсознательные импульсы, аффективные состояния и т.д.» [Рейтблат, 2014: 192]. Автобиографические черты присущи и таким произведениям, в которых задеваются темы образования и писательства как такового.

Вхождение в столичную литературную среду таких разных авторов – М. Горького, И.А. Бунина, Г.Д. Гребенщикова и И.Е. Вольнова – характеризуется тем не менее рядом общих ключевых моментов.

К ним можно отнести:

- провинциальное происхождение и отсутствие систематического образования;

- занятия журналистикой, работа в провинциальной прессе;
- поиск покровителя и вхождение в столичную литературу.

Провинциальное происхождение и отсутствие систематического образования

Алексей Максимович Пешков (Максим Горький) родился в 1868 году в Нижнем Новгороде. В 11 лет он становится круглым сиротой. Дед обучил его грамоте, дальнейшее образование он получил самостоятельно, читая все книги, которые попадали к нему в руки. Годы скитаний и нищеты привели его к мысли, что человек должен «образовать себя сам» и что чтение способно, невзирая на условия, помочь любому человеку спастись от невежества [Басинский, 2011].

Георгий Дмитриевич Гребенщиков родился в посёлке Николаевский рудник Томской губернии в 1882 году. Он начал учиться в сельской школе но отец забрал его оттуда из четвёртого класса. С 11 лет мальчик был послан «в люди» в Семипалатинск, где работал в аптеке, в больнице, писцом и письмоводителем у мирового судьи [Примочкина, 2003].

Иван Егорович Вольнов родился в 1885 году в селе Богородицкое Орловской губернии. Выучился грамоте в девять лет в церковной школе. Летом 1900 года (в 15 лет) поступил в учительскую семинарию.

Сценарий социального самовыдвижения Ивана Алексеевича Бунина выделяется из этого ряда. Траектория его карьеры попадает сюда за счёт схожей типологии биографии и социального сюжета самовыдвижения. Бунин родился в 1870 году в Воронеже, позже с семьёй переехал в Орловскую губернию. Он один из немногих, кто мог похвастаться дворянским происхождением. До одиннадцати лет он воспитывался дома, затем поступил в Елецкую уездную гимназию, но через пять лет вернулся в имение и продолжил образование под руководством старшего брата [Риникер, 2004].

Все эти писатели ещё в юношеские годы чувствуют в себе предрасположенность к творчеству. Горький, Бунин и Гребенщиков **рано начинают публиковаться в провинциальной прессе и некоторое время занимаются**

журналистикой. Сформировавшаяся к этому времени газетная «площадка» как раз и позволяет им начать писательский путь.

Вольнов после окончания семинарии, в отличие от перечисленных писателей, работает учителем. Свои произведения он пока не решается публиковать. Он становится социалистом-революционером, его неоднократно арестовывают, а после покушения на исправника ссылают в Сибирь.

Вхождение в круг столичных литераторов для всех указанных авторов так или иначе **связано с поиском покровителя**, обладающего значительным символическим капиталом.

Большую помощь Горькому оказал В.Г. Короленко. За три года до творческого дебюта Горький встретился с В.Г. Короленко, второстепенным, но известным писателем и общественным деятелем. Будущий наставник раскритиковал поэму Горького, что заставило его на долгое время забыть о поэзии и обратиться к прозе. После первых успехов в литературе Горький лично знакомится со Л.Н. Толстым, который благосклонно отзывался о творчестве молодого писателя. По словам П.А. Сергеенко, близко знакомого с автором «Войны и мира», «Толстой <...> очень интересуется Горьким, находит у него талант, но называет его немного *лохматым*» [Фидлер, 2008: 296]. Для Горького Толстой был нравственным ориентиром, непререкаемым авторитетом, идеалом человека. Для русской культуры Толстой в то время был главным писателем и «крупнейшим владельцем» символической власти, которой он охотно одаривал других.

Через несколько лет после знакомства Короленко поможет Горькому опубликовать в столичном журнале «Русское богатство» рассказ «Челкаш», затем при его поддержке в 1898 году выйдет сборник «Очерки и рассказы», после которого петербургская интеллигенция даст банкет в честь нового гения русской литературы. Переводчик Ф.Ф. Фидлер записал в своём дневнике в 1899 году о Горьком: «Среди множества провинциальных писателей лишь он один почему-то привлекает к себе внимание» [Фидлер, 2008: 284].

Затем Горький, набрав значительный вес в столичных литературных кругах, выступает по отношению к «подопечным» как учитель, публикует их произведения в журналах «Современник», «Летопись», а также в издательстве «Знание». Его авторитет столь значителен, что читатели и критики сразу встречают произведения писателей-самоучек в общем благосклонно.

После первой заметной публикации 1901 года в символистском журнале «Скорпион» Бунин обратился за помощью к М. Горькому. Позднее он вспоминал: «Ко времени моей первой встречи с ним слава его шла уже по всей России. Потом она только продолжала расти. Русская интеллигенция сходила от него с ума, и понятно почему» [Бунин, 1950: 124]. Публикация произведений в издательстве «Знание» могла поставить его в один ряд с А. Чеховым, Л. Андреевым, А. Куприным и самим М. Горьким, а также сулила крупные для того времени гонорары: «Мы встречались в Петербурге, в Москве, в Нижнем, в Крыму, - были и дела у нас с ним: я сперва сотрудничал в его журнале «Новая Жизнь», потом стал издавать свои первые книги в его издательстве «Знание», участвовал в «Сборниках Знания». Его книги расходились чуть не в сотнях тысяч экземпляров, прочие – больше всего из-за марки «Знания» - тоже неплохо. «Знание» сильно повысило писательские гонорары. Мы получали в «Сборниках Знания» кто по 300, кто по 400, а кто и по 500 рублей с листа, он – 1000 рублей: большие деньги он всегда любил» [Бунин, 1950: 127]. Не только Горький был для него ориентиром: в числе таковых были Л.Н. Толстой, А.П. Чехов, а также В. Брюсов и К. Бальмонт. Первые два были «старыми классиками», вторые - представителями актуальной столичной элиты. Оба полюса были для Бунина в перспективе его репутации принципиальны.

В 1909 году Гребенщиков совершил поездку в Ясную Поляну к Л.Н. Толстому. Примечательно, что уже позднее в Америке в год 20-летия своей литературной деятельности Гребенщиков, рассказывая о той памятной встрече со своим кумиром, описывает исключительную близость к Толстому, тем самым подчёркивая собственную избранность: «Затем он полуобернулся и

осмотрелся направо, взял от стола и придвинул к себе стул, но сам сел на диванчик, а стул продолжал держать правой рукой за спинку.

- Садитесь, сказал он, не выпуская спинку стула из руки.

Я сел, не двигая с места стул, и очутился так близко к Льву Николаевичу, что его колени соприкасались с моими и я почувствовал теплоту его тела» [Гребенщиков].

И далее: «Мне было необыкновенно хорошо сидеть между колен этого дедушки и слушать его старческий, чуть сиповатый, но отчетливый голос<...>» [Гребенщиков].

В 1911 году Гребенщиков отправил М. Горькому несколько своих рассказов и повестей, просил у писателя поддержки: «Вы - человек, и я иду к Вам, как к человеку человек. Вы крепкий и большой, я слабый и малый. Если можете и если стоит – поддержите». В письмах 1912-1913 годов именитый писатель давал молодому прозаику советы, касавшиеся стиля, критиковал излишнюю этнографичность и многословие, публиковал рассказы в «Современнике» и «Летописи».

«Гребенщиков заинтересовал Горького как талантливый областной писатель, чье творчество подавало надежды на культурный расцвет окраин. Начинаящий писатель и журналист имел непосредственное отношение к сибирскому областничеству, интересовавшему Горького» [Суматохина, 2013: 18]. Однако самого Гребенщикова не устраивала перспектива остаться в провинции.

В конце 1910 года Вольнов бежит из сибирской ссылки в Европу и после продолжительных скитаний оказывается на Капри у Горького. Творческая атмосфера побуждает его вновь попробовать свои силы в творчестве. Горький советует ему написать автобиографическое произведение. Так появляется самая известная книга Вольнова «Повесть о днях моей жизни», очевидно ориентированная и на авторитет Льва Николаевича Толстого: она состоит из частей «Детство», «Отрочество» и «Юность».

Рефлексия в творчестве

В ранних произведениях этих писателей показана судьба провинциала, часто стремящегося к городской культуре, в чём очевидны автобиографические черты. Здесь в некотором смысле оппозиции город - деревня и столица – провинция взаимозаменяемы. Деревенский человек (провинциал) получает начальное образование – выучивается грамоте, посещает город, где ему открывается совсем иной мир и иные возможности самореализации. Но по тем или иным причинам он вынужден вернуться в свою деревню, где его ожидает разочарование: провинциальных людей невозможно побудить заниматься интеллектуальным трудом. После попыток изменить родную деревню, привести элементы городской культуры, герой терпит неудачу и погружается в тоску. Через него автор проговаривает переживания относительно невозможности интеллектуального развития в деревне.

В романе Горького «Фома Гордеев» находит отражение сформировавшееся к началу XX века отношение широких масс населения к образованию (и, кстати, позицию самого автора):

«- Зачем тебе много учиться? – спросил Фома.

- Потому что – я бедный... Бедным нужно много учиться, от этого они тоже богатыми станут, – в доктора пойдут, в чиновники, в офицеры... Я тоже буду звякарем... сабля на боку, шпоры на ногах – дрынть, дрынть!» [Горький, 1950].

В повести Бунина «Деревня» Кузьма Красов, «народный поэт», частично повторяет реальную биографию автора и даёт оценку провинциальной жизни: «И почти десять лет околачивался он в Воронеже возле ссыпки хлеба, маклерствуя и пописывая в газетах статейки по хлебному делу, отводя – или, вернее, растравляя – душу только статьями Толстого да сатирами Щедрина. И всё томился неотступной думой, что пропадает, пропала его жизнь.

- Вот, говорил он, вспоминая эти годы, – вот что значит оно, без науки то просвещение! Да мало того: в Глупове рождён, в Глупове, под властью Держи-Морды, и околеешь!» [Бунин, 1910: 8].

С другой стороны, город словно высасывает из человека жизненные силы. Герой рассказа Гребенщикова «В бору» раз за разом исцеляется в деревне, в то время как в городе чувствует себя плохо физически и морально: «Я снова в городе. У меня опять блекнут щёки, и развеваются русые кудри. Газетная работа сушит меня и треплет мои нервы. Жизнь идёт бестолково и нехотя» [Гребенщиков, 1915: 155].

Герой повести «Юность» из трилогии «Круги жизни» Вольнова говорит о решающей роли города в своей судьбе: «В погоне за куском хлеба я несколько лет мотался по России, многое видел. Был и в городе, к которому когда-то рвалась душа моя, пил мёд и яд его» [Вольнов, 1991: 15]. С одной стороны, герой отмечает, что деревня ему «роднее», она выше в нравственном плане, но, с другой стороны, именно в городе он получил главные жизненные уроки: «Я вспоминаю, как давил меня город, как я, простой деревенский человек, тосковал по просторам полей, отзывчивым, нехитрым, близким людям. Не скрывая злобы, я начинаю позорить его. А в уме неотступно стоит: плохо там, тесно, неудобно, люди злы, жестоки, часто несправедливы, но все ли? Не в городе ли ты осмыслил жизнь, не городские ли люди научили тебя уму-разуму?» [Вольнов, 1991: 16].

Таким образом, провинциальные писатели конца XIX – начала XX века благодаря массовому распространению газет и журналов получили возможность завоевать внимание не только местных читателей, но и войти в большую, столичную литературу, претендуя на дальнейшее продвижение «в классики». Осмысление в современной им культуре приводит к появлению новых метатекстуальных стратегий, от которых зависит сюжет; ключевыми слагаемыми в этом процессе становятся, с одной стороны, автобиография писателя, с другой – его самопрезентация в житнетворческом ключе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Brooks J. When Russia Learned to Read. Literacy and Popular Literature, 1861 – 1917. Evanston: Northwestern University Press, 2003. 450 p.
2. Басинский П. В. Страсти по Максиму. Горький: девять дней после смерти. М.: АСТ, 2011. 211 с.
3. Бунин И.А. Горький // Воспоминания. Париж: Возрождение. 1950. С. 118 – 129.
4. Бунин И.А. Деревня // Современный мир. 1910. № 10. С. 3 – 44.
5. Вольнов И.Е. Юность // Вольнов И.Е. Круги жизни: повести и рассказы. М.: Сов. Россия, 1991. С.16 – 148.
6. Горький М. Фома Гордеев // Горький М. Собр. соч. в 30 т. Т. 4. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1950. С. 5 – 278.
7. Гребенщиков Г.Д. В бору // В просторах Сибири. В 2 т. Т.2. СПб., 1915. С. 141 – 155.
8. Гребенщиков Г.Д. У Льва Толстого // Русский писатель Георгий Дмитриевич Гребенщиков: [сайт]. URL: http://grebensh.narod.ru/u_tolstogo.htm
9. Жолковский А. К технологии власти в творчестве и житнетворчестве Ахматовой // Lebenskunst – Kunstleben. München: Verlag Otto Sagner, 1998. S. 193 – 210.
10. Примочкина Н.Н. «В небрежном к Вам отношении – неповинен» (Г. Гребенщиков) // Горький и писатели русского зарубежья / Н.Н. Примочкина. М. ИМЛИ РАН, 2003. С. 137 – 150.
11. Рейтблат А.И. Нравственные мотивации биографа // Рейтблат А.И. Писать поперёк: Статьи по биографике, социологии и истории литературы. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 189 – 194.
12. Рейтблат А.И. Русская литература как социальный институт // Рейтблат А.И. Писать поперёк: Статьи по биографике, социологии и истории литературы. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 11 – 32.
13. Риникер Д. «Литература последних годов – не прогрессивное, а регрессивное явление во всех отношениях...»: Иван Бунин в русской периодической

печати (1902 – 1917) // И.А. Бунин: новые материалы. Вып. I. – М.: Русский путь, 2004. С. 402 – 563.

14. Суматохина Л.В. М. Горький и писатели Сибири: Монография. М.: ИНФРА-М, 2013. 237 с.

15. Фидлер Ф.Ф. Из мира литераторов: Характеры и суждения. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 864 с.

Яночкина П. И. *

СЕМИОТИКА ГРАНИЦЫ В РАННЕЙ ЛИРИКЕ М. И. ЦВЕТАЕВОЙ: СКАЗКА КАК ИНОБЫТИЕ

The article gives a detailed analysis of the phenomenon of borderline existence of Tsvetaeva's lyrical character, fantasy-tale as a semiotic space and mechanisms of its construction by the author. Attention is given to Tsvetaeva's early lyrics, which contains the situation of crossing the border between reality and imaginary world.

Key words: Tsvetaeva, fantasy, border, liminality, situation of crossing.

Аннотация: В работе анализируется феномен пограничного существования лирического героини М. И. Цветаевой, инобытие-сказка как семиотическое пространство и механизмы его конструирования автором. Материалом исследования являются ранние произведения Цветаевой, в которых обнаруживается сюжетная ситуация перехода границы между миром реальным и сказочным (шире – книжным).

Ключевые слова: Цветаева, инобытие, сказка, граница, лиминарность, сюжет перехода.

Лирика первых сборников Марины Ивановны Цветаевой лишена такого глубокого внимания литературоведов, как более «взрослые» работы поэта. «Дневниковая», «домашняя», «неопытная», «излишне интимная» – так определяли критики едва вышедшие стихотворения 18-летней девушки. Между тем, ранние её стихи «до некоторой степени юношеский конспект „будущей Цветаевой“» [Шевеленко, 2015: 36], и, думается, именно в них происходит формирование тех важных особенностей и принципов, которые впоследствии легли в основу создания зрелой Цветаевой уникального поэтического мира. Потому изучение стихотворений первых двух сборников представляется нам весьма актуальным.

---

* Научный руководитель – д. филол. н., проф. Говорухина Ю. А. (Сибирский федеральный университет)

Цель нашей работы – структурно-типологическое исследование ранних стихотворений Цветаевой, в которых сюжетобразующим является переход границы между реальностью и сказочным миром. Двоемирие ранней лирики Цветаевой отмечает, в частности, М. Боровикова в диссертационном исследовании, посвящённом лирике 1900-х–1910-х годов [Боровикова, 2011]. Автор называет эту особенность отголоском поэтики романтизма XIX века и одним из ключевых принципов организации художественного мира первых двух сборников поэта. Однако рассмотрение границы, очевидно, не входило в авторские задачи. Граница, по замечанию Ю. М. Лотмана, – важное явление культуры как бинарно устроенной семиосферы: она делит последнюю на «своё» («наше») и «чужое» пространства, или субсемиосферы, она трансформирует «чужое» в «свое» и наоборот; нахождение же человека на границе между пространствами сигнализирует о его неустроенности в мире и драматизме существования.

Каждое из рассмотренных нами стихотворений Цветаевой – отдельная семиосфера, где отчётливо обозначаются и влекущее «своё», и безразличное героине «чужое» пространства, разделённые и одновременно объединённые границей – наиболее «горячей точкой» [Лотман, 1996: 183] семиосферы поэтического мира Цветаевой; переход границы в направлении к инобытию мыслится как событие исключительно важное и необходимое, как способ примирения с физическим существованием в «чужом» пространстве. На особенную маркированность границы в тексте как мифопоэтическом пространстве обращал внимание и В. Н. Топоров, связывая её наличие с мифологемой пути – либо горизонтального, всегда сопряжённого с постоянно возрастающими трудностями, либо вертикального, целью которого является не завершение, но сам процесс пути. Кульминационный момент его, «максимум энтропии» героя, приходится на стык двух пространств [Топоров, 1983: 259]. Важно отметить именно вертикальную устремлённость лирической героини Цветаевой, для которой путь в инобытие – это, прежде всего, «линия поведе-

ния» [Топоров, 1983: 268], связанная с интериоризацией изображаемого мира, переходом от внешнего к внутреннему.

Исследуя стихотворения Цветаевой с сюжетом перехода границы структурно-типологически, мы обнаруживаем ряд особенностей. Эти тексты связаны семантически и сюжетно, они явились результатом нарративизации некоторого личного опыта самой Цветаевой – опыта небуквального перехода от реальности к сказочному/книжному миру, то есть опыта чтения книг и сказок, фантазирования и воссоздания сказочного мира в воображении. Подобный опыт задаёт один сценарий, своеобразный протокол, для создания целого ряда художественных текстов. Принимая во внимание несомненную автобиографичность выбранных нами стихотворений, можем назвать их, вслед за Л.Д. Бугаевой, нарративами первичного опыта [Бугаева, 2012].

В оппозиции «реальность–сказка» особой семиотической нагруженностью отличается пограничная область, которая описывается в начале и конце каждого стихотворения, образуя композиционное кольцо. Именно она и становится отправным пунктом воображаемых путешествий лирической героини. Последнее наблюдение кажется нам чрезвычайно важным: для самой Цветаевой путь, а не цель, состояние пограничности, постоянной обращённости к инобытийному миру и его предвкушение были не менее значимыми, чем созерцание и созидание его. Неслучайно промежуточное пространство и пограничное состояние лирической героини описываются автором в начале и в финале текстов – наиболее сильных в семантическом плане местах.

Французский этнограф Арнольд ван Геннеп, исследуя обряды перехода в разных культурах, отмечал неотделимость пороговых ситуаций от жизни любого человека: «Жить – это значит беспрестанно разъединяться и воссоединяться, менять состояние и форму, умирать и возрождаться <...> И всегда необходимо преодолевать новые пороги: пороги лета или зимы, сезона или года, месяца или ночи; пороги рождения, вступления в отрочество или зрелость; порог старости, порог смерти; порог потусторонней жизни» [Геннеп, 1999: 171-172]. Всё множество и разнообразие обрядов учёный свёл к трём

категориям: обряды отделения («прелиминарные»), промежуточные обряды («лиминарные») и обряды включения («постлиминарные») [Геннеп, 1999: 15]. Эта универсальная тернарная схема, при понимании обряда перехода как операционной метафоры, принимается нами в качестве своеобразного текстопорождающего механизма, лежащего в основу стихотворений с сюжетом перехода границы.

Как показал анализ, лирическая героиня начинает свой «путь» не из пространства реальности, но из пограничного – лиминарного – пространства. Она обращена лицом к воображаемому миру и настроена на переход. В этом плане мы можем отнести её, по В.Н. Топорову, ко второму психологическому типу героя, который проявляет особый интерес к пространству и способен понимать его смыслы, «прислушиваться» к нему [Топоров, 1983: 249]. В «Первом путешествии» читаем: «„Плывите!“ молвила Весна. / Ушла земля, сверкнула пена, / Диван-корабль в озёрах сна / Помчал нас к сказке Андерсена». Описание реального мира отсутствует. Единственный «след» реальности – мгновенно исчезнувшая, растворившаяся в блеске морской пены земля. Весна как своеобразный проводник обретает голос, диван становится кораблем. Это еще не сказочный мир, но мир уже преображенной реальности, граница.

«Второе путешествие» начинается также с изображения пограничного пространства: «Нет возврата. Уж поздно теперь. / Хоть и страшно, хоть грозный и тёмный ты, / Отвори нам желанную дверь...». Реальный мир остаётся как бы за спиной лирической героини, обращённой лицом к сказочным «заветным комнатам», двери которых пока закрыты. Настроенность на переход в инобытие, нетерпеливое ожидание его – всё это сигналы пограничности пространства и переживания. Если переход из пограничного пространства в сказку моментален, то возвращение, как правило, ретардируется и описывается более подробно. «Вдруг – звон! Он здесь! Пощады нет! / То звон часов протяжно гулок! / Как, это папин кабинет? / Диван? Знакомый переулок?»: часы как символ реальности подают свой гулкий «голос» издалека, знакомый

папин кабинет не сразу узнаётся. Возвращение происходит в пространство лиминарное, а не собственно в реальность. «Полу во сне и полу-бдея / По мокрым улицам домой / Мы провожали Чародея»: Цветаева обозначает пограничное состояние лирической героини – полу во сне и полу-бдея одновременно, героиня продолжает жить сказкой в реальности. «Дай нам в душу тебе заглянуть / В той лиловой, той облачной комнате!»: лирическая героиня не в пространстве сказки, она только просит Чародея открыть душу, однако и комната – пространство реальное – видится ей в сказочном свете. «Клубочком свернувшейся Асе / Я страшную сказку читаю»: лирическая героиня отмечает происходящее вокруг, не отрываясь от процесса чтения, что формирует ожидание повторного погружения в сказку; «Рассвет декабрьский глядел в окно, / Алели робким светом дали...»: рассвет совпадает с выходом в реальность, но последняя всё ещё воспринимается лирической героиней как сказка; алеющие робким светом дали – это прощальный отблеск сказочного мира.

Путь лирической героини в сказку соотносится с суточным циклом: с заходом солнца происходит перемещение в инобытие («Последний луч давно погас, / В краях последних тучек тая»; «Темнеет... В воздухе свежо...»; «По вечерам, склоняясь над золой, / Мы колдовали»), а рассвет знаменует возврат в пограничную область («Уж утро брезжит! Боже мой!»; «Рассвет декабрьский глядел в окно / Алели робким светом дали»). Лирическую героиню притягивает пространство, связанное с опасностью, трудностями, трагическими или сверхъестественными событиями. По замечанию И.Д. Шевеленко, «лунная» образность, восходящая к поэтической среде символистов, противопоставлялась «солнечной», истинной и ясной, и Цветаева «от выбора между „солнечным“ и „лунным“ лучом» отказывалась, т. е. не желала «самоопределяться в символистских терминах» [Шевеленко, 2015: 35]. Это замечание кажется нам справедливым, но только с учётом последнего уточнения: отказ от выбора означал отказ от принадлежности к литературным кругам своего времени. Сущностно же юную Цветаеву мистический мир луны привлекал

больше светлого и безопасного мира солнца, и это подтверждают её ранние стихотворения.

А. Геннеп настаивал на социальной предписанности, последовательности и необходимости каждого из трёх этапов перехода, поэтому разработанная им схема устойчива и линейна. В цветаевских текстах она, свободная от социального компонента и обязательности, становится подвижной и принимает иную конфигурацию. Классическая схема «отделение – лиминарная стадия – включение» трансформируется из линейно направленной в циклическую «лиминарная стадия – включение – лиминарная стадия», а этап отделения теряет актуальность в связи с тем, что пересечение лирической героиней границы в направлении к инобытию не предполагает «потери» или кардинальной духовной трансформации.

Стихотворения Цветаевой с сюжетом перехода, выстроенные в хронологической последовательности, возможно рассмотреть как единый текст, который запечатлел «сюжет взросления» лирической героини.

Геннеповская схема в данном случае принимает линейный, но инверсированный вид: «включение – лиминарная стадия – отделение». Лирическим субъектом первых текстов (Первое, Второе путешествия) является ребёнок, воспринимающий окружающую его действительность через призму сказочных образов и мотивов. Противопоставляя два пространства, лирическая героиня отдаёт несомненное предпочтение сказочному, утрата которого ещё не предвидится и не предчувствуется; сказочные герои окружают её повсюду.

Будучи ребёнком, она легко включается в мир сказки и фактически в нём живёт. Взрослеющая же лирическая героиня проходит лиминарную стадию, когда, с одной стороны, сказка не исчезает из воображения окончательно, но с другой, происходит осознание ее возможной полной утраты, эфемерности, иллюзорности. За расставанием со сказкой, т. е. за стадией отделения, не следует включения в действительность и её принятия; лирическая героиня ощущает неустроенность в реальном мире, чувствуя непреодолимую тягу к миру фантазий. Противопоставление реальности и сказки дополняется

оппозицией «настоящее–прошлое»; появляется ретроспективная положительная оценка сказочного детства, наделяемого этическими категориями («О золотые времена, / Где взор смелей и сердце чище!» – Книги в красном переплёте). И чем более отдаляется лирическая героиня от мира детства с его бесконечной сказкой, чем отчётливее начинает чувствовать близящуюся утрату, тем глубже она стремится проникнуть в инобытие, эмоционально сближаясь и едва ли не самоотождествляясь с персонажами: «Как жутко в лесах незнакомых / Бродить ей с невидящим братом! / Одна у колдуньи забота: / Подвести его к пропасти прямо!» (В субботу)

Окончательный выход из инобытийного пространства происходит в «Декабрьской сказке», где появляется образ-проводник («Печальный принц в одежде серой»), не только выводящий лирическую героиню из мира сказочных фантазий, но и разрушающий его. Этот образ – «пришелец» из реальности – воспринимается лирической героиней вначале как очередной сказочный герой. Очевидно, это детская влюблённость в человека с противоположной картиной мира и системой ценностей, не верящего в сказки, в реалиста. Он тянет за собой в реальность влюблённую героиню, разжигая в её душе драматический конфликт («Он говорил без веры, ах, а мы / Внимали с верой», «Ему спалось и было всё равно, / Что мы страдали»). Отделяясь от сказки, лирическая героиня не включается в действительность, а как бы теряется в пространстве и времени, не идентифицируя себя ни как ребёнка, ни как взрослую («Мы слишком молоды, чтобы забыть / Того, кто в нас развеял чары. / Но, чтоб опять так нежно полюбить – / Мы слишком стары!»). Этот конфликт решается Цветаевой в другом тексте. Выход она видит в создании собственного поэтического мира: «С детской песней на устах / Я иду – к какой отчизне? / – Все, чего не будет в жизни / Я найду в своих стихах!» Эту заключительную строфу стихотворения «Сердце, пламени капризней» можем считать программной формулой жизнетворчества Марины Цветаевой, для которой реальность, по замечанию Иосифа Бродского, была только отправной точкой, но не точкой опоры [Бродский, 1998], для которой жизнью ста-

новилась собственная тетрадь: «Потому что вовсе не: жить и писать, а жить-писать и: писать – жить. Т.е. всё осуществляется и даже живётся <...> только в тетради» [Цветаева, 1994: 606].

Мир сказки, рождающийся в воображении лирической героини, – это только одна из форм воплощения инобытия, выразительно представленная в юношеских стихотворениях. Движение Цветаевой от сказочно-книжного мира, усвоенного в детстве, к самостоятельно создаваемому миру поэзии порождает ряд других форм инобытийного пространства – прошлое, будущее или загробный мир. Эти и другие разновидности инобытия и, конечно, границы, отделяющие его от эмпирического мира, требуют внимательного изучения и также являются предметом нашего исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Боровикова М. Поэтика Марины Цветаевой (лирика конца 1900-х–1910-х годов): дис. ... д-ра филол. наук. Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2011. 148 с.
2. Бродский о Цветаевой: интервью, эссе. М.: Независимая газета, 1998. 298 с.
3. Бугаева Л. Д. Художественный нарратив и структуры опыта: сюжет перехода в русской литературе новейшего времени: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб, 2012. 43 с.
4. Геннеп А. Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1999. 198 с.
5. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М.: «Языки русской культуры», 1996. 464 с.
6. Топоров В. Н. Пространство и текст // Текст: семантика и структура. М.: Издательство «Наука», 1983. 304 с.
7. Цветаева М. И. Собрание сочинений: В 7-ми томах. Т. 4: Воспоминания о современниках. Дневниковая проза. М.: Эллис Лак, 1994. 688 с.
8. Шевеленко И. Д. Литературный путь Цветаевой. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 448 с.

ЯЗЫК И ЛИТЕРАТУРА В ПРОСТРАНСТВЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Алексеева А.А.

ИГРЫ НА БУМАГЕ ДЛЯ РАЗВИТИЯ ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИХ НАВЫКОВ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

The article explains the importance of a game component in the process of development of the basic lexical and grammatical skills while learning a foreign language on the beginning level. As practical recommendations, the author gives the content and the rules of seven different games on paper which can be used both while working with a group or individually. Key words: methodology of foreign language teaching, lingvo-dedactic games, lexical and grammatical skills.

Аннотация: В статье объясняется важность игровой составляющей в процессе развития базовых лексико-грамматических навыков при изучении иностранного языка на начальном уровне. В качестве конкретных практических рекомендаций для преподавателей приводится описание сути и правил семи разных игр на бумаге, которые можно использовать как при работе с группой, так и на индивидуальных занятиях.

Ключевые слова: методика преподавания иностранных языков, лингводидактические игры, лексико-грамматические навыки.

Современная практика преподавания иностранных языков предполагает примат коммуникативного подхода над грамматико-переводным, который в настоящее время считается устаревшим по ряду причин. Так, Л. Д. Герасименко отмечает тот факт, что грамматико-переводный метод не позволяет научиться говорить на иностранном языке: «При использовании грамматико-переводного метода студенты учатся правильно переводить с русского языка на иностранный и с иностранного на русский, а так-

же углубленно изучают грамматику. Однако такой студент, способный идеально переводить тексты в письменном виде, не может говорить на иностранном языке. Коммуникативная методика ликвидирует эти пробелы» [Герасименко, 2013: 54]. О. П. Евтюкова и Н. Д. Бачурина указывают на другой недостаток грамматико-переводного метода – рутинность, которую приобретает учебный процесс, и, соответственно, низкую мотивацию учащихся: «Раньше все приоритеты без остатка отдавались грамматике, почти механическому овладению вокабуляром, чтению и литературному переводу. Это принципы «старой школы», которая (стоит отдать ей должное) все же приносила плоды, но какой ценой? Овладение языком осуществлялось посредством долгого рутинного труда. Задания предлагались достаточно однообразные: чтение текста, перевод, запоминание новых слов, пересказ, упражнения по тексту» [Евтюкова, Бачурина, 2005: 68].

Полностью соглашаясь со всем вышесказанным, мы, однако, не можем не отметить, что современные учебники, как аутентичные, так и написанные носителями русского и иностранного языка в соавторстве и реализующие коммуникативный подход, иногда грешат недостаточным количеством и однообразием лексико-грамматических упражнений. Преподаватели, в свою очередь, далеко не всегда восполняют этот недостаток, нередко не пользуясь даже тем минимумом, который дается в УМК. В итоге без основательной проработки базовых правил и лексики учащиеся оказываются абсолютно неспособными реализовать свои коммуникативные задачи: пресловутые барьеры в общении возникают в этом случае не из-за боязни сделать ошибку, а вследствие того, что ученикам не хватает элементарной лексико-грамматической базы, фундамента, на котором можно строить общение. В этом смысле нельзя не согласиться с тем, что «умение правильно и грамотно сочетать слова, составлять словосочетания, формировать предложения в зависимости от ситуации является важнейшим условием функционирования языка как средства общения. Однако овладением лексикой и грамматикой изучаемого языка важно не только для продуктивных умений в устной и

письменной речи, но и для понимания речи других людей при аудировании и чтении» [Мусаелян, 2011: 139].

Таким образом, перед преподавателем встает задача, с одной стороны, добиться отработки лексико-грамматических навыков, с другой стороны, сделать этот процесс максимально интересным, чтобы не отбить у учащихся желания изучать иностранный язык.

Самым простым и эффективным способом в этом случае является игра. Пожалуй, никто из ученых и преподавателей, а тем более учащихся самых разных возрастов не оспаривает важность игры в образовательном процессе. Как отмечают Т. В. Губанова и Е. А. Нивина, «положительной стороной игры является то, что, будучи творческой по своему характеру, она активизирует мыслительную деятельность учащихся и способствует развитию творческого отношения к самому языку» [Губанова, Нивина, 2011: 117].

Ниже представлены игры, которые были придуманы нами в процессе совершенствования собственной методики преподавания. Некоторые из них представляют собой модификацию уже существующих (необязательно языковых) игр, другие являются полностью авторскими. Эти игры объединяет то, что, во-первых, для их использования на уроке (групповом или индивидуальном) не требуется никакого специального оборудования – только письменные принадлежности, бумага и иногда ножницы, во-вторых, они не предполагают длительной подготовки преподавателя перед занятием – напротив, совместная с учениками подготовка материала для игры несет в себе дополнительный образовательный эффект. Ряд игр учащиеся могут использовать для самообучения. Отметим, что в основном описанные игры применялись в процессе работы с детьми, однако ряд игр может быть использован при работе со взрослыми, даже с теми, чей уровень владения иностранным языком достаточно высок. Варьирование по сложности возможно, в первую очередь, в случае с лексическими играми.

1. Игра в «карты» на отдельные группы лексики

Выбираем 6 любых групп лексики, например «животные», «цвета», «еда», «транспорт», «мебель», «семья». Составляем по 6 карточек для каждой группы: так, «cat», «dog», «pig», «mouse», «rabbit», «squirrel» войдут в группу «животные», «black», «white», «red», «yellow», «green», «pink» – в категорию «цвета» и т.д. В результате должно получиться 36 карточек.

Перемешиваем их и раздаем по 6 карт каждому играющему (если ученик один, то себе и ему). Вынимаем «козырь», по которому определяем, какая тематическая группа будет главной в данной игре. Допустим, нам выпало слово «dog», значит, карточки, обозначающие животных, будут козырями: ими можно отбивать любые другие карты. Игра происходит точно так же, как традиционная карточная игра «Дурак»: один игрок кладет карту, второй должен ее отбить картой той же тематической группы.

Можно добиться полного сходства с карточной игрой и присвоить каждой карте свой «номинал», чтобы нельзя было побить карту большего достоинства картой меньшего достоинства. Однако практика показывает, что игра проходит интересно, даже если пренебречь таким усложнением.

Эту игру можно использовать на любых этапах обучения, варьируя степень сложности лексики. Играть одним комплектом карт можно на нескольких уроках. Когда слова полностью усвоятся учащимися, целесообразно со временем подготовить новый комплект, причем ученики могут сделать это самостоятельно, что повысит эффективность работы и освободит преподавателя от лишней подготовки.

2. Цепочка

Эта игра призвана научить учеников строить элементарные предложения. Игра позволяет также запомнить соотношение местоимений и личных форм глаголов, а также порядок слов. Кроме того, с учетом особенностей каждого языка можно сделать акцент на определенном грамматическом правиле.

Например, у изучающих французский язык известную трудность на начальном этапе вызывают предлоги и слитные артикли «à la», «au», «aux», «de la», «du», «des». Итак, подготовим карточки. Лучше всего отталкиваться от конкретных предложений. Например, нарежем карточки для предложения «Je vais au bureau» – «Я еду на работу». Каждое слово – отдельная карточка (хотя в случае с «à la», «de la» и проч. целесообразнее помещать их на одной карточке). Делаем карточки для другого предложения: «Tu vas à la gare» – «Ты едешь на вокзал» и т.д. Предложений может быть сколько угодно, и лучше сделать их однотипными, чтобы хорошо запомнилась определенная модель предложения, как в приведенном примере: подлежащее (выраженное местоимением) + личная форма глагола «aller» ‘ходить, ехать’ (который является неправильным и требует специального запоминания, чему может способствовать игра) + предлог и артикль / слитный артикль + существительное, называющее место.

Нарезанные карточки раздаются поровну всем участникам. По очереди каждый кладет карточку так, чтобы образовалось предложение. Если первый участник положил слово «vous», то следующий должен положить «allez», а не какую-нибудь другую форму глагола, затем может быть карточка с любым предлогом, а последняя должна соответствовать его роду и числу: так, если третья карточка была «aux», значит, четвертая должна быть, например, «Etats-Unis», а если «au», то «club», «bureau», «restaurant» и т.д.

Таким образом, игра позволяет развить навыки спряжения глагола, запомнить роды некоторых существительных (если в изучаемом иностранном языке есть такая категория) и приобрести умение составлять простое предложение на определенную тему (в данном случае – о передвижении кого-либо куда-либо).

3. Антонимы и синонимы

Игра предназначена для пополнения словарного запаса, а также для установления системных связей лексического уровня изучаемого языка, а именно – антонимии или синонимии. Необходимо сделать набор карточек

(сначала эту работу проделывает учитель, затем он может дать это задание учащимся), который должен состоять из пар антонимов или синонимов: «good – bad», «interesting – boring», «friend – enemy» и т.д.

Карточки раскладываются на столе рубашкой вверх. Первый играющий переворачивает две любые карточки, и если они образуют пару (синонимическую или антонимическую, в зависимости от вашей игры), то он берет их себе и продолжает ход. Если выбранные карточки не образуют пару, тогда он кладет их рубашкой вверх на исходные места, и ход переходит к другому участнику. Выигрывает тот, у кого образуется больше пар карточек.

4. Угадай рисунок

Игра направлена на отработку конструкции 'есть, имеется' (there is/there are, il y a и т.д.). Она представляет определенную проблему при изучении, поскольку на русском языке эта конструкция звучит совершенно по-другому, но в то же время она очень частотна и встречается на самых ранних этапах изучения иностранного языка.

Учащиеся (или ученик и учитель) рисуют на листах бумаги любые картинки (комнату, лес и т.д. – главное, чтобы предметов на рисунке было довольно много). При этом никто не видит чужие рисунки. Затем один учащийся берет чистый лист бумаги, а другой рассказывает ему, что нарисовано у него на картинке. Например: «There is a door. Near the door there is a table. On the table there are three books» и т.д. Когда описание рисунка закончено, оба учащихся сравнивают свои картинки и выявляют степень их соответствия.

Эта игра позволяет отработать не только указанную конструкцию, но также и некоторые другие темы (например, слитные артикли во французском).

5. Крестики-нолики

В эту игру можно играть на доске или в тетради в зависимости от количества участников. Она позволяет закрепить и проверить знания на абсолютно любую тему: неправильные глаголы, синонимы-антонимы, лексику определенной тематики и т.д.

Поясним правила игры на примере неправильных глаголов английского языка. Если задача учеников – запомнить первые две формы английского глагола при изучении времени Past Simple, то один участник (это может быть учитель) пишет первую форму глагола (это его «крестики»), другой – вторую (его «нолики»), а задача, как в одноименной игре, заполнить три клетки «крестиками» или «ноликами» по диагонали, вертикали или горизонтали. Например:

went		go
	get	thought
swim	got	think

Если перед вами стоит задача выучить все три формы глагола, то можно писать по очереди. Допустим, участник №1 пишет **go**, участник №2 пишет **went**, участник №1 пишет **gone**. При этом все формы участника №1 считаются его «крестиками», а все вторые формы участника №2 – его «ноликами».

Та же самая игра может с успехом применяться при работе с синонимическими или антонимическими рядами:

top	difficult	easy
white	give	bottom
black	take	

6. Чепуха

Известная в народе игра «Чепуха» может оказаться полезной на уроках иностранного языка, особенно при изучении или повторении грамматических времен. Каждый участник игры берет чистый лист бумаги. Сначала все пишут сверху любое определение и заворачивают лист так, чтобы этого слова не было видно. Затем листы передаются по кругу. Под завернутой частью листа теперь нужно написать подлежащее, завернуть его, поменяться листа-

ми; то же самое проделать со сказуемым в нужное время и при желании добавить еще одно звено «Чепухи» – обстоятельство места. На выходе образуется несколько листов с бессмысленными, но при этом очень забавными предложениями.

7. Сортировка

Давно замечено, что большинство учащихся пытаются запомнить новые слова весьма неэффективным способом: выписывают их в словарик и учат списком, проверяя себя тем, что закрывают поочередно то левую, то правую сторону списка и воспроизводят соответственно слово на иностранном языке или русский эквивалент. Мы не против составления учебного словарика – наоборот, каждое учебное задание, будь то аудирование, чтение и перевод текста, работа над упражнениями, подготовка устного доклада и т.д., в идеале требует закрепления в памяти тех слов, с которыми была проведена определенная работа. Однако выучивание слов списком, во-первых, не позволяет запомнить написание слов (точнее, понять, насколько хорошо оно запомнилось), во-вторых, способствует запоминанию не самих слов и выражений, а их порядка в конкретном списке.

Более продуктивным способом запоминания является работа с карточками. Нарезается столько карточек, сколько слов или выражений необходимо запомнить. На одной стороне каждой карточки пишется слово или выражение на иностранном языке, а на другой стороне – его перевод. Затем карточки перемешиваются, а их пачка переворачивается «иностранной» стороной вверх. Далее начинается их сортировка. В случае если учащийся, взяв определенную карточку, может быстро и правильно (что контролируется простым переворачиванием карточки) дать перевод слова или выражения, написанного на ней, он откладывает карточку в одну стопку; если же при переводе возникли затруднения или ошибки, то карточка откладывается в другую стопку. При желании можно не проговаривать, а писать слова, тогда можно контролировать знание графической оболочки слова. Далее со словами, попавшими в стопку невыученных, проделывается та же процедура, до тех пор пока эта

стопка не сойдет на нет. Затем то же самое необходимо проделать с русской стороной. Выученные таким образом слова полезно время от времени освежать в памяти, а также дополнять новыми карточками.

Безусловно, описанные игры не могут заменить собой комплексную работу на занятии, но могут стать хорошим дополнением для повышения мотивации учащихся, а также служить средством для самостоятельной отработки лексико-грамматических навыков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Герасименко Л. Д. Современные методы преподавания иностранных языков (коммуникативный подход) // Личность, семья и общество: вопросы педагогики и психологии / Сб. ст. по материалам XXXV междунар. науч.-практ. конф. № 12 (35). Часть II. Новосибирск: Изд. «СибАК», 2013. С. 54-58.
2. Губанова Т. В., Нивина Е. А. Формирование лексико-грамматических и речевых компетенций посредством игры (из опыта преподавания русского как иностранного) // Вопросы современной науки и практики. Тамбов: Ун-т им. В. И. Вернадского. 2011. Вып. №4(35). С 116-124.
3. Евтюкова О. П., Бачурина Н. Д. Коммуникативный подход в преподавании английского языка как иностранного // Успехи современного естествознания. М.: Академия естествознания, 2005. №5. С. 68-69.
4. Месаелян И. Ф. Формирование лексико-грамматической составляющей языковой компетенции // Ярославский педагогический вестник. Ярославль: Ярославский гос. пед. Ун-т им. К. Д. Ушинского, 2011. №3. Т. II. С. 139-142.

Довлятова Ш.Т.*

**ОПОРНЫЕ КОНЦЕПТЫ ФРАНЦУЗСКОГО
ПАРФЮМЕРНОГО ДИСКУРСА**

The article is devoted to the study of the perfume discourse as an object of linguistic research. It focuses on the identification and description of linguistic means of actualizing the support concepts of the perfume discourse using methods of conceptual analysis suggested by L.G. Babenko. Conceptual analysis of the verbal items used in advertising slogans of the French perfume companies leads us to some conclusions about the specific content and combination of the concepts serving as a basis for “talking” about the smell.

Key words: perfume discourse, support concepts, linguistic means, French perfumery products, slogans.

Аннотация: Статья посвящена изучению парфюмерного дискурса как объекта лингвистического исследования. Она нацелена на выявление и описание языковых средств актуализации опорных концептов парфюмерного дискурса при помощи методике концептуального анализа Л.Г. Бабенко. На основе концептуального анализа языковых единиц, используемых в рекламных слоганах известных французских парфюмерных концернов, делается вывод о специфике содержания и сочетания концептов, служащих основой для «разговора» о запахе.

Ключевые слова: Парфюмерный дискурс, опорные концепты, языковые средства, французская парфюмерная продукция, слоганы.

В данной работе исследуется парфюмерный дискурс с точки зрения составляющих его опорных концептов. Целью работы является выявление и описание опорных концептов парфюмерного дискурса и языковых средств их актуализации. Объектом анализа данного исследования выступает пар-

---

* Научный руководитель – д-р филол. наук, проф. Колмогорова А.В. (Сибирский федеральный университет)

фюмерный дискурс. В работе использованы такие методы анализа, как анализ теоретической литературы, сплошная выборка фактологического материала, методики концептуального анализа, семантического анализа, контекстуального анализа. Предметом исследования являются опорные концепты парфюмерного дискурса и языковые средства их актуализации.

Актуальность работы обусловлена необходимостью дальнейшей разработки проблем, связанных с изучением новых типов дискурса. Несмотря на интенсивное изучение дискурса как отечественными, так и зарубежными лингвистами, текстам по парфюмерной тематике в целом, а также их опорным концептам не было уделено должного внимания. Материалом исследования послужили рекламные слоганы французской парфюмерной продукции ведущих косметических брендов таких, как Dior, Hermes, Chanel, Lacoste, Givenchy, Cristian Lacroix, Kachgar, Fidji и др.

В данной работе, в качестве рабочего определения дискурса используется определение В.И. Карасика: дискурс - это текст, погруженный в ситуацию общения [Карасик, 2000].

В качестве рабочего определения парфюмерного дискурса нами сформулирована следующая дефиниция: парфюмерный дискурс – это вербальное взаимодействие нескольких субъектов, предметом которого является запах.

Согласно Т.И. Бельской, основной целью парфюмерного дискурса является оповещение адресата о духах, описание их аромата, либо представление исторической справки об их появлении. Помимо информирования, целью парфюмерного дискурса является оценка духов. С помощью оценки адресант, как правило, представляющий интересы производителя, в некоторой степени оказывает воздействие на потребителя [Бельская, 2010].

Парфюмерный дискурс построен на опорных концептах.

«Концепт» – это те ценности, образы и понятия, которые адресат реконструирует из определенной семиотической совокупности [Соломоник, 1995]. Концепты – это мыслительно-образные и языковые сущности одновременно [Колмогорова, 2006].

Согласно Ирине Ивановне Чумак-Жунь, опорные концепты – это макроконцепты, вокруг которых конструируются родственные по смыслу концепты [Чумак-Жунь, 2005].

Метод исследования концептов, репрезентации их содержания получил название «концептуальный анализ». Целью концептуального анализа можно считать «выявление парадигмы культурно значимых концептов и описание их концептосферы» [Болотнова, 2003, с.80].

Мы воспользовались методикой концептуального анализа, предложенной Л.Г. Бабенко. Данная методика подразумевает ряд исследовательских процедур:

- 1) выявление набора ключевых слов текста;
- 2) описание обозначаемого ими концептуального пространства;
- 3) определение базового концепта (концептов) ранее описанного концептуального пространства [Бабенко, 2000].

В ходе концептуального анализа, с точки зрения Людмилы Георгиевны, следует учитывать когнитивно- пропозиционные структуры, поскольку пропозиция – это «особая структура представления знаний», которая формируется на основе различных совокупностей однородных элементов, через которые и происходит истолкование концептов. Носителями этих знаний в тексте чаще всего являются «предикатные слова»: глаголы, наречия, прилагательные и т.д.

Проанализировав рекламные слоганы парфюмерной продукции, мы распределили все лексические единицы, составляющие слоганы (100 единиц) на тематические группы, выявили их интегральные семы (минимальные элементы смысла, общие для значений многих слов), которые помогли определить актуализируемые каждой тематической группой концептуальные пространства. На основании подсчёта частотности лексем внутри тематических групп выявили опорные концепты каждого из концептуальных пространств.

Таким образом, были выявлены концептуальные пространства ПРИРОДА, КАЧЕСТВА, ВЛАСТЬ, НОРМА и ТЕЛО.

ПРИРОДА включает в себя опорные концепты Цветы, Три стихии и Времена года.

(1) *L'arôme de fleurs blanches et de l'amour éternel* (аромат белых цветов и вечной любви);

(2) *L'arôme lumineux de l'été et le soleil* (светлый аромат лета и солнца);

В концептуальном пространстве КАЧЕСТВА выделяем следующие опорные концепты: Любовь/Соблазн, Тайна/Власть, Яркие цвета.

(3) *L'arôme de l' Inde amoureuse* (аромат влюбленной Индии);

(4) *Pour femmes lumineuses, rapides et souriantes* (для живых, ярких и улыбающихся женщин);

Следующее концептуальное пространство ВЛАСТЬ не подразделяется далее, так как концептуальное пространство и опорный концепт в данном случае совпадают. Данный концепт актуализируется при помощи грамматических средств, а именно – повелительного наклонения:

(5) *Reposez vos sentiments !* (дайте покой вашим чувствам!);

(6) *Ceci est votre chance. Ne le manquez pas !* (Это ваш шанс. Не упустите его!);

Еще одно концептуальное пространство это НОРМА, а точнее что-то находящееся за пределами нормы. Большая часть прилагательных употреблена здесь с отрицательными префиксами такими, как –in –im –ir .

(7) *Le parfum plus inattendu de CHANEL* (Самый неожиданный аромат от Шанель);

(8) *L'élégance est intemporelle* (Элегантность вне времени);

Последнее концептуальное пространство ТЕЛЮ. Составляют его опорные концепты Сердце, Глаза, Кожа:

(9) *Pour une femme qui connaît le monde avec le cœur* (Для женщин, которые познают мир сердцем);

(10) *L'arôme de la peau d'une femme* (запах женской кожи);

В заключении, можно сделать вывод, что опорными концептами французского парфюмерного дискурса в нашей выборке оказались:

Цветы, Времена года, Три стихии, Любовь / Соблазн, Тайна / Власть, Яркие цвета, Власть, Норма, Части тела.

Языковыми средствами их реализации являются как лексические средства, так и грамматические – наклонение, служебные морфемы.

Таким образом, несмотря на то, что ольфакторное восприятие вербализуемо с трудом, благодаря опорным концептам производителям парфюмерии удаётся актуализировать в языковом сознании потенциальных потребителей необходимые «когнитивные зацепки» для концептуализации запаха.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Бельская Т.И. Средства актуализации опорных концептов парфюмерного дискурса современного французского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2010. 26с.
2. Болотнова Н. С. Поэтическая картина мира и её изучение в коммуникативной стилистике текста // Сибирский филологический журнал. 2003. № 3-4. Новосибирск: НГУ, 2003. С. 198-207.
3. Карасик В.И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сб. науч. тр. Волгоград : Перемена, 2000. С.5-20.
4. Колмогорова А.В. Языковое значение и речевой смысл: опыт функционально-семиологического исследования прилагательных-обозначений светлого и тёмного в современных русском и французском языках. Новокузнецк, 2006. 279 с.
5. Тимошенко С.А. Филологические науки. Теоретические и методологические проблемы исследования языка [Электронный ресурс] // О концептуальном анализе как методе лингвистических исследований URL: http://www.rusnauka.com/3_KAND_2007/Philologia/18494.doc.htm (дата обращения: 23.12.2015)
6. Тихомиров А.В. Понятие «Концепт» и «Дискурс» и проблема гражданского общества: к методологии исследования // Научные ведомости

Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. Выпуск № 9. Том 10. 2009. С.218-227.

Дун Хайтао*

**СРАВНЕНИЯ РОССИЯН И КИТАЙЦЕВ ДЛЯ
ОПИСАНИЯ ЧАСТЕЙ ТЕЛА ЧЕЛОВЕКА: КУЛЬ-
ТУРНО-НАЦИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА**

The article is concerned with the analysis of the national specifics of the choice of linguistic units while comparing different parts of the human body. The author makes a hypothesis that there is a number of linguistic units used for characterizing a person. To confirm or refute the theory the association experiment was chosen. As the result, the culturally-based language patterns were revealed and classified by usage frequency.

Key words: comparison, comparative structure, somatism, association experiment, gender marker, cultural linguistics.

Аннотация: Данная статья посвящена анализу национальной специфики выбора сравнения отдельных частей тела человека. В ходе изучения заявленной темы выдвигается гипотеза о существовании определённых языковых средств для характеристики человека. В качестве основополагающей методики доказательства или опровержения данной идеи был выбран ассоциативный эксперимент. На основе проведённых исследований были выделены этнически и культурно обоснованные языковые конструкции, распределённые по частотности употребления.

Ключевые слова: сравнение, сравнительная конструкция, соматизм, ассоциативный эксперимент, гендерный признак, лингвокультурология

Целью данной работы явилось рассмотрение национальной специфики выбора сравнения для характеристики человека, точнее отдельных частей его тела.

В исследованиях лингвокультурологической направленности неоднократно отмечалось, что концептуальное осмысление категорий культуры воплощается в естественном языке, а именно в единицах языка через их образное содержание. Одним из таких образных средств выступает устойчивое

* Научный руководитель – д-р филол. наук, проф. Евсева И.В. (Сибирский федеральный университет)

сравнение, которое, по наблюдениям Л. А. Лебедевой [Лебедева, 1999], есть не только понятие, фигура речи или стилистический прием, оно может быть охарактеризовано как языковое явление, языковая единица, наделенная значением и особой формой его выражения.

Теоретическое осмысление устойчивых сравнений началось в России в 60-е годы XX в. На особый тип фразеологических конструкций, в которых внутренняя условность текстового содержания отличается национальной спецификой образа, одним из первых обратил внимание В. В. Виноградов [Виноградов, 1969]. Сравнение как один из способов восприятия мира рассматривал А. А. Потебня [Потебня, 1997], утверждавший, что сам процесс познания есть процесс сравнения.

В каждом естественном языке есть некоторый лексический арсенал для описания языка тела, включающий в себя телесные, или соматические, знаки и знаковые выражения. Однако описание знаков этих систем и их функционирование обладают как общими, так и специфическими особенностями в каждом языке. Поэтому исследование культурно-национальной специфики сравнений, используемых для описания частей тела человека в разных языках (в нашем случае – русском и китайском) видится актуальным. Научный интерес к исследованию названий частей тела далеко не случаен. Изучение соматизмов и образованных от них языковых единиц дает нам видение о восприятии носителями языка себя в окружающем мире.

Единицами описания всех систем человека являются не сами объекты и их свойства, а представления о них людей. Эти представления имеют форму простых или сложных понятий, или, как чаще говорят лингвисты, концептов. Изучая, как выглядят в данном языке и соответствующем ему телесном знаковом коде представления людей, лингвисты и специалисты в области семиотики описывают так называемую наивную концептуализацию какого-либо фрагмента действительности, что и предполагается сделать в процессе работы над интересующей нас темой.

Для исследования в рамках данной статьи мы решили привлечь функционирующие в русском и китайском языках сравнительные конструкции, дающие по отдельным частям тела (глаза, лицо, рука) характеристику внешних признаков человека.

Для реализации поставленной цели нами был проведен ассоциативный эксперимент, направленный на выявление сравнительных конструкций, употребляемых русскими и китайцами.

В качестве рабочей гипотезы нами было выдвинуто следующее предположение: в каждом языке существует определенный набор языковых средств, конструкций, предназначенных для характеристики человека. Причем эти средства в каждом языке довольно типизированы, а вот их наполнению в каждом случае будут свойственны этнокультурные особенности.

Опишем суть методики эксперимента, проведенного нами для проверки данной гипотезы.

В качестве основополагающего нами был выбран ассоциативный эксперимент. Будучи одним из самых доступных средств изучения языковой способности и языкового сознания человека, ассоциативный эксперимент послужил основой для целого ряда современных психолингвистических исследований. В настоящее время ассоциативный эксперимент является наиболее разработанной техникой психолингвистического анализа семантики речи [Леонтьев, 1997]. Мы использовали методику направленного ассоциативного эксперимента. Инструкцией, ограничивающей респондентов (испытуемых) на процессы мыслительного поиска при выборе подходящих слов на словостимул (*глаза, лицо, руки*), явились сравнительные конструкции *как (будто / словно / похоже на...)*. То есть каждому россиянину было предложено по 3 анкеты со сравнительными конструкциями: *глаза как (будто / словно / похожи на...)*, *лицо как (будто / словно / похоже на...)*, *руки как (будто / похожи на...)*. Китайцам – *眼睛像.....(一样)*, *脸像.....(一样)*, *手像.....(一样)* [*глаза как (похожи на...)*, *лицо как (похоже на...)*, *руки как (похожи на...)*]. (В

русском языке грамматика к сравнительным союзам относит «как», «будто», «как будто», «словно», «похож(и) на» и др. и их разнообразные соединения друг с другом. Китайская грамматика к сравнительным союзам относит «как», «похож(и) на».) Однотипные реакции рассматривались нами как более или менее типизированные не только для группы испытуемых, но и для языкового коллектива в целом. В ходе эксперимента учитывался пол, с целью установить гендерные особенности сравнений.

Испытуемыми были 50 студентов Сибирского федерального университета в возрасте от 18 до 23 лет – носители русского языка. И 10 студентов Тяньцзиньского педагогического университета, а также 5 преподавателей Сибирского федерального университета в возрасте от 22 до 25 лет – носители китайского языка.

Опишем реакции, полученные от российских респондентов.

Наибольшее количество ответов было дано испытуемыми с использованием сравнительной конструкции с союзом *как*, несколько меньше – с союзом *словно*. К выражениям со словами *будто*, *похоже(и) на...* респонденты прибегали в единичных случаях. В описание мы не включили реакции, характеризующие единичные ассоциации (например: *глаза как свечи*, *глаза как коробочки слов*, *лицо как маска* и др.)

Глаза российские респонденты сравнивают со следующими реалиями (в скобках первая цифра указывает на общее количество ответов, вторая – количество ответов, данных мужчинами, третья – женщинами): *глубинный океан* (7: 1, 6), *бриллиант* (6: 0, 6), *чистое небо* (5: 1, 4), *звезды* (5: 0, 5), *море* (4: 1, 3), *озеро* (3: 0, 3), *яйца* (3: 1, 2), *черные вишни* (2: 0, 2), *тарелки* (2: 0, 2), *виноград* (2: 0, 2), *сапфир* (2: 0, 2).

Для характеристики *лица* носители русского языка использовали такие сравнения, как: *луна* (20: 2, 18), *зеркало* (7:1,6), *пирожок* (6:0,6), *помидор* (3:1,2), *яблоко* (2:0,2), *круг* (2:0,2), *яйцо* (2:0,2).

Руки россияне сравнивали со следующими реалиями: *крюки* (19:2,17), *крылья* (15:2,13), *ноги* (7:1,6), *лопаты* (2: 0, 2), *лапы медведя* (2:2,0), *копье* (2:0,2).

Теперь обратимся к реакциям, полученным от китайских респондентов.

Глаза китайские респонденты сравнивают со следующими реалиями: *луна* (3: 0, 3), *море*(3: 1, 2), *жемчуг* (2: 1, 1).

Для характеристики лица носители китайского языка использовали такие сравнения, как: *яблоко* (4:1, 3), *цветы* (3: 1, 2), *блин* (2: 0, 2).

Руки сравнивали следующим образом: *французский батон* (3: 1, 2), *банановые листья* (3: 0, 3), *зонтик* (4: 2, 2).

Результаты эксперимента позволяют сделать вывод, что в русском языке *лицо* чаще всего сравнивают с луной (сравнение с формой – круг), *глаза* – с океаном (комментарий см. ниже), а *руки* – с крюками (ср. с устойчивым словосочетанием, существующим в русском языке «руки-крюки»). Китайцы же, наоборот, с луной сравнивают не лицо, а *глаза*, а *лицо* у китайцев сравнивается с яблоком. Здесь в основе сравнения лежит форма – круг. Интересно специфическое китайское сравнение *рук* с зонтиком. В китайской культуре руки родителей воспринимаются как некая защита, руками родители закрывают голову ребенка и прижимают его к себе, зонт же тоже является символом защиты от окружающего мира.

Интересны, на наш взгляд, сравнения по гендерному признаку. Российские мужчины чаще всего сравнивают *глаза* с небом или морем, в то время как для женщин глаза в первую очередь ассоциируются с океаном или бриллиантами; *лицо* как у российских женщин, так и у российских мужчин ассоциируется чаще всего с луной (сравнение с формой – круг), *руки* для российских женщин – «как крюки» (такая реакция может быть объяснена следующими обстоятельствами: (1) женщины таким образом характеризуют руки мужчины, который не может ими сделать что-либо полезное для дома; (2) слово «крюки» может быть рифмообразующей реакцией на слово-стимул *ру-*

ки), а для российских мужчин руки – это «лапы медведя» или «крылья» (в обоих случаях лежит признак силы, мощи).

Для китайских мужчин *глаза* это, в первую очередь, либо море (признак чистоты), либо жемчуг (признак блеска). Тогда как китайские женщины глаза чаще всего сравнивают с луной (в китайской культуре луне свойственен белый цвет, символ спокойствия). В сравнении *лица* китайские мужчины и женщины сошлись во мнении, сравнив его с яблоком (форма), однако наравне с этим китайские мужчины сравнивают лицо с цветами (признак красоты). Мужчины КНР чаще всего сравнивают руки с банановыми листьями (актуализация формы), а женщины – с хлебцами (опять же форма, хлебец в данном случае – продукт, внешне напоминающий французский батон).

Можно отметить отдельные случаи сходства в полученных от китайцев и русских ассоциациях на слово-стимул название части тела.

Так, *глаза* и русские, и китайцы сравнивают с водной стихией – морем, океаном, озером. Но для русских это сравнение основывается на таких признаках, как «бездонность», «глубина» (океан), «цвет – голубой» (море), «прозрачность» (озеро); в глазах, как в воде, отражается мир. Признак прозрачности связывается именно с озером, т.к. в нём, как правило, спокойная вода. Китайские респонденты, сравнивая глаза с морем, обращают внимание на признак чистоты. Через глаза отражаются мысли человека. Если они чистые и непорочные, то глаза человека, который так мыслит, могут быть сравнимы с морем. В этом случае можно привести пример пословицы, которая есть и в русском, и в китайском языках – «*глаза – зеркало души*» (в русском), 眼睛是心灵的窗户 [«*глаза – окно души*»] (в китайском).

Исходя из проведенного нами эксперимента, можно сделать вывод, что в русском и китайском языках, действительно, существует определенный набор языковых средств, конструкций, предназначенных для характеристики человека, причем все эти языковые средства носят этнический и культурный характер.

В перспективе мы хотим продолжить начатое исследование: будет расширен круг респондентов; к анализу будут привлечены сравнительные конструкции с именами других частей тела; выводы, касающиеся специфики русских и китайских сравнений, предполагаем делать не только на основе результатов эксперимента, но и на основе материала художественных текстов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Виноградов В. В. О взаимодействии лексико-семантических уровней с грамматическими в структуре языка // Мысли о современном русском языке. М.: Просвещение, 1969. С. 5-22.
2. Лебедева Л. А. Устойчивые сравнения русского языка во фразеологии и фразеологии: дис. ... д-ра. филол. наук: 10.02.01. Краснодар, 1999. 296 с.
3. Леонтьев А.А. Основы психолингвистики: учеб. пособие для вузов. 3-е изд. М.: Смысл, 1997. 287 с.
4. Потебня А. А. Из лекций по теории словесности: Басня. Пословица. Поговорка: 5-е изд. М.: Красанд, 2012. 168 с.

Крикливая П.В.*

**КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКАЯ
СПЕЦИФИКА ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ИМЕН
В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ И РОССИЙСКИХ
РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТАХ**

The article deals with the precedent names as peculiar precedent phenomena. It focuses upon their functions determined by cognitive and pragmatic potential of these linguistic units.

Key words: precedent phenomenon, precedent name, cognitive-pragmatic function.

Аннотация: В статье рассматриваются прецедентные имена как особый класс прецедентных феноменов. Особое внимание уделяется выявлению и систематизации их функций, обусловленных спецификой когнитивно-прагматической направленности данных языковых единиц.

Ключевые слова: прецедентный феномен, прецедентное имя, когнитивно-прагматическая функция.

Прецедентность как научное понятие имеет свою историю развития. Впервые данный термин возник в отечественной лингвистике в рамках теории интертекстуальности. Это во многом объясняет тот факт, что на сегодняшний день прецедентность принято рассматривать как феномен, который имеет интертекстуальную природу.

Основным импульсом к началу употребления термина «прецедентность» в лингвистике послужило введение Ю.Н. Карауловым понятия прецедентного текста в 1986 году. По его определению, прецедентными называются тексты, «значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, имеющие сверхличностный характер, то есть хорошо известные и широкому окружению данной личности, включая ее пред-

---

* Научный руководитель – д-р филол. наук, проф. Магировская О.В. (Сибирский федеральный университет)

шественников и современников, и, наконец, такие, обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [Караулов, 1987]. Из этого определения следует, что к основным характеристикам прецедентности относятся, прежде всего:

- значимость;
- общеизвестность;
- авторитетность.

В свою очередь, термин «прецедентный феномен» соотносится с целым рядом понятий. Так, прецедент как объект действительности принято обозначать понятием «культурный прецедент». Таким образом, под термином «прецедентный феномен» часто понимается единица языка, которая отражает тот или иной культурный прецедент.

Прецедентные феномены охватывают такие понятия, как:

- прецедентное имя;
- прецедентная ситуация;
- прецедентное высказывание;
- прецедентный текст [Красных, 2002].

В данном исследовании рассматривается прецедентное имя (которое включает в себя имена собственные, которые связаны либо с прецедентными текстами, либо с прецедентными ситуациями) и его функционирование в тексте рекламы. Основной причиной выбора текста рекламы послужила специфика данных текстов быстро реагировать на изменения в жизни общества, появление и развитие новых идей. Прецедентное имя реализует в них одну из главных задач, которая заключается в том, чтобы убедить аудиторию в совершении того или иного действия, т.к. обладает особым когнитивно-прагматическим потенциалом передавать информацию и знания в очень яркой, лаконичной и запоминающийся форме. Основной спецификой прецедентных феноменов является их полифункциональность, которая проявляется в возможности переосмысления и насыщения текста новыми смыслами.

На сегодняшний день ученые, исследующие прецедентные феномены, по-разному подходят к вопросу об их функционировании. На примере разных типов дискурса выявляются общие функции, присущие всем понятиям прецедентных феноменов. Особое внимание обращается на их манипулятивную функцию, прагматическое воздействие на адресата.

В проведенном исследовании были выявлены основные функции прецедентных имен в рекламе. Результаты анализа показали, что функционирование прецедентных имен значительно отличается от общих характеристик всех прецедентных феноменов.

К основным функциям прецедентного имени представляется необходимым отнести, прежде всего:

- функцию авторитетности;
- игровую функцию;
- имиджеобразующую функцию;
- информативную функцию.

Функция авторитетности обусловлена определенной культурной значимостью, которой обладают прецедентные имена. Иллюстрацией данного положения служит, например, постер о пользе молока (рис.1) со слоганом “*Smash hit by Hayden. Body by milk*”.

Рис. 1. Got milk?

На данном постере изображена Хейден Панеттьер, популярная на сегодняшний день американская актриса, которая известна тем, что уже в 11 лет получила свою первую премию молодого актера. Вторая премия ей досталась за роль Клэр Беннет в популярном сериале “*Heroes*” («Герои»). Данное прецедентное имя используется как инструмент убеждения: если фотография и имя авторитетной личности используются в рекламе, значит, рекламируемый продукт однозначно заслуживает внимания.

Примером подобного использования прецедентного имени в российской рекламе служит реклама поездки в Лондон. В данном тексте используется имя Шерлока Холмса: «*Лондон, столицу Англии и всей Великобритании стоит посетить только за то, что это родина Шерлока Холмса. Недостаточно?..*» (Тонкости туризма, 2015). Всем известный Шерлок Холмс – знаменитый лондонский частный сыщик. Он литературный персонаж, созданный Артуром Конан Дойлем. Благодаря ему произведения этого автора считаются классикой детективного жанра. Это прецедентное имя литературного героя заключает в себе большой культурный концепт, который благодаря своей авторитетности и популярности способен убедить аудиторию посетить Лондон.

Игровая функция основана на использовании игровых приемов и тесно связана с эстетической функцией. Для иллюстрации этой функции были подобраны примеры из российской социальной рекламы, направленной на пропаганду чтения (рис.2, рис.3).

Рис. 2. Читай книги – будь Личностью! Рис. 3. Читай книги – будь Личностью!

Основная идея этой функции – оригинальность. На постерах изображены портреты знаменитых личностей, что является невербальным текстом. При этом текст рекламного слогана представляет наибольший интерес. В приводимых примерах название литературных произведений («Герой нашего времени», «Собачье сердце») – главные рекламируемые концепты. Внимание к ним достигается с помощью игры слов, когда названия литературных произведений выступают в роли одушевленных лиц, с которыми можно познакомиться, или вкусных продуктов, которые человек съедает с удовольствием и очень быстро.

Главная цель имиджеобразующей функции – выявление и подчеркивание определенного свойства рекламируемого объекта и создание его позитивного имиджа. Иллюстративным примером данной функции выступает реклама современного, дорогого и элитного автомобиля BMW M6: *“Its design is perhaps the least daring of BMW’s recent models. The M6 cuts as sensible a figure as a banker’s blue suit from Savile Row. Like the best of Bimmers, it’s more athletic than muscled”* (Bloomberg, 2015). В рекламе этого автомобиля прецедентным именем выступает название улицы *Savile Row*. Это улица известна тем, что на ней расположены высококласные ателье по пошиву муж-

ской одежды, в которых одевались Уинстон Черчилль, лорд Нельсон и Наполеон III. В данном рекламном тексте предложение *The M6 cuts as sensible a figure as a banker's blue suit from Savile Row* (M6 производит такое же впечатление строгости, как синий костюм банкира с Савиль Роу) подчеркивает дизайн автомобиля при помощи механизма сравнения. Одновременно с этим прецедентное имя *Savile Row* также обладает устойчивыми дифференциальными признаками («высокое качество», «престижность»), которые в рассматриваемом рекламном тексте переносятся на товар. Таким образом, в рекламном тексте при использовании одного прецедентного феномена подчеркиваются несколько свойств товара и, соответственно, актуализируются несколько механизмов их акцентирования.

Информативная функция обусловлена необходимостью для рекламных текстов быть предельно краткими и при этом достаточно информативными. Использование прецедентных имен значительно сокращает рекламный текст, для понимания которого становится необходим определенный запас фоновых знаний. Примером служит реклама мотоцикла *American Ironhorse Tejas*: “*Estimated top speed. It's a chopper. Who cares? True: Monstrous air-cooled 1,819 cc V-twin announces your arrival long before your body odor can do the job. True: Classic hard-tail design-the bike has no rear suspension since the back wheel connects directly to the frame – earns instant street creed. False: Shamelessly fills up your TiVo with Antiques Roadshow reruns*”. В данной рекламе используется название знаменитого телевизионного шоу – *Antiques Roadshow*. Это шоу появилось на британском телевидении еще в 1979. Сюжет состоит в том, что эксперты по антиквариату путешествуют по Великобритании, а местное население приносит им свои старинные вещи для оценки. Тот факт, что этот мотоцикл без зазрений совести закачивает в Ваш TiVo повторения серий “*Antiques Roadshow*” (*Shamelessly fills up your TiVo with Antiques Roadshow*), подчеркивает его классический дизайн, имплицитно, что это шоу об антиквариате достойно внимания классического мотоцикла. Таким образом, весь

объем концептуальных знаний содержится в одном прецедентном имени, что значительно сокращает текст рекламы.

В ходе проведенного исследования были замечены некоторые тенденции, которые будут подвергнуты лингвистическому анализу в перспективе работы над проблемой когнитивно-прагматического потенциала прецедентных имен. В качестве одной из них, например, выступает имплицитность прецедентного имени. Так, в рекламе автомобиля *Infiniti Kuraza* «Впервые людям, способным купить если не футбольный, то хотя бы исторический Челси, не придется в шестиместной машине сидеть в проходе в задний отсек» (Maxim 2005, № 03) путем не прямой номинации используется прецедентное имя – *Р. Абрамович*. Это становится ясным, т.к. покупка футбольной команды «Челси» – прецедентная ситуация, связанная с этим именем. Использование и описание прецедентной ситуации в данном рекламном тексте позволяет с помощью не прямой номинации использовать прецедентное имя – *Р. Абрамович* – и, как следствие, указывать на такой дифференциальный признак рассматриваемого прецедентного имени, как богатство, трансформируемый по отношению к автомобилю в такое свойство последнего, как высокая цена.

Еще одна современная тенденция организации рекламного текста с элементами прецедентности – исчезновение прецедентных имен в рекламном тексте и их переход в графический текст. Чаще всего графический текст представлен изображениями литературных героев и представителей спорта и шоу-бизнеса (рис.4, рис.5).

Рис. 4.

Рис. 5.

Анализ прецедентных имен, как представляется, позволит значительно расширить научные представления о когнитивно-прагматической специфике прецедентных имён.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 587 с.
2. Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. М.:Гнозис, 2002. 284 с.

Поддубняк А.А.*

ЛЕКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТА «ЭПИЧЕСКИЙ ГЕРОЙ» (НА МАТЕРИАЛЕ ДРЕВНЕАНГЛИЙСКОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ «БЕОВУЛЬФ»)

The article is devoted to the peculiarities of the conceptual representation of an epic hero. The research is based on the material of the Old-English text of the poem “Beowulf”. The work includes the analysis of the lexical means serving for the creation of the defined concept through the perspective of the hero’s moral qualities, martial characteristics, the description of his legendary weapon, illustrious genealogy, exploit and tragic death.

Key words: concept, epic hero, Beowulf, Old English.

Аннотация: Данная статья посвящена особенностям репрезентации концепта «эпический герой». Исследование проводится на материале древнеанглийского текста поэмы “Беовульф”. В работе анализируются лексические средства, служащие для создания заданного концепта через призму нравственных качеств героя, воинских характеристик, описания его легендарного оружия, прославленной родословной, подвига и трагической гибели.

Ключевые слова: концепт, эпический герой, Беовульф, древнеанглийский язык.

В сфере научных знаний существует ряд терминов и понятий, которые не могут принадлежать сугубо одной дисциплине. Так и концепт – он нашёл своё место в философии, логике, психологии, культурологии. В рамках науки о языке мы будем определять концепт, исходя из принципов когнитивной лингвистики, поскольку именно концепт является ключевым понятием вышеназванного направления.

---

* Научный руководитель – канд. филол.наук, доцент Прохорова О.А. (Сибирский федеральный университет)

Понятие концепта невероятно обширно. Во многом благодаря этому, определение данного понятия вызывает трудности у лингвистов. Существуют различные подходы к трактовке данного термина. Близкое же к нашему понимание концепта было предложено З.Д. Поповой и И.А. Стерниным, которые определяют его, как “дискретное ментальное образование, являющееся базовой единицей мыслительного кода человека, обладающее относительно упорядоченной внутренней структурой, представляющее собой результат познавательной (когнитивной) деятельности личности и общества и несущее комплексную, энциклопедическую информацию об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и отношении общественного сознания к данному явлению или предмету” [Попова, Стернин, 2007: 24].

Концепт имеет свойство реализоваться посредством языка. Проблема соотношения слова и концепта на сегодняшний момент остаётся предметом активных споров и дискуссий в когнитивной лингвистике. Однако учёные сходятся во мнении, что слово всё-таки является наиболее полным и адекватным отражением содержания концепта. При этом стоит отметить, что далеко не всегда концепт соотносится лишь с одной языковой единицей [Пименова, Кондратьева, 2011: 64-65].

В рамках данного исследования концептуальные исследования языка стоят не только на службе языкознания, но и исторической науки, ибо речь пойдёт о когнитивной системе британцев периода Раннего Средневековья. Выражаясь точнее, мы будем говорить о главной составляющей героического эпоса – его герое. Литература представляет уникальную ценность для всего человечества. Она, как часть искусства, служит народу: она всегда отражает те явления, которые происходят в обществе. Люди умирают, но литературное наследие может жить вечно. Тем литература и помогает исторической науке – читая тексты той или иной эпохи, мы можем сделать определённые выводы об обществе соответствующего временного отрезка.

Англосаксонские времена характеризуются расцветом эпической поэзии. Особую ступень занимает героический эпос. Он “является коллективной памятью народа; в нём нашли своё отражение духовные составляющие нации, её идеалы, ценности, традиции. В нём воплощены народные нормы героического поведения, а также синтезированы представления народа о королевской власти, дружине, о героях; он пронизан духом народного патриотизма” [Героический эпос, 2007-2012]. Настоящей жемчужиной такого рода памятников является поэма “Беовульф”, во многом благодаря тому, что является единственной сохранившейся в полном объёме древнеанглийской поэмой. На материалах этого произведения и основано наше исследование.

Изображение образа выдающегося человека является ключевой задачей героического эпоса. Как пишет об этом один из крупнейших исследователей германского эпоса С.М. Боура: “герой прибавляет величия человеческому роду, показывая, на какие подвиги тот способен; <...>. Как бы сильно ни ощущали обычные люди свое несоответствие этому идеалу, они почитали его, поскольку он открывал возможность приключений и переживаний, а также славы, которая привлекала даже самых скромных и смиренных. <...>. Герои утверждают стремление человека прорваться сквозь тягостные границы человеческой бренности к более полной и насыщенной жизни” [Боура, 2002: 8-9].

Среди авторов эпических сказаний наблюдалась тенденция к гиперболизации качеств своего героя. Одна из причин такого явления лежит в собирательном характере образа, т.е. в эпическом герое отражались все общие черты представителей того или иного народа. “Сам образ могучего богатыря, олицетворяющего силу и мощь своего племени, лишённого индивидуальных черт, но зато наделённого гиперболизированными достоинствами, нацелен на выполнение главной задачи, стоящей перед ним, – защиты племени (своего или дружественного)” [Мельникова, 1987: 46]. Поэтому, если говорить, например, о силе, то сила эпического героя – это сила всех представителей того

или иного этноса. Соответственно, герой эпической поэмы – это «цвет нации», лучший представитель своего народа.

Анализ текста древнеанглийской поэмы “Беовульф” позволяет сделать вывод, что “эпический герой” - это сложный, многоуровневый концепт, или *суперконцепт*. Его формируют два ярко выраженных *императива*: с одной стороны, эпический герой – это выдающийся по своим способностям воин, для номинации которого в древнеанглийском языке существует богатый синонимичный ряд -wiga, hæle, hilderinc, freca, eorl, sceaða; с другой – выдающийся по своим личностным качествам человек, благородный человек – æðeling, eorl, ealdorman. Что интересно, семантика слова *eorl* распространяется как на значение “дворянин”, так и на “воин”. Это может свидетельствовать о сращении этих двух социальных ролей в англосаксонском обществе.

В свою очередь, концепт воителя и концепт высоконравственного благородного человека непросты в своей структуре. Они характеризуются различными *концептуальными признаками*. Рассмотрим их более подробно.

Поскольку основная функция эпического героя проявляется в ратном деле, то было бы вполне логично обратить пристальное внимание на его **воинские характеристики**: отвага, сила, ловкость, сноровка, высокое умение владения оружием и верховой езды. Уже с самых первых строк появления Беовульфа в поэме автор восхваляет **силу** – strengð своего героя, говоря о ней в превосходной степени - mægenstrengest:

Higeláces þegn gód mid Géatum, Grendles daéda; sé wæs moncynnes mægenes strengest on þaém dæge þysses lífes æþele ond éacen (194-198).

Услышал весть о победах Гренделя храбрец гаутский, дружинник Хигеллака – он был сильнейшим среди могучих героев знатных, статный и гордый (Пер. В. Тихомирова).

Не уступал Беовульф и в **отваге**, об этом автор неоднократно упоминает. Для этого используются прилагательные *dædcēne* и *hildedēor*, обозначающие храбрый в подвигах и храбрый в битвах соответственно:

Ðā cōm in gān ealdor ðegna, dædcēne mon dōme gewurþad
hæle hildedēor, Hrōðgār grētan (1647-1649).

*Там шагал и владыка воинов, храбрый в подвигах муж, славу добывший,
воин, смелый в битвах, Хродгара поприветствовать (Пер. В Тихомиро-
ва).*

В отрывке также упоминается слава героя – dōm, так высоко ценившаяся более тысячи лет назад. Сделавшего себе доброе имя мужчину помнили и почитали ещё долго после его смерти. Это оставляло свой след и на потомках. Так возникали знаменитые династии королей или же просто видных деятелей. Поскольку эпический герой – это выдающаяся личность, коей стать мог не каждый, вполне логичной характеристикой такого героя была **принадлежность к знатному роду**. Являясь сыном Эгтеова, Беовульф происходит из рода правящих особ. Об этом не забывает при случае упоминать поэт в своём повествовании, где bearn означает дитя, потомок, отпрыск, потомок:

Wēowulf mæpelode, bearn Ecgþēowes (1651):

Молвил Беовульф, потомок Эгтеова (пер. В Тихомирова)

Беовульф являлся племянником – nefa своему королю Хигелаку. И дары, полученные от конунга Хродгара за убийство Гренделя и его матери, герой преподнёс своему дяде:

Ðā ic ðē, beorncyning, bringan wylle, ēstum geŷwan. Ġēn is eall æt ðē
lissa ġelong; ic lŷt hafo hēafodmāga nefne, Hyġelāc, ðec (2148-2151).

*И теперь те сокровища я тебе от души подношу, господин мой,
ибо счастье ищу лишь в твоей благосклонности: ты родня мне,
– один из немногих! – добрый мой Хигелак! (Пер. В. Тихомирова)*

В данном эпизоде поведение героя можно объяснить несколькими составляющими. Первое – крепкая кровная связь, почитание своего рода: герой утверждает, что мало у него осталось родичей – hēafodmāg. С другой стороны Беовульф проявляет наилучшим образом свои подданнические качества, т.е. **верность** – ġetrēowþ своему господину и поиск его благосклонности –

liss. Но также здесь дары Беовульфа мы можем интерпретировать как знак **щедрости** и **бескорыстности**, ведь Беовульф ничего не должен Хигелаку, ибо тот никоим образом не помог герою в свершении его подвигов. Всё это говорит о **высоких нравственных установках** героя.

Щедрость Беовульфа проявляется и в других эпизодах поэмы. Так, например, всё те же сокровища, дары Хродгара, Беовульф разделил со своими дружинниками (участие коих в непосредственном убийстве чудовищ также является незначительным). В следующем отрывке, герой вручил (*gesellan*) позолоченный меч – *bundengoldesweord* корабельному сторожу – *bātweard*:

Hē þǣm bātwearde bunden golde swurd ge sealed þæt hē
syðþan wæs on meodubence mǣrme þū weorþra yrfelāfe (1900-1904).

*Корабельного Беовульф одарил караульщика
золоченым мечом, дабы этим отличием, древним лезвием,
страж гордился в застольях бражных. (пер. В Тихомирова)*

Что характерно, поэт заканчивает данный отрывок словом *yrfelāf*, в переводе – семейная реликвия. Данная деталь может свидетельствовать, уже не в первый раз, о ценностях родовых уз. Помимо высоких нравственных качеств, Беовульф обладает выдающимся **умом**. Король Данов Хродгар использует сравнительную степень наречия *snotorlice* – мудро, отзываясь о своём спасителе Беовульфе:

Ne hȳrde ic snotorlicor on swā geongum fēore guman þingian (1842-1843).
разума большего в людях столь молодых не встречал я! (Пер. В Тихомирова)

Для эпического сказания необходима внушительная визуализация своего героя, т.е. он должен обладать **физическим превосходством** над другими: рост, могучее сложение, привлекательность. Этому можно найти подтверждение в и тексте поэмы. Так, увидев впервые Беовульфа, датский стражник эмоционально подмечает **привлекательную – ænlic наружность** - *ansūn* героя:

Nǣfre ic mǣran geseah eorla ofer eorþan ðonne is ēower sum, secg
on searwum· nis þæt seldguma waēpnum geweorðad·

nǣfne him his wlite lēoge, ǣnlic ansȳn! (247-251)

*И я ни в жизни не видел витязя сильнее и выше,
чем ваш соратник – не простолюдин в нарядной сбруе. –
кровь благородная видна по выправке! (пер. В Тихомирова)*

Вся жизнь эпического героя – это поле вечной битвы; он не может вести мирную, размеренную жизнь – он не создан для этого. Его удел – свершение **подвигов** – dǣd, которые являются смыслом его жизни и основным предназначением. В “Беовульфе” эпический герой совершает три подвига – убивает Гренделя, его мать и дракона. Этими деяниями Беовульф не только освобождает народ от гнёта чудовищ, но и делает своё имя прославленным. **Слава** – mǣgð, dōm для героя является той монетой, которой он хочет быть вознаграждённым за свои ратные труды.

Swā bealdode bearn Ecgðēowes, guma gūðum cūð,

gōdum dǣdum, drēah æfter dōme (2177-2179),

*Таков был сын Эгтеова, человек, знакомый битвам,
славные подвиги свершавший славы ради (пер. В Тихомирова)*

Среди наиболее значимых атрибутов эпического героя можно выделить уникальное **оружие**– wǣpen, подвластное лишь одному герою. Таковое было и у Беовульфа; тот нашёл клинок в пещере матери Гренделя. Меч обладал легендарным происхождением – его сделали мифические гиганты gīganta geweorc (гигантов работа); и был неподвластен обычному смертному человеку: hit wæs mǣre ðonne ǣnig mon oðer ætberan mehte – он (меч) был тяжелее, чем любой другой человек унести мог:

Ġeseahðā on searwum sigeēadig bil, eald sweord eotenisc ecgum þȳhtig

wigena weorðmynd; þæt wæs wǣrna cyst būton hit wæs mære ðonne ænig
mon oðer

tō beadulāce ætberan meahthe, gōd ond geatolic gīganta gēweorc (1557-1562).

*Тогда он увидел среди сокровищ орудие славное, мечпобедный,
во многих битвах он был испытан, клинок – наследие древних гигантов;
несоразмерный, он был для смертного излишне тяжек
в игре сражений (пер. В Тихомирова)*

Древнеанглийскому языку было присуще, как минимум, четыре лексемы с семантикой “меч” – *sweord, mēse, bil, ecg*, а также характерные для германской поэзии кеннинги – метафорические выражения, как, например, *searwum* – инструмент битвы. Для сравнения, в современном варианте английского существует лишь одно слово *sword*. Всё это свидетельствует об особой роли холодного оружия в англосаксонском обществе - в те времена война была обыденной вещью, и выживали только сильнейшие.

У древних германцев герой, погибающий в битве, почитался больше, чем тот, кто остался жив. По большому счёту, трагический финал прибавляет интерес к любой истории, но если говорить касательно “Беовульфа”, то в данной поэме **смерть** героя – *dēað* имеет куда больший смысл. Здесь речь идёт о воинской чести: хорошему воину не подобает страшиться смерти; он должен с радостью встретить её в любой момент. К тому же, согласно древнегерманским мировоззрениям, мужчине позорно умереть в своей постели – он должен сгинуть в бою. Так и сам Беовульф; он прожил долгую жизнь, но, решившись на битву с драконом, понимал, что этот подвиг станет его последним:

Sceolde lǣndag aepeling ærgōd ende gebīdan,

worulde līfes, ond se wurm somod (2341-2343)

*а вождь был должен дни этой жизни в битве окончить, убив чудовище,
издревле хранившее клад курганный! (пер. В Тихомирова)*

Получив раны от схватки с огнедышащим змеем, Беовульф не стал бороться за свою жизнь; он ощущал на себе дыхание смерти:

Bīowulf mabelode: hē ofer benne spræc wunde wælblēate;
wisse hē gearwe þæt hē dæg hwīla gedrogen hæfde eorðan wynne;
ðā wæs eall sceacen dōgorgerīmes, dēað ungemete nēah (2724-2728):

*Промолвил Беовульф, перевозмогающий смертную муку,
ему осталось, он чуял, мало земного счастья;
силы иссякли; пришли к пределу дни его жизни,
и смерть приблизилась (Пер. В Тихомирова).*

Как и подобает великому воину, Беовульф с легкостью – sōfte принимает исход своих дней:

þæt ic ðȳ sēft mæge æfter mādðumwelan mīn ālǣtan
līf ond lēodscipe þone ic longe hēold (2749-2751).

возлягу рядом без печали жизнь покину и власть земную (Пер. В Тихомирова).

В данных отрывках философия смерти англосаксов отражена с помощью употребления таких языковых средств, как претерито-презентные глаголы *sculan* и *maȝan* с оттенками модальности.

Таким образом, в ходе исследования были выделены лексические средства, служащие способом репрезентации концептов “воин” и “высокородный, высоконравственный человек”, собственно формирующие сам концепт “эпический герой”. Однако при всей рассмотренной взаимодополняемости этих двух концептуальных *доминантов* мы не можем утверждать об их равнозначном статусе по отношению к самому герою. Объяснение кроется в следующем: эпическая поэзия строится на конфронтации категорий добра – *god* и зла – *yfel*, т.е. кармическая цель эпического героя состоит в том, что бы вступить в схватку со злом во имя добра. Зло всегда олицетворяется либо всевозможными чудовищами, что мы непосредственно можем наблюдать в “Беовульфе”, либо – иноземными захватчиками. Единственно возможный

способ противостояния такому злу – это война – *wig*. Соответственно, эпический герой – это в первую очередь хороший воин, а уже потом хороший человек.

Ядром суперконцепта “эпический герой” является концепт “воин”, который вербализуется в тексте поэмы с помощью имён существительных и прилагательных: сила – *strengð*, отвага – *ellen* (*dǣdcēne* / *hildedēor* – храбрый в подвигах / битвах, *from* – храбрый), привлекательная наружность – *ǣnlicansȳn*, подвиг – *dǣd*, слава – *mǣrð*, *dōm*, *weorðmynt*, оружие – *wǣpen*, *searwum*, меч – *sweord*, *bil*, *ecg*, *mēce*, смерть – *dēað* (лёгкая – *sōfte*). Следовательно, к *периферии* исследуемого суперконцепта относится содержание концепта «благородного и высоконравственного человека», а именно, знатное происхождение (дворянин – *ǣðeling*, *eorl*, *ealdorman*) с наложением *когнитивных слоёв* из лидерских качеств (лидер – *lēod*), мудрости – *snotorness*, щедрости, бескорыстности, верности слову, долгу и господину (*getrēowe* – верный).

Проведенный лексико-семантический анализ позволяет утверждать, что концепт “эпический герой” являлся доминантой героической *концептосферы* ранних англосаксов. Он представлял собой доблестного воина с морально-этическими качествами исключительно положительной коннотации. Однако стоит также обратить внимание на то, что описанные концепты наполнялись в ту эпоху отличным от современного содержанием. Как, впрочем, и само представление о герое за тысячу с лишним лет изменилось до неузнаваемости.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Боура С.М. Героическая поэзия. М.: Новое литературное обозрение, 2002. 808 с.
2. Героический эпос // Культуролог. 2007-2012 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kultu-rolog.ru/publication/geroicheskij-epos/> (дата обращения: 20.04.2015).

3. Мельникова Е.А. Меч и лира. Англосаксонское общество в истории и эпосе. М.: Мысль, 1987. 203 с.
4. Пименова М.В., О.Н. Кондратьева. Концептуальные исследования. Введение: учеб.пособие. М.: ФЛИНТА: Наука, 2011. 176 с.
5. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. Учебное издание. М.: АСТ: “Восток-Запад”, 2007. 226 с.
6. Стернин И.А. Методика исследования структуры концепта // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: Научное издание / под ред. И.А. Стернина. Воронеж, 2001. 182 с.

Сташишина Ю.М. *

ОБРАЗ РОССИИ В ИСПАНСКИХ СМИ

The article focuses on contemporary analysis of the image of Russia in the Spanish media. Relevance of the topic is determined by the interest in political PR and attention to creation a positive image of our country abroad. As the material for the research the Spanish daily political newspapers «El Mundo» and «ABC» in the period from 2012 to 2014 were chosen. The analysis helped to reveal a set of criteria by which the image of the country is created. Also, the authour found out the key words in the context of which Russia is viewed in the Spanish media space.

Key words: the image of the state, political PR, Spanish media space, the image of Russia.

Аннотация: Статья посвящена анализу современного образа России в испанских средствах массовой информации. Актуальность темы определяется ростом интереса к политическому пиару, созданию положительного образа государства за рубежом. Материалом исследования послужили статьи из испанских ежедневных общественно-политических газет «El Mundo» и «ABC» в период с 2012 по 2014 годы. В результате анализа удалось установить ряд критериев, по которым создается образ государства. Также получилось выделить ключевые слова, в контексте которых рассматривается Россия в испанском медианпространстве.

Ключевые слова: образ государства, политический пиар, испанское медианпространство, образ России.

При проведении любой внешнеполитической кампании государству необходимо учитывать ряд немаловажных факторов. К ним относятся не только защита границ и интересов, но и психологические факторы. «Одним из важнейших психологических факторов международных отношений является восприятие того или иного государства гражданами других государств. При этом, как показали исследования политических психологов, «важней-

---

* Научный руководитель – ст.преп. кафедры журналистики Богуславская О.В. (Сибирский федеральный университет)

шим каналом формирования образа государства в общественном мнении других стран являются средства массовой информации» [Виноградова, 2010: 3]. Зачастую СМИ помогают выстроить диалог между разными культурами, а иногда, наоборот, могут побудить к конфликтам.

Интерес к изучению образа государства в России возник в начале 1990-х годов, когда политическое руководство определило одной из первоочередных задач – создание положительного имиджа Российской Федерации за рубежом.

Основным понятием данной работы является «образ государства». «Образ государства – это устойчивый и диверсифицированный географический образ, основной чертой или особенностью которого является стремление к усложнению структуры и усилению степеней взаимосвязанности его основных элементов» [Замятин, 2001: 107].

Актуальность исследуемой темы определяется ростом интереса к политическому пиару. Сегодня тема создания положительного образа России становится очень популярной в связи с последними политическими событиями. Россия сегодня воспринимается США и западноевропейскими странами, как «некое зло, диктат». В этом контексте хотелось бы рассмотреть подробнее, как конструируется образ России в зарубежных СМИ.

Д.Н. Замятин в своем исследовании «Образ страны: структура и динамика» говорит о том, что структуру образа страны можно представить в виде «матрешки»: «стержневой, или "ностратический" образ как бы спрятан внутри нескольких "упаковок", которые обеспечивают его элиминирование и, в известном смысле, репрезентацию» [Замятин, 2001: 107]. Стержневой образ продуцирует большое количество вторичных. В качестве стержневого могут выступать определенные культурные, природные, социологические характеристики. Кроме того, часто основанием образа государства могут являться «образы-архетипы» – мощные макрогеокультурные образы, лежащие в основе целого образно-географического "кластера".

Образ глубоко связан с нашим сознанием, как индивидуальным, так и групповым. В связи с этим В. В. Барабаш в своем исследовании отмечает, что менталитет и архетип являются центральными понятиями, которые соединяют образы и эмоции.

Образ государства также создается посредством использования стереотипов, идеологем.

В контексте создания образа государства большую роль играют этнические стереотипы. К ним относятся экзоэтностереотипы и эндостереотипы. Экзоэтностереотипы – представления о конкретном народе, которые свойственны другим народам. Эндостереотипы, в свою очередь, наоборот – представления о своем народе, которое свойственно ему самому. Эндостереотипы обычно идеализируют представителей определенной народности, тогда как экзоэтностереотипы, искажают это представление.

Образ напрямую связан с мифом. Существуют отдельная категория мифов – политические. «Политические и идеологические мифы создают образы новой реальности, часто становятся организующим началом в поведении людей» [Барабаш, 2011: 164]. Так, политический миф о России основан на восприятии страны, как государства с политическим деспотизмом.

В нашей работе для вычленения образа государства мы будем использовать следующие критерии:

- 1) архетипы, стереотипы, мифы и идеологемы;
- 2) композиционные особенности текста;
- 3) апелляция к другим зарубежным средствам массовой информации;
- 4) отсылка к авторитетному лицу, цитаты;
- 5) иллюстративный образный ряд (фотографии, иллюстрации).

В целом, во все времена образ России был скорее негативен. В.В. Барабаш отмечает, что с ней ассоциировались агрессия, военно-полицейский режим, культурная отсталость. В досоветский период Россия выступала в качестве «тюрьмы народов» и «жандарма Европы». СССР представлялся как

«империя зла», в постсоветский период Россия – место, где процветает нищета, коррупция и преступность.

Сегодня Западные страны очень редко интересуются Россией. Интерес их, как правило, эпизодичен. Он обостряется в связи с конкретными – чаще всего сенсационными и не способствующими улучшению репутации нашей страны событиями внутренней и внешней политике (война в Южной Осетии, ситуация на Украине и др.).

В целом политика Испании в отношении России развивается в соответствии с политикой ЕС. «Как и для других западноевропейских стран, для Испании Россия ассоциируется с мафией, коррупцией, олигархами, авторитаризмом, цензурой, энергетическим шантажом, живучестью постимперского синдрома» [Астахова, 2011: 5].

Материалом исследования послужили статьи из испанских ежедневных общественно-политических газет «El Mundo» и «ABC» в период с 2012 по 2014 годы.

«El Mundo del Siglo XXI» – ежедневная общественно-политическая газета Испании. Является одним из самых читаемых и авторитетных изданий страны. Разовый тираж газеты – 330 тыс. экземпляров. Первый номер газеты вышел 23 октября 1989 года. Издание придерживается правоцентристкой, либеральной политики. Критично относится к Социалистической партии Испании.

«ABC» – ежедневная общественно-политическая газета, третья крупнейшая газета. Является самой старой газетой: выходит с 1 января 1903 года. Издание поддерживает монархические и консервативные политические взгляды. Тираж газеты составляет 240 тыс. экземпляров.

Базой нашего исследования послужили материалы газет в период с 01.01.2012 по 31.12.2014 годы, находящиеся в открытом доступе на интернет-сайтах изданий.

Первым этапом исследовательской части работы стала выборка необходимых материалов. Для этого использовался метод сплошной выборки.

Поиск по ключевым словам «Россия» и «россияне» помог нам очертить круг материалов. Мы определили, что особый интерес Россия вызывала в марте-апреле 2014 года, что легко объясняется политической ситуацией в мире. Данная работа помогает нам подтвердить вывод, что интерес к нашей стране, как правило, эпизодичен и связан напрямую с событиями международной важности. До 2014 года такими событиями были: выборы Президента РФ, конфликт в Сирии, закон о защите детей от пропаганды нетрадиционных отношений. В 2014 году: Олимпиада в Сочи, конфликт на Украине.

При анализе статей мы учитывали и их тематическую принадлежность. Стоит отметить, что самая частотная рубрика, в рамках которой рассматривалась Россия, – это международная политика.

рубрика	“El mundo”			“ABC”		
	201 2	201 3	201 4	201 2	201 3	201 4
Междуна- родная полити- ка	517	584	112 7	108 9	185 8	300 1
Экономика	57	108	182	181	342	577
Мнения	-	-	111	161	163	340
Спорт	217	159	198	387	367	395
Культура	40	57	59	185	182	179
Наука	60	61	60	69	87	47

Следующим шагом стало выделение других ключевых слов, которые бы могли помочь определить круг тем и образов, в контексте которых наиболее часто обсуждается Россия.

Ключевое слово	“El mun- do”	“ABC”
Путин	1463	4224

Рос- сия+Украина	547	3553
Сочи	362	798
Сталин	230	684
Водка	240	317
Pussy Riot	138	312

Такими словами стали: Путин, Россия+Украина, Сочи, Сталин, водка, Pussy Riot. Выбор именно этих слов связан с предполагаемой частностью данных слов, а также информационной повесткой рассматриваемого времени (Россия+Украина, Сочи, Pussy Riot), крупнейшими стереотипами (водка) и идеологемами (Путин, Сталин). Данная таблица показывает, что образ главы нашего государства чаще всего и определяет образ России: «Путин» является самым часто употребляемым словом в текстах о России. Отдельный пласт текстов составляют материалы о Русско-Украинском конфликте и об Олимпиаде в Сочи. Стереотипизированные концепты «Сталин» и «водка» формируют другие группы текстов о культуре и истории. Стоит отметить, что материалы о Сталине – это в большинстве случаев именно аналитические материалы о переосмыслении истории нашей страны и об исторических параллелях с настоящим.

Далее мы рассматриваем, как вычлененные нами ключевые слова работают на создание образа России. Для удобства этот анализ мы соотносим их с критериями, определяющими тот или иной образ: архетипы, стереотипы, мифы, идеологемы.

Архетипы: сюжет о величии России-матушки: «pero que resultará esclarecedor para cualquier lector occidental ávido de saber y empezar a conocer lo que ha sido y es la vida en la Gran Madre Rusia en nuestros días» («Но это будет поучительным для западного читателя, кто хочет узнать, какой была и есть сегодня жизнь в Великой матушке-России») [АВС, 29.02.2012];

Загадка и неповторимость русской души: «Contra esa «escala de valores» que el pudridero europeo trata de imponer universalmente siempre luchará el «alma rusa», mientras siga existiendo PARA entender el odio irracional» («Европа пытается навязать свою «шкалу ценностей», при помощи которой она всегда будет бороться с «русской душой» до тех пор, пока не поймет иррациональную ненависть») [ABC, 02.09.2014].

Стереотипы: атрибутика внешнего вида: «Muchos de los manifestantes iban ataviados con abrigos de piel, calzados con "valenki" (típicas botas de lana rusas), con la cara tapada por pañuelos y bufandas para combatir el frío» («Многие протестующие были одеты в шубы, «валенки» (типичные русские ботинки из шерсти), с лицом, обмотанным в платки и шарфы, чтобы согреться») [El mundo, 04.02.2012].

Идеологемы: «Iósif Stalin, el dictador comunista que convirtió la Unión Soviética en un enorme cementerio, enviando sin piedad a millones de compatriotas al paredón, y llenado a rebosar los GULAG (campos de concentración), sigue contando, pese a ello, con gran respeto y veneración en Rusia» («Иосиф Сталин, коммунистический диктатор, который превратил Советский Союз в огромном кладбище, посылая беспощадно миллионы соотечественников к стенке, и наполнил до краев ГУЛАГи (концентрационные лагеря), до сих пор, тем не менее, упоминается с большим уважением и почитанием в России») [ABC, 01.02.2013].

Проанализировав все материалы, можно выделить несколько основных тематико-образных групп, исходя из того, как и в каком контексте воспринимается Россия в Испании.

Россия как государство с авторитарной политической системой:

«La creciente influencia de la gente procedente de los servicios secretos en todas las esferas del Gobierno, el control del Estado sobre sectores estratégicos (como la energía o los medios de comunicación) forjaron un nuevo sistema: el “putinismo”» («Растущее влияние людей из спецслужб во всех сферах государственного управления, государственный контроль над стратегическими

секторами (например, энергией или в средствах массовой информации) создают новую систему: "путинизм"») [El mundo, 21.12.2013];

Россия как страна с многовековыми культурными традициями:

«Maslenitsa es representada en cada ciudad por una muñeca a la que se prende fuego en el epílogo de una fiesta que se celebra en 2012 entre el 20 y el 26 de febrero. Acto seguido todo el mundo se pide perdón mutuamente por los agravios que hayan podido causar durante el año pasado y se hacen buenas promesas para el futuro» («Масленица представлена в каждом городе как кукла, которая сжигается в конце праздника, отмечаемого в 2012 между 20 и 26 февраля. Праздник продолжается тем, что все просят прощения за причиненные обиды, вызванные в прошлом году, и говорят приятные пожелания на будущее») [ABC, 20.02.2012];

Россия как страна с великой историей:

«El personaje de Gagarin sigue estando de actualidad en Rusia» («Гагарин – фигура по-прежнему актуальная в России и сегодня») [El mundo, 25.07.2013];

Россия как страна националистов, где высокий уровень преступлений на национальной почве:

«<...>clásica proclama xenófoba “¡Rusia para los rusos!”» («<...> классическая ксенофобская прокламация: “Россия для русских!”») [El mundo, 14.10.2013];

Россия как страна, где нарушаются основные демократические права людей:

В большинстве материалов эта тема затрагивается в контексте принятого закона «О запрете пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений среди детей» и неуважительного уважения к сексуальным меньшинствам в целом:

«La comunidad homosexual nunca lo ha tenido fácil en Rusia. Hasta 1993 no fue abolido el artículo del código penal de Rusia que sancionaba con cárcel las prácticas homosexuales» («Гей-сообществу никогда не было легко в России. До 1993 года не была отменена статья Уголовного кодекса России, которая

наказывала лишением свободы практику нетрадиционных отношений») [El mundo, 24.03.2012];

Россия как один из главных объектов туристического бизнеса:

«Los rusos se han convertido en los turistas favoritos de la Costa del Sol» («Россияне стали любимыми туристами на побережье Коста-дель-Соль») [El mundo, 08.01.2013];

Образ государства может определяться образом его политического лидера.

«El es la cara de Rusia, una especie de “Mr. Rusia”» («Он – лицо России, “Mr. Россия”») [ABC, 04.03.2012];

«“Super Putin” se sumerge en batiscafo para inspeccionar una fragata hundida» («“Супер Путин” погружается в батискафе, чтобы осмотреть затонувший фрегат») [ABC, 16.07.2013];

«El Zar de la homofobia» («Царь гомофобии») [El mundo, 02.09.2013];

«Vladimir Putin, el carcelero de Rusia» («Владимир Путин – тюремщик России») [ABC, 16.11.2013].

Олимпийские игры рассматриваются с точки зрения побед и поражений, а также как политические игры:

«Todo listo para la olimpiada más cara y polémica de la historia» («Все готово для самой дорогой и обсуждаемой Олимпиады в истории») [ABC, 17.01.2014];

«Los llamados “Juegos de Putin” suponen un empeño personal del presidente por mostrar el poderío del país en una cita planetaria» («Так называемые “Игры Путина” представляют собой личный вклад президента, чтобы показать мощь страны в планетарном значении») [ABC, 27.01.2014];

В русско-украинском конфликте Россия представлена чаще с негативной стороны, в качестве атакующего государства, которое покушается на целостность территории Украины:

«El apetito ha ido a más desde que los soldados rusos entraron en Ucrania <... > En el mundo imaginario de Putin, las fronteras de 'Novorossiya' nunca se

han limitado al territorio que los separatistas controlan en la actualidad» («Аппетит пошел дальше, так как российские войска вошли на территорию Украины <... > В воображаемом мире Путина границы "Новороссии" никогда не были ограничены территорией, контролируемой сепаратистами сегодня») [El mundo, 07.09.2014].

В сентябре 2014 года в «El mundo» появляется даже специальная рубрика – Putinistán (по аналогии с Таджикистаном, Узбекистаном и пр.). Это блог, тема которого – критика внешней политики лидера России. Всего в 2014 году вышло 14 записей. Ведет этот блог специальный корреспондент газеты, который с 1999 года живет в России. Эти материалы отличаются более глубокими субъективными рассуждениями.

Анализ материалов Интернет-версий газет можно считать неполным, если не учитывать иные текстообразующие единицы, как заголовки, ссылки на другие источники, фотографии, видеоиллюстрации, инфографика и другие композиционные элементы.

Уже в содержании самого заголовка может содержаться представление автора о России или его персональная оценка политики государства:

«El imperio de Vladimir» («Империя Владимира») [El mundo, 16.03.2014];

«Putin, el autócrata pendenciero» («Путин – автократический хулиган») [ABC, 23.03.2014].

Активно журналисты используют в своих материалах фото. В большинстве случаев – это информативное фото, иллюстрирующее текст. Встречаются архивные фотографии. Кроме того, иногда появляются и карикатурные изображения, в основном политического содержания, а также картинки, подчеркивающие стереотипные представления о России. Инфографика встречается редко: с целью проиллюстрировать детали, которые трудно уложить в текст. Видео также присутствует в материалах испанских СМИ (ABC – 491, El mundo – 300). В большинстве случаев это либо видео, взятое из портала YouTube, либо собственный видео-контент.

По материалам исследования мы можем сделать ряд выводов:

1. Больше всего материалов о России встречается в 2014 году. Посвящены они русско-украинскому конфликту. Россия в этих материалах представлена как агрессор, нарушающий основные права человека, принятые в демократическом обществе.

2. Образ России в Испании неразрывно связан с образом политического лидера – В.В. Путина. Он предстает как диктатор, царь, который умело управляет Россией и хочет возродить её былое влияние на мировой арене.

3. Периодические издания «El mundo» и «ABC» формируют негативный образ нашей страны с одной стороны и, с другой, показывают Россию как государство с великой историей, культурой и мощным научным и военным потенциалом.

Мы видим, что образ государства в текстах СМИ может быть репрезентован на всех уровнях текста и текстообразующих единиц как в информационных жанрах, которые преобладают в анализируемом медиaprостранстве, так и в аналитических.

Средства массовой информации активно участвуют в формировании общественного мнения. В качестве одного из способов воздействия на него можно выделить создание и поддержание устойчивых образов. На наш взгляд, поддержание определенных образов средствами массовой информации является одним из способов манипулирования общественным сознанием.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Астахова Е. Россия и Испания: модернизация образов // Вся Европа: сетевой журн. 2011. Вып. №4(54). URL: <http://www.alleuropa.mgimo.ru/rossiya-i-ispaniya-modernizatsiya-obrazov> (дата обращения: 07.03.2015).

2. Барабаш В.В., Бордюгов Г.А., Котеленец Е.А. Образы России в мире: учебное пособие. М.: АИРО XXI, 2011. 296 с.

3. Виноградова Н.С. Политико-психологический анализ образа России в англо-американских печатных СМИ: автореф. дис. ... канд. полит. наук: 19.00.02. Москва, 2010. 138 с.

4. Замятин Д.Н. Образ страны: структура и динамика // *Общественные науки и современность*. 2001. Вып. № 1. С. 107-114.
5. Кузнецова А. Ю. Основные коммуникативно-информационные механизмы формирования имиджа государства в СМИ. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kafedramk.ru/> (дата обращения: 07.03.2015).
6. Липпман У. *Общественное мнение*. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2004. 384 с.
7. Ильичев Л.Ф., Федосеев П.Н. и др. *Философский энциклопедический словарь*. М.: Советская энциклопедия, 1989. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.term.ru/dictionary/180> (дата обращения: 07.03.2015).
8. Vladímir Putin: las mil caras de «El hombre sin rostro» // *ABC*, 15.02.2012 <http://www.abc.es/20120223/cultura-libros/abci-putin-descubierto-201202231254.html> (дата обращения: 10.03.2015).
9. La Maslenitsa convida a un panqueque // *ABC*, 20.02.2012 URL: <http://www.abc.es/viajar/20120220/abci-maslenitsa-convida-panqueque-201210080959.html> (дата обращения: 10.03.2015).
10. Putin: Él es Rusia... // *ABC*, 04.03.2012 URL: <http://sevilla.abc.es/20120304/internacional/rc-putin-rusia-201203040214.html> (дата обращения: 10.03.2015).
11. ¡Stalin resucita! // *ABC*, 01.02.2013 URL: <http://www.abc.es/internacional/20130201/abci-rusia-estalingrado-201301311843.html> (дата обращения: 10.03.2015).
12. «Super Putin» se sumerge en batiscafo para inspeccionar una fragata hundida // *ABC*, 16.07.2013 URL: <http://www.abc.es/internacional/20130716/abci-putin-aventura-batiscafo-201307161548.html> (дата обращения: 10.03.2015).
13. Vladimir Putin, el carcelero de Rusia // *ABC*, 16.11.2013 URL: <http://www.abc.es/internacional/20131116/abci-putin-carcelero-201311151706.html> (дата обращения: 10.03.2015).

14. Todo listo para la olimpiada más cara y polémica de la historia // ABC, 17.01.2014 URL: <http://www.abc.es/internacional/20140117/abci-sochi-olimpiadas-putin-201401162333.html> (дата обращения: 10.03.2015).

15. Sochi, escaparate de la nueva Rusia obsesionada por la seguridad // ABC, 27.01.2014 URL: <http://sevilla.abc.es/deportes/20140127/rc-sochi-escaparate-nueva-rusia-201401271254.html> (дата обращения: 10.03.2015).

16. Putin, el autócrata pendenciero// ABC, 23.03.2014 URL: <http://kioskoymas.abc.es/noticias/internacional/20140323/sevp-putin-autocrata-pendenciero-20140323.html> (дата обращения: 10.03.2015).

17. Odiosa Rusia // ABC, 02.09.2014 URL: <http://www.abc.es/lasfirmasdeabc/20140902/abci-odiosa-rusia-201409020228.html> (дата обращения: 10.03.2015).

18. 200.000 personas se manifiestan en Moscú a favor y en contra de Putin a -20° // El mundo, 04.02.2012 URL: <http://www.elmundo.es/elmundo/2012/02/04/internacional/1328346054.html> (дата обращения: 10.03.2015).

19. Gays y ortodoxos contra Madonna en Rusia // El mundo, 24.03.2012 URL: <http://www.elmundo.es/elmundo/2012/03/24/cultura/1332596204.html> (дата обращения: 10.03.2015).

20. Un festival de cine para los rusos de la Costa del Sol // El mundo, 08.01.2013. URL: http://www.elmundo.es/elmundo/2013/01/08/andalucia_malaga/1357654770.html (дата обращения: 10.03.2015).

21. El cine ruso santifica a Gagarin // El mundo, 25.07.2013. URL: <http://www.elmundo.es/elmundo/2013/07/24/cultura/1374689299.html> (дата обращения: 10.03.2015).

22. En toda la boca // El mundo, 02.09.2013. URL: <http://www.elmundo.es/elmundodeporte/2013/08/17/masdeporte/1376768717.html> (дата обращения: 10.03.2015).

23. Los ojos rasgados se ocultan en Moscú // El mundo, 14.10.2013. URL: <http://www.elmundo.es/elmundo/2013/10/14/internacional/1381750220.html> (дата обращения: 10.03.2015).

24. El presidente que domó al dinero // El mundo, 21.12.2013. URL: <http://www.elmundo.es/opinion/2013/12/20/52b4b4eb268e3e352a8b457d.html> (дата обращения: 10.03.2015).

25. El imperio de Vladimir // El mundo, 16.03.2014. URL: <http://www.elmundo.es/cronica/2014/03/16/5324271e268e3e1e288b456c.html> (дата обращения: 10.03.2015).

26. Alto el fuego, pero no para Putin // El mundo, 07.09.2014. URL: <http://www.elmundo.es/internacional/2014/09/07/540b47e822601d6d028b4578.html> (дата обращения: 10.03.2015).

Тихонова М.Н.*

**МОДАЛЬНЫЕ ГЛАГОЛЫ КАК СРЕДСТВО РЕ-
ПРЕЗЕНТАЦИИ ОБРАЗА РОССИИ
В АМЕРИКАНСКИХ СМИ**

The article deals with the negative image of Russia, formed in the American secondary foreign-policy discourse during the last year and a half in the context of the conflict in Ukraine. The peculiarities of the usage of modality of necessity and obligation in American press through which both political leaders and journalists express their attitude towards Russia were analysed. On the basis of the analysis the image of the Russian Federation was formed according to the Americans' perspective in terms of Russia's obligations towards the world and the USA in particular.

Key words: the image of Russia, discourse, modality, massmedia, obligation.

Аннотация: В данной статье рассматривается негативный образ России, сложившийся во вторичном внешнеполитическом дискурсе США за период последних полутора лет в рамках конфликта на Украине. Проанализированы особенности использования модальности необходимости и долженствования в американской прессе, посредством которых как политические лидеры, так и работники масс-медиа выражают свое отношение к России. На основе проведенного исследования составлен портрет Российской Федерации глазами американцев в аспекте ее обязательств перед миром и США в частности.

Ключевые слова: образ России, дискурс, модальность, СМИ, долженствование.

В статье представлена попытка выявить особенности использования модальности, как одной из центральных категорий языка, в информационной войне Америки по отношению к России. Учитывая, что последний год стал одним из самых насыщенных на международной арене, очень актуальным представляется понимание информационных стратегий, применяемых политиками в данной ситуации. В современной лингвистике много статей посвя-

---

Научный руководитель – кандидат филол. наук, доцент Башкова И.В. (Сибирский федеральный университет)

щено образу России, метафорам, используемым для его описания, однако посредством модальность образ страны в американских СМИ еще не был рассмотрен, это и составляет новизну исследования.

Материалом для анализа послужили высказывания с модальными глаголами долженствования и необходимости, содержащиеся в речах влиятельных лиц и известных средствах массовой информации США (таких как Washington Times, The New York Times, Financial Times, The National, Daily News, Washington Post и т. д.). Несмотря на то, что издания внутренние и целевой аудиторией выступают именно американцы, можно предположить, что скрытым адресатом является российское государство. Соответственно, существует информационное воздействие на массовое сознание граждан России, хотя и опосредованное.

Освещая конфликт на Украине, американские издания почти всегда прибегают к использованию субъективной модальности, что свидетельствует об отношении говорящего к ситуации с точки зрения ее вероятности, желательности и достоверности, и является полностью субъективным суждением, не основывающимся на каких-либо доводах. Таким образом, можно судить, что американцы навязывают миру свое видение и оценку ситуации, освещая собственный взгляд на происходящее.

Кроме того, Америка во всех высказываниях скрыто подчеркивает свое положение, возвышая себя над миром, наделив себя правом давать указания и определять обязанности других:

- *Forget the holiday from history. The US has to lead.*
- *The central principle of the United States' philosophy is based on only one thing: That we're No. 1 and everybody else has to recognise that.*
- *The U.S. needs a more ambitious role in Ukraine and Gaza*

Статус господствующей державы можно выделить и исходя из семантики модальности, которая выражается в примерах. Дело в том, что семантическая структура высказывания, содержащего долженствование, включает следующие компоненты: говорящий, субъект модальной оценки; субъект во-

люнгативности и субъект предметной ситуации. В любом высказывании данного типа всегда присутствует тот, кто дает указание или же субъект модальной оценки [Беляева, 1985: 163]. Иногда это президент США:

- *Russia **Must** Press Ukraine Rebelsto Allow Plane Probe.*
- *Pro-Russian separatists **must** keep their commitments and Russia **must** stop its violation in Ukraine sovereignty and territorial integrity.*

Однако в большинстве случаев журналисты позволяют себе выражать довольно важные суждения от собственного имени или же от имени издания:

- *Now all Russia **has to** do is promote dissent in Ukraine.*
- *In this case, Russia **has to** take responsibility for the implementation of the Minsk Protocol.*
- *This means that the Russian Federation **needs** to do more to stop the same “failed state syndrome” from destroying the independence of Syria.*
- *Mr. Putin **must** understand that the “Achilles heel” of the global financial system in 2014 is its reliance on the “cheap” money loaned by Western central banks at interest rates lower than the annual increases in consumer prices.*

Понятие модальности необходимости и долженствования относится к семантическому полю потенциальности. А.В. Бондарко, С.Н. Цейтлин, С.Н.Туровской и многие другие исследователи полагают, что модальное значение необходимости передает безальтернативное и неперемное превращение потенциального в актуальное. То есть американцы, выражающие, что Россия обязана что-то сделать, подразумевают, что на данный момент это не осуществлено, но потенциально и вполне возможно[Цейтлин, 1990, с. 142]. Таким образом, можно сделать вывод, что Россия не выполнила следующее:

- *Promotion of dissent in Ukraine;*
- *Appliance of all its influence on rebels to ensure the implementation of the Minsk agreement;*
- *Meeting its obligations in the agreement known as the Minsk accord;*
- *Taking responsibility for the implementation of the Minsk Protocol;*

- *Press Ukraine Rebels to Allow Plane Probe;*
- *Respect of Ukraine's Sovereignty;*
- *Pull Convoy From Ukraine;*
- *Start real peace negotiations;*
- *Help calm Ukraine;*
- *Withdraw weapons and troops from Ukraine territory.*

И в то же время, судя по статьям, Россия осуществляет некоторые действия, которые являются нежелательными и требуют прекращения, о чем можно судить по часто употребляемым глаголам *stop* и *avoid* после модальных глаголов долженствования и необходимости:

- *The inflow of weapons and troops from its territory into Ukraine;*
- *Action that could result in the Ukraine crisis escalating further;*
- *Support from its territory to pro-Russian separatists in eastern Ukraine;*
- *Support to Ukraine Separatists;*
- *Syrian Stonewalling at Peace Talks;*
- *Aggravating Ukraine Crisis;*
- *Lying and fueling this conflict;*
- *Its violation in Ukraine sovereignty and territorial integrity;*
- *Mass protest.*

В надеждах американцев эти пункты должны быть реализованы в ближайшем будущем. Вероятно, именно поэтому порой прописаны возможные последствия невыполнения Россией предписаний:

- *Russia must face increasing penalties unless it changes course on Ukraine.*
- *U.S. Says Russia Must Pull Convoy From Ukraine or Face More Sanctions.*

С другой же стороны, долженствование имеет схожие черты с идеальной необходимостью, но в отличие от необходимости оно не обязательно реализуется [Díaz, 2001, p. 9]. Возникает вопрос: будет ли исполнять все предписания Россия или нет, и от чего это зависит?

Стоит отметить, что в СМИ упор делается на избирательность внимания читателей. Именно поэтому в заголовках, где концентрируется основная идея, зачастую используются высказывания, содержащие модальность:

- *Putin 'needs to help calm Ukraine'*
- *Now Putin Has to Figure Out What to Do With the Separatists*
- *Putin's easy ride has to come to an end*
- *Obama: Russia Must Press Ukraine Rebels to Allow Plane Probe*
- *EU Leaders, Obama Agree Russia Must Face Further Sanctions*

Интересно, что кроме России в целом, часто обязанности возлагаются на президента. Дело в том, что модальность необходимости и долженствования выражает один тип модальности – направленного субъекта. Субъектом волюнтаривности, на чьи плечи ложится ответственность, является одно государство, однако обозначается оно по-разному: Россия, Российская Федерация, реже Путин или же президент России, и лишь в некоторых контекстах русские.

Разграничение долженствования и необходимости представляется достаточно сложным, так как значение необходимости включает в себя значение долженствования. Однако среди встретившихся примеров модальности, выражаемой посредством глагола *need*, который из всех более близок к модальности необходимости, таковых встретилось меньшинство:

- *What Russia **needs** to understand is if they continue with this approach in Ukraine, this pressure will be ramped up.*
- *The Russian Federation **needs** to step up.*
- *Wage delays are a hated symbol of the chaos of the Yeltsin era – politically Putin **needs** to avoid a return to endemic non-payment at all costs.*

Самым употребляемым, как ни странно, оказался *must*, около 45% от общего числа. В сравнении с другими глаголами ядра функционально-семантического поля необходимости в английском языке, данный глагол передает более настойчивый совет, скорее даже приказ, выполнение которого

обязательно и не оспоримо. С точки зрения прагматики, данный глагол используется для выражения директивных речевых актов. Таким образом, через данный глагол в американской прессе показывается статусное положение Америки и отношение к России не как к равной, а как к находящейся ниже на вертикали:

- *The territorial integrity of Ukraine must be restored and President Putin **must** understand that his destabilizing actions have serious and profound consequences for his country.*

- *Mr. Putin **must** be thrilled to have travel restriction eased on his Cuban moles, and potential U.S. Embassy personnel to show a good time to in Havana.*

- *Uncertainty is bad for all of us, Russia included! Russia "**must**" end its current policies! It "**must**" work with the rest of us to promote certainty!*

- *Russia **must** end this heartless spectacle.*

В ходе работы было выявлено, что американское общество, в частности политическое и масс-медийное, достаточно часто использует модальность необходимости и долженствования в сообщениях о России. В данных примерах Россия выступает субъектом волюнтаривности, которую выражают американцы в качестве субъекта модальной оценки. Из всех примеров можно выделить частое использование глагола *must*, так как данный глагол имеет приказной характер и подразумевает неравенство положения адресата и адресанта, чем и подчеркивается высокое положение Америки.

На основе предписаний России, в которых содержится модальность долженствования и необходимости, можно сделать вывод, что образ России, сложившийся из заявлений в СМИ, достаточно негативен. Россия представлена как страна, которая не выполняет обязательств Минского договора, не предполагает возможных последствий своих действий и потерь из-за текущего политического курса, поддерживает сепаратистов, не уважает суверенитет Украины, ввела свои войска на Украину, лжет и еще больше разжигает конфликт, осуществляет поставки оружия на территорию Украины, ее действия

способствуют развитию кризиса на Украине. В это время Америка, будучи выше по статусу, словно пытается сказать России, как вести себя и что предпринимать, чтобы скорее урегулировать конфликт.

Соответственно, образ страны и представления о ней далеко не всегда соответствуют взгляду ее граждан. Мнения других стран часто влияют на этот образ в разных ключах. И хотя каждая страна стремится к тому, чтобы о ней знали как можно больше, чтобы информация о ней была позитивной, способствовала уважению государства на международной арене, притоку инвестиций и туристов, результат не всегда соответствует ожиданиям. Сегодня можно с уверенностью сказать, что между Россией и США существует непонимание во многих сферах, которое носит скорее исторический и психологический характер и может быть постепенно устранено путем формирования адекватного образа России [Соловьева, 2011: 154].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Беляева Е. И. Функционально-семантические поля модальности в английском и русском языках. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1985. 179с.
2. Соловьева А.С. Негативный образ России (на примере американского издания “The New York Times”) // Политическая лингвистика. 2011. Вып. 4 (38). С.152-156.
3. Цейтлин С.Н. Необходимость // Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность / отв. ред. А.В. Бондарко. Ленинград: Наука, 1990. С. 142 – 156.
4. DíazE.M. La expresión de la modalidad de obligación en el Corpus del español conversacional de Barcelona y su Área Metropolitana, Universidad de Barcelona, 2001. 20 p.

Тургиников Е.В.*

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ И ФРАЗЕОЛОГИЗИРОВАННЫЕ ВЫРАЖЕНИЯ В ДРЕВНИХ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ ИСТОЧНИКАХ (НА ПРИМЕРЕ ЗАКОНОВ ХАММУРАПИ)

The article presents the results of the analysis of fixed phrases and phraseologized expressions functioning in the text of the ancient legal document “The Laws of Hammurabi”, enacted by the Baby Ionian ruler, Hammurabi, at the end of his reign. The selected linguistic material was analyzed with regard to its compliance with the phraseological criteria, on account of which it was classified.

Keywords: fixed phrases, categorical characteristics of fixed phrases, signs of phraseology, phraseologized expressions, “The Laws of Hammurabi”.

Аннотация: В статье представлены результаты анализа функционирования фразеологизмов и фразеологизированных выражений в тексте древнего законодательного памятника «Законы Хаммурапи», созданного правителем Древнего Вавилона Хаммурапи в конце его правления. Выбранный языковой материал анализировался с точки зрения его соответствия критериям фразеологичности, на основании чего он был подвергнут классификации.

Ключевые слова: фразеологизмы, категориальные признаки фразеологизмов, фразеологизированные выражения, законодательный документ, «Законы Хаммурапи».

Предметом данного исследования выбраны фразеологизмы и фразеологизированные выражения, функционирующие в тексте Законов Хаммурапи, которые представляют собой один из древнейших законодательных памятников [Сборник законов царя Хаммурапи, 1996: URL]. Целью исследования

---

* Научный руководитель – канд. филол. наук, доцент кафедры стилистики русского языка и журналистики ИФиМК Антонов В.П. (Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова, г. Абакан)

стало рассмотрение особенностей функционирования указанного языкового материала в тексте древнего правового документа.

Прежде всего нужно сказать об источнике выборки нашего языкового материала. Законы Хаммурапи представляют собой запись норм обычного права, судебной практики, узаконений царя Хаммурапи. Исследователи предполагают, что в данном древнем правовом документе были и заимствования из ранее принятых законов в XX веке до н.э. Сам сборник законов, написанный шестым царём Первой Вавилонской династии Хаммурапи (по другим источникам – Хаммураби) (1792-1750 гг. до н.э.) был найден в 1901 году Французской археологической экспедицией при раскопках на месте, где в древности находились Сузы – столица Эламского царства, восточного соседа Вавилонии.

Законы были вырезаны на большом базальтовом столбе (стеле), найденном разбитым на три куска. Ещё в древности небольшая часть текста была выскоблена, вероятно, по приказу эламского царя, привёзшего в Сузы после удачного набега на Вавилонию столб с Законами Хаммурапи как свой трофей. На выскобленном месте победитель, возможно, хотел, чтобы была вырезана надпись о его победе. Законы Хаммурапи в древности много раз переписывались на глиняных таблетках. Некоторые таблетки дошли до нашего времени, что дало возможность восстановить несколько статей законов из числа выскобленных на столбе. Так, в 1914 году Пенсильванский университет опубликовал найденную при раскопках в Ниппуре таблетку, содержащую текст статей 90-162 законов Хаммурапи [Сборник законов царя Хаммурапи, 1996: URL].

Названный документ, как было уже сказано, создан вавилонским царём Хаммурапи в конце его правления – примерно в 1750-х гг. до н.э. Свод законов включает в себя три части:

- преамбулу (общую вводную часть), в которой содержатся указания на обстоятельства, мотивы и цели создания Законов;
- судебник (основную часть), в котором излагается сам свод законов;

– заключительную часть, в которой Хаммурапи восхваляет себя (например: *Вот справедливые законы, которые установил Хаммурапи, могучий царь, тем самым давший стране истинное счастье и доброе управление*) и даёт наказ следующим правителям (в частности: *царь, который будет в стране..., пусть не изменит законы страны, которые я установил...*).

Начальная и завершающая части Законов Хаммурапи, с точки зрения признаков, свойственных официальным документам, резко диссонируют с основной частью – и прежде всего за счёт использования в них целой системы изобразительно-выразительных средств, что недопустимо в текстах подобных документов в соответствии с требованиями современного законодательства. Приведём примеры некоторых обнаруженных нами таких элокутивных (изобразительно-выразительных) средств:

– эпитеты: *мудрый вождь, смиренный богомолец, светлый государь, доброе управление, благая сень, драгоценные слова;*

– метафоры: *призвали озарять страну; укрепивший фундамент Сеппара; одевший зеленью часовню Айи; заставивший течьбогатство в храм и др.;*

– гиперболы: *утвердили в нём вечную царственность, дракон среди царей; [Я – Хаммурапи] Бог царей;*

–сравнения: а) *поднявший храм Эбарру, подобно небесному чертогу;* б) *в храме, фундамент которого прочно установлен, точно небеса и земля;*

– антитезы: а) *для неразумного они [слова и деяния Хммурапи – вставка наша, Е.Т.] – пустое,но мудрому они созданы для соблюдения;* б) *чтобы сильный не притеснял слабого;*

– восходящая градация: *мои слова отменны, моя мудрость не имеет себе равных* и т. д.

Основная часть Законов Хаммурапи представлена сведёнными в единое целое, говоря словами самого составителя, «справедливыми законами, которые установил Хаммурапи». Современные исследователи условно делят данный свод законов на 282 статьи, обозначенные в документе знаками парагра-

фов, 35 из них были стёрты ещё в древности, но частично восстановлены по глиняным табличкам, найденным в разных местах.

По своим особенностям язык основной части Законов Хаммурапи, как пишет И.В. Пекарская, менее изобразителен и выразителен, что приближает этот законодательный документ к языку подобных ему современных Законов [Пекарская, 2005: 163]. Этот аспект на данном этапе исследования не является предметом нашего интереса, но мы согласимся с утверждением названного лингвиста, что некоторая изобразительность в самом Своде законов всё же сохраняется. Подтверждением этого, помимо многочисленных полисиндетона и асиндетона (многосоюзия и бессоюзия), синтаксических параллелизмов, метафор, перифраз и др., являются фразеологизмы и часть фразеологизированных выражений.

Наш интерес к данному языковому материалу обусловлен тем, что исследование терминов и понятий, в том числе носящих фразеологический характер, как мы полагаем, позволяет проследить путь и особенности развития юридической лексики и фразеологии от их появления до отражения в современных правовых документах.

В связи с предметом изучения зафиксируем внимание на понятиях «фразеологизмы» и «фразеологизированные выражения».

Известно, что в языкознании до сих пор нет единого подхода к определению сущности фразеологизма как особой единицы языка, следовательно, нет и единого мнения по поводу того, каков состав этих единиц в языке. Так, В.Н. Немченко даёт в своём учебнике «Введение в языкознание» шесть определений рассматриваемого понятия, принадлежащих разным авторам [Немченко, 2013: 329-330]. Приведём из них в качестве рабочего для нас определения то, которое принадлежит Н.М.Шанскому: «Фразеологический оборот – это воспроизводимая единица языка из двух или более ударных слов, целостная по своему значению и устойчивая в своём составе и структуре» [Шанский, 1963: 21].

В качестве основных признаков данной единицы названный лингвист называет воспроизводимость, целостность значения, устойчивость состава элементов и структуры фразеологизмов (их непроницаемость) [Шанский, 1963: 18-28]. Эти же свойства в качестве взаимосвязанных универсальных и отличительных признаков фразеологизмов называет В.Н. Телия. Только целостность значения этой языковой единицы она характеризует как семантические сдвиги в значениях её лексических компонентов. См.: «Переосмысление, или семантическая *транспозиция*, лексико-грамматического состава, устойчивость и воспроизводимость – основные и универсальные признаки фразеологизма» [Телия, 1990: 559]. Ср.: *Рыбак закинул удочку и терпеливо ждал клёва и Пойду в деканат, закину удочку насчёт стипендии.*

Ещё один исследователь русской фразеологии А.И. Молотков во вступительной статье к «Фразеологическому словарю русского языка» приводит ряд критериев определения фразеологизма, к которым относит: устойчивость, целостность значения, не выводимая из суммы значений составляющих его слов, раздельнооформленность, воспроизводимость, непереводаемость на другие языки и др. Но ни один из них, по мнению учёного-фразеолога, ни сам по себе, ни в совокупности с другими, не является категориальным, определяющим, различительным, дифференциальным признаком фразеологизма. В качестве категориальных признаков, которые «в совокупности позволяют, с одной стороны, выделить его в самостоятельную единицу языка, а с другой, – отграничить от других единиц языка», лингвист предлагает выделить следующие признаки: лексическое значение, компонентный состав и наличие грамматических категорий [Молотков, 1986: 8].

В анализируемом нами материале устойчивых оборотов, отвечающим в совокупности перечисленным критериям, насчитываются единицы. Это вполне закономерно, так как перед нами текст, относящийся к официально-деловому стилю, в котором функционирование подобных средств должно быть сведено к минимуму. Приведём примеры собственно фразеологизмов, обнаруженных нами в тексте «Законов Хаммурапи», а также контексты их

употребления. Кроме того, в скобках дадим лексическое значение каждого устойчивого оборота, взятого нами из разных словарей фразеологизмов русского языка:

– **возводить напраслину** (‘ложно обвинять’): *Если хозяин пропавшей вести не привёл свидетелей, ...то он – лжеец, он **возвёл напраслину**;*

– **во имя** (‘ради’ кого, чего): *Если раб убежал из рук поймавшего его, то этот человек должен произнести клятву **во имя бога**хозяину раба;*

– **поднять взор** (‘покуситься на чьё-либо добро’): *Если в доме человека разгорелся огонь, а другой человек...**поднял свой взор** на добро домохозяина и взял добро домохозяина, то это человек должен быть брошен в этот огонь;*

– **загубить жизнь** (‘лишить жизни’): *Если при этом была **загублена жизнь**, то община и староста должны отвесить 1 мину серебра его родичам;*

– **на руках** (‘во владении, в распоряжении кого-либо’ быть, находиться, иметься и т. п.): *Если человек... дал [другому] человеку серебро, золото, драгоценные камни или другое имущество, что у него **на руках** и послал его для доставки на место...;*

– **в руках** (‘во владении, в распоряжении кого-либо’ быть, находиться, иметься и т. п.): *Если человек взял у тамкара зерно или серебро и не имеет зерна или серебра, чтобы вернуть, а имеет другое движимое имущество, то всё, что он имеет **в своих руках**, он может отдать своему тамкару...;*

– **по сердцу** (‘нравится’): *...а затем её может взять в жёны муж, который ей **по сердцу**;*

– **произнести клятву**(‘уверить, убедить кого-либо в чём-либо’): *Если при его продвижении в пути враг заставил его отдать всё, что он нёс, то шамаллум должен **произнести божественную клятву**, и он свободен (Ср.: дать слово);*

– **с пустыми руками** (‘ничего не имея при себе, ничего не получив, не добившись’): *...приёмный сын не должен уйти **с пустыми руками**;*

– *бог его поразил* (‘умер, скончался’ – о человеке; сдох, издох – о животных): *Если человек нанял вола, и бог его поразил, и он издох, то человек, нанявший вола, может произнести божественную клятву, и он будет свободен* (Ср.: *Кондрашка хватил [стукнул]* – ‘кто-либо скоропостижно умер, скончался’).

– *во что бы то ни было* (‘при любых обстоятельствах, несмотря ни на какие преграды’; ср.: *во что бы то ни стало*): *Если человек купил из рук сына человека или раба человека либо серебро, либо золото, либо раба, либо рабыню..., либо во что бы то ни было без свидетелей или договора или же принял на хранение, то этот человек – вор, он должен быть убит.*

Заметим, что у фразеологизмов-полисемантов *на руках* и *в руках*, которые во «Фразеологическом словаре русского языка» под ред. А.И. Молоткова даются в разных словарных статьях, то есть как разные фразеологизмы, нами указаны лишь те их словарные значения, которые соответствуют контексту их применения в тексте изучаемого «Кодекса Хаммурапи».

Далее остановимся на анализе другой группы нашего языкового материала – фразеологизированных выражениях. В отличие от первой группы примеров сочетания типа *подавать иск, брачное приношение, отвечать по иску, нести наказание, нести службу, наложить наказание, полноправный человек, возместить издержки* и пр., частотно встречающиеся в судебнике «Законов Хаммурапи», нельзя относить к собственно фразеологическим единицам (ФЕ), даже несмотря на то, что им свойственны некоторые признаки этих знаков языка.

В частности, к категориальным признакам, характеризующим ФЕ, относится воспроизводимость большинства подобных сочетаний, функционирующих в древнем правовом документе. Данное утверждение обосновывается нами тем обстоятельством, что они в разных контекстах неоднократно функционируют в статьях Законов Хаммурапи. Например: *в состоянии нести службу; в течение трёх лет нёс его службу; пусть он сам несёт свою службу; или ...после смерти её мужа её сыновья не могут предъявлять ей*

иска...; ...по поводу её приданного отец не может предъявлять иска; хозяин раба не может предъявлять иска к сыновьям дочери полноправного человека относительно рабства и т. д.

Кроме того, фразеологизированные выражения обладают, по А.И. Молоткову, грамматическими категориями, то есть могут согласовываться со словами контекста употребления, управлять ими или сами могут быть управляемыми, могут примыкать к слову, например: *отдавать за (чью?) свою долговую расписку, уплатить (что?) исковую сумму, возместить издержки (какие?) по обработке поля* и т. д.

Часть фразеологизированных выражений, в соответствии с точкой зрения В.Н. Телия, характеризуются семантическими сдвигами в значениях своих лексических компонентов, например: *вступить в дом другого* – «стать женой другого мужчины», «выйти замуж за другого»; см. контекст употребления: *Если человек бросил своё поселение и убежал, и после него его жена вступила в дом другого, то если это человек вернулся и захотел взять свою жену, то... жена беглеца не должна вернуться к своему мужу.* См. ещё один пример: *возлежать на лоне* – «прелюбодействовать, предаваться разврату, нарушать супружескую верность»: *Если человек выбрал своему сыну невесту, и его сын познал её, а затем он сам возлежал на её лоне, и его схватили, то этого человека должны связать и бросить его в воду.* В частности, семантические сдвиги, наблюдающиеся у оборотов, «стремящихся стать» фразеологизмами, позволяют провести приём их сопоставления: «во-первых со словом как единицей языка, который имеет некоторые общие с фразеологизмом признаки, во-вторых, со словосочетанием (или предложением), поскольку словосочетание (реже предложение) является генетическим источником фразеологизмов» [Молотков, 1986: 8] (см. примеры, приведённые выше). Отметим, что толкования иллюстрируемых выражений даны нами, исходя из содержания контекста их применения.

Приведённые выражения по отмеченным в их характеристиках признакам наиболее близки к фразеологизмам. Однако относить их в разряд собст-

венно фразеологизмов вряд ли правомерно. В первую очередь, это связано с тем, что в том материале, который мы условно называем фразеологическими выражениями, их компоненты в большинстве случаев всё-таки сохраняют признаки слова, в то время как компоненты фразеологизмов, по утверждениям лингвистов, например А.И. Молоткова, утрачивают все признаки слова (кроме их звуковых обликов): и свои лексические значения, и формы изменения, и синтаксические функции и т. д. [Молотков, 1986: 9] Ср.: *краеугольный камень* и *долговая расписка*; *взять в оборот* и *взять в залог*; *дурной глаз* и *дурное обращение*; *получить по шапке* и *получить прибыль*; *вступить в права* и *вступить к новому мужу* ('выйти повторно замуж') и т. д. (Первые примеры в приведённых парных сочетаниях взяты из «Фразеологического словаря русского языка» под ред. А.И. Молоткова, а выделенные полужирным курсивом выражения выбраны из нашего языкового материала – Е.Т.).

Сказанное не позволяет нам утверждать, что в значениях лексических компонентов анализируемых нами юридических фразеологизированных терминов произошли сдвиги в такой степени, что преобразовали бы их в целостные, неразложимые обороты, что свойственно фразеологизмам. Иначе говоря, несмотря на то, что фразеологизированные выражения воспроизводимы и в целом структурно устойчивы, они, по В.Н. Телия другим учёным, не обладают свойством идиоматичности – невыводимостью значения сочетаний слов в целом из образующих их слов (см., например: [Телия, 1990: 559]). На этом основании фразеологизированные выражения следует определять как сочетания фразеологического характера, но не фразеологизмы. В.Н. Телия пишет, что некоторые лингвисты относят другие виды устойчивых сочетаний, не включаемых ими в разряд фразеологических единиц, к узуально-стилистическим средствам или к типологизированным лексико-синтаксическим конструкциям [там же]. Полагаем, что выделяемые нами фразеологизированные выражения по своим признакам также могут быть отнесены к ним.

Остановимся ещё на одном аспекте рассматриваемых фразеологизированных выражений. Проведённый анализ показал, что среди них имеются такие обороты, которые наиболее близки по своим свойствам к фразеологизмам. В частности, к ним можно отнести следующие выражения:

– **греха не совершить** и **блюсти себя** – «не прелюбодействовать, не предаваться разврату, не нарушать супружескую верность»: *Если женщина... блюла себя, греха не совершала, а её муж гулял и очень её унижал, то эта женщина не имеет вины: она может забрать своё приданое и уйти в дом своего отца;*

– **перед богом** – ср.: как на духу (‘откровенно, чистосердечно, ничего не утаивая’): *...свидетели, знающие пропавшую вещь, должны рассказать перед богом то, что они знают;*

– **загубить жизнь** (‘совершить убийство’) – ср.: **загубить душу** (‘совершить непоправимый грех’): *Если при этом была загублена жизнь, то община и староста должны отвесить 1 мину серебра его родичам;*

– **нести службу** («работать, выполнять обязанности»); ср.: *Если сын редума или баирума, который был взят в плен в крепости царя, в состоянии нести службу, то поле и сад должны быть отданы ему, пусть несёт службу своего отца;*

– **посвятить богу надитум [кадиштум, кульмашитум]** (‘прелюбодействовать, предаваться разврату, нарушать супружескую верность’). Это значение мы установили, исходя из комментария к параграфу, откуда взят пример: *кадиштумикульмашитум* – ‘категории жриц – храмовых блудниц’. Приведём контекст употребления выражения: *Если отец посвятил богу надитум, кадиштумили жекульмашитум, и не дал ей приданого, то после того как отец умрёт, она должна получить из имущества, что в доме её отца, 1/3 своей наследственной доли и может ею пользоваться, пока жива...;*

– **очиститься перед богом** (‘покаяться, признаться’): *Если на скотном дворе появилась эпидемия или же лев побил скот, то пастух должен очи-*

ститься перед богом, а падёж на скотном дворе должен принять на себя хозяин скотного двора.

Из приведённых выше примеров таких выражений в указанную группу войдут ещё три примера: *вступить в дом другого, возлежать на лоне, вступить к новому мужу.*

Полагаем, что в последней группе у оборотов больше оснований называться фразеологизмами, чем у выражений типа *предъявить иск, испросить согласия, арендная плата, согласно обязательствам, уличить в невыполнении, процентный долг, заключить договор, отдать в кабалу, понести убыток* и подобным им, которые не обладают всей совокупностью свойств, характерных для ФЕ.

Таким образом, анализ Свода законов Хаммурапи позволил обнаружить три группы цельных оборотов:

– собственно фразеологизмы, обладающие, помимо неразложимости их частей, устойчивостью их строения и лексического состава, важнейшим признаком этих единиц – идиоматичностью их лексического содержания (семантической слитностью);

– обороты, которые наиболее близки по своим свойствам к фразеологизмам, но не отмечаются фразеологическими словарями русского языка. Ярко выраженный идиоматический характер их значений, а также наличие в языке синонимических их параллелей позволяет нам относить такие устойчивые сочетания к фразеологизмам;

– фразеологизированные выражения (*взять в залог, движимое имущество, до истечения срока, взыскать проценты, бросить обвинение, исковая сумма, назначить срок, вынести решение, наёмная плата, возместить убыток, рассмотреть дело, удовлетворил требования*), которые, с одной стороны, по некоторым своим признакам, как было отмечено, пересекаются с фразеологизмами, а с другой стороны, похожи на стандартные, клишированные конструкции, свойственные официально-деловому стилю.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Сборник Законов царя Хаммурапи // Источники права. Вып. 1. Тольятти: ИИП «Акцент», 1996. 56 с. URL: http://artlibrary2007.narod.ru/zokoni_hammurapi.doc (дата обращения: 15.09.2014).
2. Молотков А.И. Фразеологизмы русского языка и принципы их лексикографического описания // Фразеологический словарь русского языка / Л.А. Войнова, В.П. Жуков, А.И. Молотков, А. И. Фёдоров; под ред. А. И. Молоткова. 4-е изд., стереотип. М.: Русский язык, 1986. С. 7-23.
3. Немченко В.Н. Введение в языкознание: учебник для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Изд-во Юрайт, 2013. 679 с.
4. Пекарская И.В. Язык и стиль судебного документа в синхронии и диахронии (на примере анализа текстов Законов Вавилонского царя Хаммурапи) // Актуальные проблемы изучения языка и литературы: языковая личность в межкультурной коммуникации. Материалы V Всерос. науч.-практ. конф. / отв. ред. Е.В. Танков, науч. ред. И.В. Пекарская. Абакан: Изд-во ХГУ им. Н.Ф. Катанова, 2005. С. 157-164.
5. Телия В.Н. Фразеологизм // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990. С. 559-560.
6. Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка: учебное пособие. М.: Высшая школа, 1963. 156 с.

Уварова О.А. *

**ТЕМАТИКА И ЦЕНТРАЛЬНЫЕ
КОНЦЕПТЫ ИСПАНСКОЙ
И АМЕРИКАНСКОЙ СОЦИАЛЬНОЙ
РЕКЛАМЫ**

The article explores the most relevant themes of Spanish and American social advertising. The research is performed on the material of 200 advertisement hoardings and video clips reflecting the most typical problems of Spanish and American life. The study includes issues concerning the explicit/implicit verbalization of the basic concepts of social advertisements. As a result, such themes as alcoholism, road safety, violence, racism, animal protection and others were identified.

Key words: social advertising, concept, explicit, implicit.

Аннотация: В статье рассматриваются наиболее актуальные темы испанской и американской социальной рекламы. Исследование проведено на материале текстов 200 рекламных щитов и видеороликов, отражающих наиболее характерные проблемы изучаемых культур. Исследуется проблематика эксплицитной/имплицитной вербализации центрального компонента рекламных текстов на основе рассмотрения центральных концептов, используемых в рекламных текстах испанской и американской социальной рекламы. В результате были выделены такие темы как алкоголизм, безопасность на дорогах, насилие, расизм, защита животных и некоторые другие.

Ключевые слова: социальная реклама, концепт, эксплицитный, имплицитный.

В данной статье мы понимаем рекламу с точки зрения неличных форм коммуникации, осуществляемых через посредство платных средств распро-

---

* Научный руководитель – кандидат филол. наук, доцент Кругликова Е.А. (Сибирский федеральный университет)

странения информации с четко указанным источником финансирования [Котлер, 1991]. Социальная реклама является разновидностью рекламы, которая содержит в себе идеи безусловной ценности и имеет целью убедить граждан в существовании определенной проблемы и необходимости принять меры по ее решению [Киреев, 2008]. В то же время понятие 'социальная реклама' по-прежнему остается относительно сложным для научного истолкования, а именно в отечественной науке так и не дано единого общепринятого определения этому феномену [Мельник, 2010; Киреев, 2010; Амири, 2007]. Важной особенностью социальной рекламы является реализм в демонстрации явлений нашей общественной жизни, а также создание психологического шока как одной из разновидностей эмоционального резонанса [Киреев, 2008: 4-5]. Социальная реклама используется в роли своего рода заповеди, всякий раз напоминая об общественных стандартах поведения, позитивно и благотворно проповедуя доброту, честность, справедливость, великодушие и уважение к другим [Гаран, 2009: 12-13]. В задачи статьи входит выявление доминирующих тем текстов социальной рекламы испанской и американской культур, а также определение, насколько эксплицитно/имплицитно вербализуется центральный концепт каждого текста.

Материалом исследования послужили тексты испанской и американской социальной рекламы (всего было проанализировано 200 рекламных текстов на различную тематику в аспекте социальной важности, представленных в виде видеороликов и письменных текстов на рекламных щитах). Нами было выявлено восемь основных тем, наиболее представленных в текстах современной испанской рекламы:

1) курение, алкоголизм, наркомания (36%) (*Nadie nace cocainómano, pero puede llegar a serlo. La educación lo es todo. – Никто не рождается кокаиновозависимым, но может прийти к этому. Образование – это всё.*);

2) защита окружающей среды и животных (26%) (*Reciclemos. Sabías que reciclando 760 latas se fabrica una bicicleta? – Перерабатываем. Знаешь, что переработав 760 консервных банок можно собрать велосипед?*);

3) насилие в семье (17%) (*Cada hombre puede ser fuerte sin ser violento. – Каждый мужчина может быть сильным, не будучи при этом жестоким*);

4) болезни (СПИД, детский рак, дееспособность) (9%);

5) безопасность на дорогах (5%);

6) расизм (3%);

7) общественная жизнь (2%);

8) шумовое (акустическое) загрязнение (2%).

По итогам было выделено три наиболее актуальных темы, представленных в текстах испанской социальной рекламы: насилие в семье, защита окружающей среды и животных, зависимость (курение, алкоголизм, наркомания). 79% текстов социальной рекламы на испанском языке реализуют в той или иной степени концепты по данной тематике. Больше всего среди них выделяется тема зависимости (36% от общего числа всех текстов социальной рекламы).

В текстах американской социальной рекламы нами также было выделено 8 наиболее актуальных тем:

1) курение, алкоголизм, наркомания (25%) (*Every breath you take will eventually shorten your life. – Каждый твой вдох в конечном счете сокращает твою жизнь.*);

2) насилие в целом (22%) (*Your silence is his greatest asset. – Твое молчание – это его самое большое достояние.*);

3) защита окружающей среды и животных (16%) (*Be comfortable in your own skin, and let animals keep theirs. – Пусть тебе будет комфортно жить в своей коже, но позволь животным жить в своей.*);

4) беременность/аборты (15%);

5) болезни (СПИД, рак; донорство) (11%);

6) безопасность на дорогах (5%);

7) расизм и культура (4%);

8) общественная жизнь (1%).

В американской социальной рекламе наибольшей актуальностью отличаются те же темы, но в ином порядке: алкоголизм, курение, наркомания располагается на первом месте (25%), затем насилие в целом (19%) и защита окружающей среды и животных (16%). Представленные концепты реализуют 60% всех текстов американской социальной рекламы. Заметим, что тема насилия в испанском и английском языках представлена по-разному: если в текстах испанской социальной рекламы это главным образом насилие в семье по отношению к женщинам и детям, то тексты американской социальной рекламы включают не только домашнее насилие, но и изнасилование, домогательство, а также использование оружия. Кроме того, для американской культуры весьма актуальной является проблема беременности в подростковом возрасте и совершения аборт (15%), в текстах испанской социальной рекламы эта тема не представлена совсем, что можно объяснить активной политикой по направлению к тому, чтобы запретить аборты в Королевстве Испания, поэтому в связи с политическими движениями не существует острой необходимости в создании социальной рекламы по данной тематике. В то же время, тематика испанских текстов отмечается наличием темы шумового загрязнения (2%).

Главной задачей нашей статьи являлось отметить проявление эксплицитности/имплицитности главного концепта рекламы с точки зрения его вербальной передачи, то есть насколько характерно для испанского и американского рекламного текста называть прямо либо не называть центральный концепт. Проведя наблюдения, мы можем отметить, что для испанского рекламного текста не характерно вербализовывать объект рекламы всегда эксплицитно (52%) или всегда имплицитно (48%). Нами было отмечено, что в испанской социальной рекламе этот фактор полностью зависит от темы, от ее некоей табуированности в данном обществе. Например, почти ни в одной рекламе против насилия в семье не употребляется прямая номинация *violencia* (насилие). Концепт 'насилие' преимущественно передается посредством слов с негативной семантикой и приему мультимодальности. В одном из видео-

роликов дизайнеры рекламы переносят нас на кладбище, где мы видим могилу женщины с цветами, звучит следующий текст: *Manolo me ha regalado flores, es la primera vez... Para pedirme perdón por lo del otro día. Y así aceptado, pero no le he dado las gracias. Ante los malos tratos no guardes silencio. No des una segunda oportunidad. No esperes hasta el último momento (Маноло подарил мне цветы, в первый раз... Чтобы попросить прощения за то, что сделал однажды. Я приняла, но не поблагодарила. Когда с тобой плохо обращаются, не молчи. Не давай второй возможности. Не жди до последнего).* В приведенном примере именно прием мультимодальности (сцена на кладбище с соответствующими атрибутами), а также такое выражение как *los malos tratos* (плохое обращение) создают необходимое эмоциональное состояние и передают тематику насилия, тем самым выражая концепт ‘насилие’ низкой степенью эксплицитности.

Нами также было отмечено, что для текстов социальной рекламы, направленной на борьбу против расизма, не характерно вербально эксплицировать концептов, ассоциирующихся напрямую с расизмом. О расистской составляющей таких текстов реципиенты могут догадаться по составу лексики с отрицательной коннотацией, описывающей национальности и расы, а также посредством рассмотрения мультимодальной составляющей. Так, в одном из видео-роликов мы наблюдаем известных представителей разных национальностей и слышим пренебрежительную разговорную речь за кадром в отношении этих людей: *Basura negra, perro judío, sudaca, moro asqueroso, maricón, inútil, gitana. A caso te crees mejor que estas personas: por todos, un respeto (Нигерские отбросы, иудейский кобель, латинос, грязный араб, педик, даун, цыганка. Если считаешь себя лучше других, знай: все заслуживают уважения).* Как отмечает О.В. Федосова, “разговорная речь занимает особое место в ряду других речевых стилей: не только потому, что она имеет самый широкий узус, но и потому, что она первична по отношению к стилю и языку вообще, образуя основу формирования языкового стиля и являясь основным двигателем эволюции языка” [Федосова, 2012: 12]. Таким образом, мы считаем, что

именно скрытый контекст разговорных фраз в тексте рекламе помогает отразить его основной концепт.

В то же время для таких концептов, как алкоголизм, курение, наркомания характерна эксплицитная вербализация. Так, например, в нижеследующем тексте, концепт 'курение' передается прямыми номинациями: *no fumes (не кури) u un cigarrillo (сигарета). Sólo hay una forma inteligente de coger un cigarrillo. No fumes. Corta por lo sano (Есть лишь одна разумная форма взять сигарету. Не кури. Действуй решительно ради своего здоровья.*

В рекламных текстах, посвященных проблеме СПИДа, также обычно прослеживается вербальная экспликация, в текстах концепт СПИДа преимущественно вербализуется при помощи соответствующей аббревиатуры *el SIDA* (СПИД): *Fiel usarlo del condón. Aunque usted no lo crea los condones tienen un índice de falla del 15%. La prevención del SIDA. No depende de su opinión, sino de su conducta (Верен контрацепции. Хотя Вы в это не верите, в 15% случаев презервативы бракованы. Защита от СПИДа. Зависит не от Вашего мнения, а от Вашего поведения).*

Важно отметить, что в рекламном дискурсе вербализируется, символизируется информация не только о рекламируемом объекте, но и о существующих ценностях определенной культуры [Усова, 2012: 2]. Так, в текстах американкой рекламы фактор эксплицитного/имплицитного выражения главного концепта рекламы связан, на наш взгляд, с типом данного общества по модели Г. Хофстеде, данная культура характеризуется большей степенью индивидуализма, поэтому для американских текстов характерна более выраженная эксплицитность (62%), нежели имплицитность (38%). Нами было отмечено, что для столь остро вставшей в США проблемы как использование оружия, одной из форм насилия, характерна высокая степень имплицитности центрального концепта. Так, в указанном ниже примере невозможно определить, какова ее основная тематика, не взглянув на рекламный текст с точки зрения мультимодальности. Рекламный баннер, сопровождающий данный текст, ясно дает понять, что его основным концептом является 'оружие'.

Один из детей держит в руках автомат, другой – мяч для игры в вышибалы. Очевидным ответом на вопрос, поставленный в тексте рекламы, должен быть: ребенок с автоматом в руках. Интересно то, что в Америке запрещена игра в вышибалы по причине ее жестокости и травмоопасности. Таким образом, прием противопоставления создает необходимый шокирующий эффект: *One child is holding something that's been banned in America to protect them. GUESS WHICH ONE (Один ребенок держит то, что запрещено в Америке из необходимости защитить детей. УГАДАЙ, КОТОРЫЙ ИЗ НИХ).*

Ярчайшим примером проявления имплицитности являются тексты американской социальной рекламы, связанные с темой защиты животных. На одном из наружных носителей изображена собака, сидящая в разогретой духовке. Призыв авторов к тому, чтобы не оставлять собак с машине даже на минуту помогают понять такие номинации, как *dog (собака), car (машина)*, а также связь духовки и нагретой в жаркую погоду машиной. На наш взгляд, для понимания выбранной рекламы необходимо и наличие фоновых знаний о проблеме тепловых ударов, которые получают оставленные в машине животные из-за высокой температуры нагревания автосалонов за короткий промежуток времени, что в большинстве случаев заканчивается для них смертельным исходом. *A hot oven or a hot car... It's the same thing. Running into the store for "just a minute" can be fatal for a dog left in a car (Горячая духовка или нагретая машина... Не важно. Поход в магазин "буквально на минутку" может обернуться фатальным исходом для собаки, оставленной в автомобиле).*

Одной из самых эксплицитно выраженных тем в американской рекламе является различного рода зависимость (курение, алкоголизм, наркомания), как и в текстах испанской социальной рекламы. Концепт 'алкоголизм' в следующем рекламном тексте передан посредством существительного *alcohol (алкоголь)* эксплицитно, с него начинается текст рекламного ролика, что сразу сосредотачивает на нем наше внимание. Проблема всякого рода зависимости сейчас как нельзя остро стоит в современном мире, поэтому в большин-

стве культур, в том числе американской, свойственно говорить об этом максимально открыто: *Alcohol ads show the world one way. Are you listening?* (Реклама **алкоголя** показывает мир лишь с одной стороны. Ты слушаешь?) А в примере текста об употреблении наркотиков соответствующий концепт вербализован соответствующей лексемой *heroin* (героин), что не оставляет нам никаких сомнений о том, что центральный концепт данного видеоролика вербально эксплицирован. В рекламном ролике мы наблюдаем женщину, которая берет яйцо и разбивает о сковородку, сравнивая таким образом, что происходит с мозгом под воздействием героина. *This is your brain. This is heroin. This is what happens to your brain after stoning heroin. And this is what your body goes through! It's not over yet! And this is what your family goes through! And your friends! And your money! And your job! And your self-respect! And your future! Any questions?* (Это твои мозги. Это **героин**. А вот, что происходит с твоими мозгами после употребления **героина**. А вот, что происходит с твоим телом! И это еще не все! Вот, что происходит с твоей семьей! Друзьями! Деньгами! И твоей работой! И твоим самоуважением! И твоим будущим! Есть вопросы?).

В результате исследования нами было выделено 8 наиболее актуальных тем как в текстах испанской социальной рекламы, так и в текстах американской социальной рекламы. Все тексты были проанализированы нами в аспекте эксплицитности/имплицитности проявления центрального компонента рекламных текстов, было рассмотрено несколько примеров. В результате нами было выявлено, что для текстов испанской социальной рекламы не характерно всегда вербализовывать центральный компонент эксплицитно или имплицитно (52% / 48%), т.е. данный аспект полностью зависит от темы рекламного текста, от степени ее табуированности либо открытости в испанской лингвокультуре. Нами было отмечено, что наиболее эксплицитными темами в испанской социальной рекламе являются алкоголизм, курение, наркомания и болезни (в частности, СПИД), а наибольшей имплицитностью отличаются насилие в семье и расизм. Несмотря на то, что в текстах американской соци-

альной рекламы этот аспект (как и в любой другой культуре) также будет зависеть от темы рекламного текста, все же здесь эксплицитность вербализации центрального компонента обусловлена типом культуры американского общества, которое по модели Г. Хофстеде является индивидуалистической. Следовательно, количество эксплицитно выраженных компонентов в текстах американской социальной рекламы выше имплицитных (62% / 38%). Темой с наиболее выраженным уровнем эксплицитной вербализации является различного рода зависимость, т.е. алкоголизм, курение наркомания, наиболее же имплицитными темами, с точки зрения вербализации, являются защита животных и насилие, в особенности, использование оружия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Амири Л.П. Языковая игра в российской и американской рекламе: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Ростов-на-Дону, 2007. 26 с.
2. Гаран Е.П. Лингвокультурологические аспекты интерпретации рекламного дискурса (на материале русского и английского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Ростов-на-Дону, 2009. 20 с.
3. Киреев С.И. Дискурс и концептосфера социальной рекламы: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Волгоград, 2008. 10 с.
4. Котлер Ф. Основы маркетинга. М., 1991. 657 с.
5. Мельник О.А. Текст социальной рекламы в СМИ: способы моделирования информации: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.10. Воронеж, 2010. 21 с.
6. Усова С.В. Отражение национальных ценностей в рекламном дискурсе (на материале рекламы автомобиля во французской публицистике) // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. Владивосток, 2012. Вып. № 2. 5 с.
7. Федосова О.В. Лексико-прагматические особенности современного испанского обиходного дискурса в национально-культурном аспекте: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.05. М., 2012. 42 с.

ЖИВАЯ РЕЧЬ СТАРОЖИЛОВ СИБИРИ

Подготовка текстов к публикации Милиной А.А., Фельде О.В.

РАССКАЗЫ О ССЫЛЬНЫХ

Ссылные деревни Чадобец

Собир.: Были у вас в деревне ссылные?

И.Д.: Были, как не было, были. Доктор был ссылный. В очках-то, как его .... Был. Ещё, знаете, какой доктор был! От Бога был дохтор. А какое у него образование, кто его знает. Во всяком случае он возглавлял эту больницу, стационар.

Собир.: А были нерусские? Эстонцы, литовцы, немцы?

И.Д.: Ну, это в период войны всех их прислали. До этого-то их не было. В войну их тут полно было. И немцев, и латышей, и литовцев, эстонцев.

Собир.: Какие отношения у них были с местным населением?

И.Д.: Нормальные. Да ещё какие трудяги были! Колхоз-то на них и держался, в основном. В колодках, в деревянных. Они все, литовцы, в деревянных колодках были. Я, как сейчас, помню их. Обувки не было, колодки деревянные из дерева выдалбливали, в них ходили. Что сумеет намотать, штаны какие порвались холщовые, так наматывает, а нет, так нет. Так и пошёл. А их как на кладбище везли-то! Они здесь повымерли. Их чёрт-те знает, сколько. Ужас, сколько повымерло людей! Это сталинские времена. В этом отношении не вспомнишь хорошего ничё... Конечно, жалели их. Жалели местное население. Чем могло, помогало. А чем помогать-то? У самих все голодные, как волки были. Чем помогать-то? Но всё равно поддерживали. А их очень много умерло здесь. И, наверное, больше литовцев даже, чем немцев умерло. Хоронили тут помногу. Ни одного покойника не увезли отсюда.

Записано Фельде О.В. в 2014 г. от Кулакова Ивана Дмитриевича, 1938 г.р, в д.

Чадобец Кежемского района Красноярского края

Немка

Поплыли мы на плоту, доплыли мы до Мотыгино, доплыли. В общем, знаешь, как вам сказать. Русских подальше, которые с паспортами, а которые вот эти были немцы – туда, у них же не было паспортов, их как отдельно. Ну, перекликавают, перекликавают, потом меня перекликавают. А Фрида немка была, подружка моя была. Я была Бурнашёва, как это, девичья фамилия-то. Перекликают, а я <говорю>: «Я немка». Он говорит: «Какая ты немка? Я твоего отца знаю, и твоего деда знаю». А Фрида говорит: «Немка, немка, немка. Мы с одного места. Немка, немка». А он повторно говорит: «Так слушай, я на Мантуле-то был, сколько раз у вас был, говорит. Ну, я же тебя помню даж». А я Фриду хотела поддержать, это самое, подружку поддержать хотела. Всё, девчонки, было, всё было. Он сразу бумажку берёт вот с кармана. Когда он в карман полез, в блокнот, думаю: всё! Напишет щас... А он мне пишет: «Выдать две булки хлеба». Вот какой-то такой был здоровый, какой-то такой *брюзглый*, а такой сердцем был хороший. На флот приношу хлеб. Я же не буду одна есть, правда. Глупо выглядит. Все вот-вот давайте, друженько... А сейчас, наверно, вы бы хрен поделились. А раньше всё дружно и хорошо. Ничё, ребяташки, живите дружно, дружно. Которые нехорошие подруги, не ругайтесь, но не дружите сильно, как ничё там это... А с хорошенькими. Есть такие подруги сволочи, правда ведь это? Есть, есть, есть, есть.

Записано в 2014 г. студентами ИФиЯК от Скурихиной Лидии Николаевны, 1936

г.р., в пос. Артюгино Богучанского района Красноярского края

О работе в колхозе во время войны

Как в войну пошла на работу в сорок первом. В сорок втором весна подошла, сначала дрова пилили в лесу *поперешной пилой*, может, знаете такую пилу. Потом *вясна* подошла, *посявна*, стали пахать на конях, культивировать, сеять, посевну посеяли. Потом сенокос подошёл, сенокос убирали, *грябли*, и копны делали, и *мятали*, и косили *литовками*, когда дождь, *чибосы* залаживали, траву залаживали, траву. Ямы такие копали и траву зеленую залаживали, туда потом в яму клали, а потом зимой, осенью ее бьрут и коровам... Всё на лошадях работали, тракторов не было, комбайнов не было, все вручную делали, женщины наряду с мужиками работали, отдадут четыре лошади и мужику четыре лошади. От у нас отец ходил и сестра старшая сено возить зимой, коровам-та. У ней четыре лошади, и у отца четыре лошади. А потом уж, как война кончилась, стали появляться трактора, комбайны стали появляться, потом уж стало, легче стало, стали трактора работать.

Записано в 2012 году студентами ИФиЯК СФУ Микалаускайте Е.Ю., Постниковой С.И., Сыромятниковой М. В. в г. Кодинске от Зои Андрияновны, 1926 г.р., переселена из д. Паново Кежемского района в связи со строительством Богучанской ГЭС.

Про строительство

Собир.: Иван Дмитриевич, а строить Вам приходилось? Как кладут брёвна? Я знаю только в лапу. Как ещё можно?

И.Д.: *Зауголок. Чаша* выбирается. Вот бревно, на конце выбирается *чаша*, вот так полукруг до половины. Второе бревно поперечно ложится в эту *чашу*, а здесь выбирается паз. Такая специальная черта была, она и сейчас есть у всех, конечно. Черту делают и выбирают паз по каждому изгибу, по каждому сучку. Он обогнёт именно так. Второе бревно ложится на его плотно. Здесь у нас не делают больше никак. Только *лапу и зауголок*.

Собир.: Раньше, когда шифера не было, чем крышу крыли?

И.Д.: *Драньём.*

Собир.: А вы сами пробовали драть дранку?

И.Д.: У меня сейчас *драньё* на крыше. Под шифером-то.

Собир.: Вот *драньё* – это всё, а одна – это дранка, да?

И.Д.: Нет, это *драница*.

Собир.: Как делали драницу?

И.Д.: Выбираешь *деревину* – сосну. Из обычной сосны делали, это *драньё* драли всегда. Ну, кое-кто драл лиственничное, но это очень трудно. А сосновая. Выбирали прямую, чтобы была не витая, *не связистая*. Специальный *дёр* брался. И вдвоём дерёшь: один колотит, другой *дёр* тащит.

Собир.: Дёр – это приспособление такое?

И.Д.: Ну, это такая вот железяка, и здесь *ухо*. Она может быть с одной ручкой, может быть с двумя ручками.

Собир.: А *ухо* дёра – это что?

И.Д.: Это вот это *ухо* на железяке, куда палка вставляется. И одна сторона у дёра заточена. *Дёр* – один мужик, а второй *колотушкой* колотит.

Собир.: А *колотушка* для чего?

И.Д.: *Дёр*-то забить-то. Всё равно его надо поколачивать, иначе не *продёрнешь* же ведь.

Собир.: Как драницу укладывали? Она же тонкая.

И.Д.: Ничё подобного она. От сантиметра и побольше. Тонкая она быстро сгнивает.

Собир.: А её укладывали на крышу одну на другую?

И.Д.: Ну, укладывали одну к одной и *в закрой*.

Собир.: Это называется способ *в закрой*?

И.Д.: Да-да. То есть две дранки и третья посередине, чтобы не протекало.

Собир.: А как называется бревно над нами?

И.Д.: Балка что ли?

Собир.: Балка. Матицей не называли?

И.Д.: *Матница* не здесь, это в доме.

Собир.: То есть в амбарах, в зимовьях не было матниц?

И.Д.: Почему не было? Если потолок лежит. Потолок ложится *на матницу*.

Собир.: Матица или матница. Как правильно сказать?

И.Д.: *Матница*.

Вот в Кежемском районе *верховые* – «*дюплё*». Это яма у их называется погребная. У нас погребная яма, а там – «*дюплё*». Я впервые услышал: что за *дюплё*? Я всю жизнь прожил и не знал. Рыбаки... Костя только сказал. Что за *дуло*? Гришка .... в дупле, говорит. Я говорю: где? Какое *дуло*?

Записано Фельде О.В. в 2014 от Кулакова Ивана Дмитриевича, 1938 г.р, в д. Чадобец Кежемского района Красноярского края

ДОСУГ

Праздничная самогонка

Вот сначала котёл. Котёл кипит, на огне варят котёл. От котла идёт трубочка, чтобы ушла она в *бражник*, где налита *барда*. Вот этим паром *барду* начинают трясти, шевелить. Начинает пар подыматься из этой *барды*, переходит в *сухопарник*. Вот если перегрел, то в *сухопарник барда* полетела. Нельзя этого делать. А потом с *сухопарника* также идёт опять это всё. Герметично упакованное всё, герметично сделанное. С *сухопарника* идёт трубочка уже в *змеевик*. Вот *змеевик* охлаждается в холодной воде. Это же идёт всё пар, а в холодной воде охлаждается это. Получается уже добро – самогоночка пошла.

Мы же потом гуляли, знаете, как. Вся деревня... полно. А подавали-то... ковшики-то были железные, вот такой высоты ковшик, плоский, литровенький такой, с ручкой. И вот хозяин ходит, подаёт. Дуся выпила, Маша попила. Кто с ведром, кто с чайники, большие были. С чайника наливает в этот ковшик и подаёт.

*Записано в 2014 г. Фельде О.В. от Кулакова Ивана Дмитриевича, 1938 г.р.,
в д. Чадобец Кежемского района Красноярского края*

Вечорки

Да, сначала читальна, потом клуб *состроили* нам. Потом клуб *состроили*. Из клуба выйдем там, идём по улице все девки, девки вперёд так по улице идём шеренгой, за нами *робята* идут. Вот кому какая понравится – остаёшься. Парочкой остаёшься. Бегали, дружили. Побегашь, побегашь да домой бежишь. Водить домой ребят не водили. Стыдно было. Вино тоже не пили. Невестами были, а вино... мы и понятия не имели. А раньше вот у нас сестра старшая была – ну, старшая, она с пятнадцатого года – они *откупывали* у бабушки у одной (жила одна бабушка-старушка), они у нее *дом откупали* и к ней собирались вечерами сидеть. Ребята и девки. Ну, девки все с работой шли, родители не отпускали без работы. Или ты прясть шерсть будешь, или *куделю* будешь прясть, или вязать будешь, или *куделю* теребить, без работы не сидели.

Записано в г. Козинске в 2012 году студентами ИФиЯК СФУ от переселенки из зоны затопления Богучанской ГЭС Зои Андрияновны Захряпиной, 1926 г.р. (д. Паново)

ЛЮДИ И СУДЬБЫ

Судьба Анны

Он умер пятого декабря в шестьдесят четвёртом году. Поехали в деревню туда, в Селенгино... Девять километров или десять от нашей деревни здесь. И до Усольцево двадцать два километра. Исккупаться с ребяташками. И вот вперёд уехали, хотели там ночевать, учительница с нима, с ребяташками-то. Ну и вот, обратно поехали, то ли их как-то пороняли. И вот с

нём девочка в седьмом классе училась, аксёновская. В Аксёновке там, в интернате жили. В тех деревнях было по три- по четыре класса – начальные, а потом все в Паново. И в интернате они там жили, вот эта девочка тоже с Ваней и утонула. Вот. А эти ребяташки выскочили, а они утонули вдвоём. А ребяташки мои ещё маленькие остались. И вот я ещё в *дойках* работала, потом эти два года чё-то худо было – тосковала. Ой, в это вообще не верила раньше. Там *ворожейки* или как ли... Я не знаю. Вообще не верила. Работали и всё знали, что хорошо, вроде. С мужем жили, всё. А потом *стал ко мне явью ходить*, всё мерещиться стал, ходить всё. Вот и бабушка мне говорит, а потом через два года – в шестьдесят шестом году стал ко мне вдовец ходить. Сходиться-то мы – не сходились, потому что и много ребяташек. Я боялась идти, и у него тоже было четвёро своих. У него жена умерла. Но он старше меня был. И вот я ещё шестого родила, мало этих. Ну делать аборты – я не делала аборты, родила в шестьдесят седьмом году пятнадцатого декабря: у меня появился Коля, родился. Ну вот и всё, и стали жить. А потом Петя, он работал в школе, у них не было кладовщика. Это в интернате-то, там продукты выдавать, всё. Там Валя пошла в декрет, и он меня туда переманил, чё мол тут. Я из колхоза (ещё не было совхоза) потому что трудно – денег не давали. А тогда-то почему-то не давали. Не было закона или как ли – не знаю там, почему не давали-то. И всё, я ушла в шестьдесят девятом году, в сентябре пришла на работу в школу и там я, в общем, тридцать один год проработала в школе. И оттуда ушла на пенсию. Я всем работала: и завхозом работала, и кладовщиком работала, и ночной няней работала, и техничкой – куда пошлют, где место было, там и переходила. Но всё больше работала в этом интернате. Точно. Там и *ночной* няней, и кладовщиком работала в интернате. Такие дела, так и жизнь прошла, всё.

Записано в 2012 г. в г. Кодинске студентами ИФиЯК СФУ от Усольцевой Анны Алексеевны, 1935 г. р., переселённой из д. Паново Кежемского района Красноярского края в связи со строительством Богучанской ГЭС.

Говорухина Ю.А.

К ОТКРЫТИЮ НОВОЙ РУБРИКИ

Существует мнение, что литературные критики – это неудавшиеся писатели. Гюстав Флобер писал: «Критикой занимаются тогда, когда неспособны творить искусство». Немало обидных упреков высказали критикам и русские писатели. Как только ни поносили критика: и импотентом его называли, и дилетантом, и пустоцветом. И тем не менее каждый писатель, опубликовав новый текст, с нетерпением ждет критического отзыва. «Литература без критики подобна улице без фонарей», – сказал в свое время С. Маршак и был абсолютно прав. Без критики нет литературы. Именно критика способна вписать произведение в литературный поток, она дает шанс автору и тексту остаться в истории. Литературный критик – профессиональный читатель, овладевший наукой интерпретации текста. Наукой в пушкинском смысле: *«Критика – это наука открывать красоты и недостатки в произведениях искусства и литературы»*. Студенты-филологи, ос-

---

* Рецензии, помещённые в данную рубрику, выполнены при поддержке гранта ККФНиНТД № КФ-481 «Читатель – университет – словесность: Красноярск в Год литературы»

ваивая различные методики анализа художественного текста, теорию литературы и литературной критики, погружаясь в широкий историко-литературный контекст, получают достаточную подготовку для того, чтобы попробовать себя на литературно-критическом поприще. Конечно, жанр проблемной критической статьи им еще не «по зубам», но написать толковую рецензию они способны. Это показал эксперимент, начатый в 2014 году в рамках курса «История литературной критики». Студентам был предложен в качестве художественного материала роман Всеволода Бенигсена «ГенАцид» (2008). Это захватывающее повествование о социальном эксперименте, и размышления автора о русском национальном характере, о национальной идее и (не)возможности ее насильственного внедрения, о литературоцентризме и его оборотной стороне. Студенты 3 курса выступили в качестве литературных критиков и написали рецензии на «ГенАцид». Эти тексты предлагаются вашему вниманию. В них интерпретация и оценка романа Бенигсена, как того требует жанр, а еще портрет современного молодого читателя. Что можно сказать о последнем? Перед нами максималист в оценках, часто не прощающий писателю неточности; читатель, которому нужны ответы и ориентиры, который воспринимает текст эмоционально, мгновенно вживается в предложенные ему обстоятельства, но самое главное – он достаточно любопытен, чтобы задавать и задаваться вопросами. Возможно, вам захочется прочитать роман и составить свое мнение? Он здесь, на сайте «Журнального зала», где выкладываются цифровые версии литературных журналов: <http://magazines.russ.ru/znamia/2008/7/be2.html>.

Приуроченная к году литературы, рубрика планируется стать постоянной в «Siberia Lingua». Возможно, она будет своего рода стартовой площадкой для будущих профессиональных литературных критиков.

***

Кто в наше время не задавался вопросом о национальной идее? О той, что «во дни сомнений и тягостных раздумий» способна и объединить, и облагородить, и повести за собой в светлое будущее. Чего только не сказано на этот счет, какие идеи не предложены. Вот и роман Всеволода Бенигсена «ГенАцид» тоже о национальной идее. И о книгах.

Впрочем, это даже не роман (под это определение он не подходит ни по объему, ни по содержательной стороне), а повесть, но повесть остроумная, оригинальная, абсурдная и реалистичная одновременно.

Сюжет книги, в общем-то, прост: нежданно-негаданно в забытой людьми и богом деревушке Большие Ущеры государство вдруг решает провести эксперимент под названием «Генеральная национальная идея», который заключается в сохранении культурного наследия нации, а именно – литературных произведений. Жители деревни должны за три недели выучить определенные отрывки из произведений классиков и сдать экзамен специальной комиссии. Эта, казалось бы, мирная идея влечет за собой далеко не мирные последствия. Немногочисленное население деревушки «благодаря классикам» сначала чуть было не спивается, потом разделяется на несколько враждующих лагерей и, в конце концов, снова объединенное духом разъяренной толпы, доводит дело до трагедии.

Одна из интересных особенностей романа – доходящая до абсурда реалистичность, показанная без каких-либо поэтических прикрас. Большие Ущеры оживают на страницах, да так непосредственно, что хочется верить в их реальное существование. Жители деревни – обыкновенные по большей части малообразованные люди, нелестно прозванные фельдшером Зиминим «быдломассой», но по-своему талантливые и по-своему увлекающиеся. Между этими людьми и литературой стоит глухая стена, которую ни разбить, ни перепрыгнуть. Едва в стене образовалась трещина – Чехов, будто божественным провидением, а точнее рукой библиотекаря Пахомова, сва-

лившийся на голову несчастного Серикова – едва образуется эта трещина, с грохотом стена рушится, погребая под своими завалами людей. Почему же так произошло? Кто виноват и что делать?

Один из основных смыслов вполне ясен: насильно мил не будешь, и бессмысленное вдалбливание в головы людей художественных текстов, притом случайно выбранных, ни к чему хорошему не приведет. И дело тут, конечно, не в неспособности народа впитать и адекватно воспринять национальную идею, а в неадекватности самой идеи. На месте литературных произведений могли быть любые другие объекты культурного наследия, и результат вряд ли бы изменился. Думаю, если бы большеущерцам приказали культурно обогащаться за счет русской живописи и раздали репродукции картин, через неделю они бы разделились на, скажем, портретистов и пейзажистов и с криками «За Левитана!» с упоением разбивали друг другу головы картинными рамами. Тем не менее, в руках жителей Больших Ущер оказываются именно книги и, на мой взгляд, вот почему.

Известно, что в центре национальной идеи должно быть нечто неоспоримо великое, объединяющее народ не только в пространственном, но и во временном аспекте. Глыба, шагающая из века в век с народом, являющаяся для него чуть ли не святой. А что может быть громаднее русской литературы? И тут, как мне кажется, во мне говорит не голос филолога, а просто русского человека. Среди достижений нашего народа литературе почти всегда отдавалась одно из самых почетных (если не самое) мест. Мы можем долго спорить и о различных исторических фактах, о роли наших соотечественников в других сферах, но вот фраза «Толстой – никчемный графман» пахнет кощунством. Великие русские живописцы, музыканты и даже изобретатели в национальном сознании все-таки оказываются на порядок ниже писателей.

И вот вдруг эта литература, великая русская литература, предназначенная сеять доброе, разумное, вечное, оказывается не нужна. Она вычеркнута из национального сознания, измеримого в пределах захудалой деревушки. С

одной стороны, что в этом удивительного, кто же там, в глухих селах, восхищается Достоевским и Гоголем? А с другой стороны – мысль страшная, если посмотреть на нее топографически отстраненно и попробовать приложить ко всей России. А прикладывается она в современной ситуации неплохо. А если и литература оказывается ни к чему не способной, что же нам еще остается?

Впрочем, остается надежда, что дело тут вовсе не в самой литературе, а в извращенной ее подаче. В генеральной национальной идее уничтожается сама сущность культурного наследия, все величие искусства падает в пропасть глухой и не менее «величественной» необразованности. Пусть и выученный зубок, а точнее вызубренный Платонов – это не наследие. Это вполне обычный набор букв и фраз, который можно заменить другими буквами и фразами, и ничего не изменится. В таком виде литературные произведения не представляют никакой ценности. Они отлично подойдут для того, чтобы бить за них морды друг другу или использовать в качестве оригинального повода для пьянки, но только и всего.

И возникает вопрос: кто же кого мучает и уничтожает в романе? Классическая литература народ или народ вверенное ему культурное наследие? Баратынский Евгений Абрамович, – читает Сериков – Еврей что ли? Или вот хотя бы вспомнить портреты писателей, которые сметливый Тема воровал из школы для чуть ли не стоявших на баррикадах большеущерцев. Когда Энгельс становился Некрасовым, а Дарвин с легкостью превращался в Достоевского. И в данной связи возникает снова вопрос из романа: кто же там все-таки повесился, Сериков или Чехов? Наверное, оба. Литература в романе – это тоже жертва, невинно и бессмысленно убитая, сожженная разгневанной толпой, вечным хаосом, как сказал бы Пахомов. И оказывается, что объединение – то самое, на которое и был направлен ГЕНАЦИД, – происходит только после смерти. Библиотеку «хоронят» рядом с убитыми жителями. Страшный, нелепый парадокс.

Вся книга пропитана пессимистическими настроениями, несмотря на кажущуюся легкость повествования и сквозящую повсюду иронию. А под конец (который, как мне кажется, уж слишком богат на жертвы) становится почти физически страшно. И вот тогда полностью рушится иллюзия, царящая в романе. Иллюзией оказывается сам ГЕНАЦИД, иллюзорна, лишена всякого смысла гражданская война между «заиками» и «рифмачами». Почти случайны смерти (та же собака Бульда, попавшаяся просто под горячую руку). Бессмысленно сгорает в огне библиотека, кстати, тоже культурный памятник. А читатель остается один на один с этими разбитыми иллюзиями и не знает, что предпринять. И, в ужасе от распростертого тела библиотекаря Пахомова, прорываясь сквозь шум, шелест горящих в огне книжных листов и крики толпы, хочется крикнуть автору: так что же теперь делать? Где же выход?

Но литература – это искусство задавать вопросы, а не давать ответы. И проблема национальной идеи снова повисает в воздухе.

(Яна Герасименко)

***

*Во mnogой мудрости много печали;
и кто умножает познания,
умножает скорбь. (Екклесиаст, 1:18).*

Одним из критериев, позволяющих судить о произведении как о действительно качественном, я считаю такой: в процессе чтения мнение о героях или же о всём тексте в целом успевает поменяться по меньшей мере единожды. Этому критерию в полной мере отвечает «ГенАцид» В. Бенигсена. С самого начала повесть ловко мимикрирует под абсурдистский текст, чему автор способствует, пользуясь языковым шаблоном, который в современной литературе негласно принят для юмористических произведений, будь то крупные романские циклы или публикуемый в интернете fan-fiction. Близость к разговорному стилю и почти одесская изобретательность в вырази-

тельных средствах настраивают на лёгкий ироничный лад, и поначалу даже не задумываешься о том, что ближе к середине тебя может подстергать подвох. В «государственную единую национальную идею» верится сходу, вряд ли кто-то удивился бы, если бы подобное извещение не сегодня-завтра опустили бы и в его почтовый ящик. А сама эта идея – объект болезненных и таки бесплодных исканий на протяжении всего постсоветского периода – просто вопиет: найдите меня!

Ближе к середине из намертво прибитого флюгера начинают выпадать проржавевшие гвозди. Лёгкий приятный бриз превращается в колючий хитус, который ощутимо покусывает за нос тех, кто ещё имеет смелость защищать неизживаемый русский литературоцентризм. Бенигсен не отрицает его, подобно многим авторам первого десятилетия двадцать первого века; он попросту заботливо подводит читателя к той ловушке, в которую провалился ещё Некрасов с его унесёнными с базара Белинским и Гоголем, и с удовольствием сталкивает в неё. Даже если вышеупомянутых принести к мужику домой и заботливо раскрыть на нужной странице, менее мужиком он от этого не станет. Он, как совершенно верно заметил Бабель, думает об выпить хорошую стопку водки, об дать кому-нибудь по морде, о своих конях. И даже если идея сумеет его захватить, на что так уповаешь правительство (что в повести, что в жизни) – мужик и идею переварит в потасовочно-алкогольном ключе. Это мы проходили уже и в пятом, и в семнадцатом, и в девяносто первом годах прошлого столетия, и уроков, как видно, не извлекли. Антон Пахомов был бы горд за свою теорию.

С языка той же Одессы слово «антон» переводится тремя общеизвестными буквами, но своему нецензурному тёзке Пахомов ни в коем случае не ровня, хотя бы потому, что бесплоден. Кажется, его пассивность даже самого автора пробивает до слёз, такой горечью исполнены его слова после того, как Антон разминулся с Сериковым; повествователь словно бы сидит напротив нас над водкой и рыбцом в такой же предновогодней русской деревне и в отчаянии восклицает: эх, Тоша, что же ты?.. Но Пахомову уже заго-

товлена доля профессора Персикова из булгаковских «Роковых яиц» -- доля застрельщика, который виноват в глазах толпы лишь тем, что в обманчиво благополучном начале заварухи оказался, пусть на краткий миг, ближе всех к этому началу. И до боли обидно за то, какими типичными в итоге оказываются в своих действиях и толпа, и интеллигент: не окликнул – не остановил, всполошились – случайно убили, почуяли вкус – захотели ещё... Тут бы и поверить в хаос, проповедуемый Антоном, да какой же это хаос, когда одно и то же повторяется из века в век? Снова начинается с невинной жертвы, как с аперитива перед жертвой ложно обвинённой. Снова преступление толпы оправдывается отсутствием индивидуальных виноватых. И не спастись предновогодними морозами: тот враг, что сидит внутри и втягивает тебя в толпу, в отличие от гигантских змей и кошмарных цыплят величиной со страуса, холодов не боится.

«Да нешто нет у вас мечты, чтоб без злобы, без тщеты, чтоб одна на всю Расею от Калуги до Читы?» – с горечью восклицал Федот-стрелец в одной из телепостановок по мотивам бессмертного Филатова. По Бенигсену получается, что нет. Никакого катарсиса, никакого разрешения конфликта. Дамоклов меч, едва упав, снова заботливо подвязывается к потолку. Итоговой декламации 31 декабря тоже нет, хоть её и ждёшь не меньше чем проходящегося на тот же день праздника. И вот этот неизменно отрицательный ответ на вопрос Федота – такого же, кстати, мужика, как большеущерцы, точно так же не любящего, когда царь-сморчок-башка-с-кулачок ставит над ним неважно с какой целью эксперименты – изрядно мне надоел. Постсоветский пессимизм перестал походить на умудрённость опытом и стал смахивать на банальнейшее недостойное нытьё. При всей талантливости и неизбываной правдивости «ГенАцида» автору не хочется посоветовать ничего иного как бросить пить – вслед за погубившим Серикова Чеховым, посоветовавшим это разочарованному в жизни Бунину. Только в этом случае можно не только обнажить трагедию, но и найти пути к её преодолению.

(Назар Кротов)

***

Думаю, сказать, что автор в своих картонных, макетных Больших Ущерах пытался «показать хотя с одного боку всю Русь», будет не слишком спорно. Заботясь о читателе, он уже в прологе раскрывает карты: «Иной фрагмент может поведать об общей картине гораздо больше, нежели самое необъятное живописное полотно». Автор вообще выражается предельно ясно и откровенно. Так, повесть начинается с настраивающего на совершенно определенные ассоциации названия «ГенАцид». Что же за трагедия, что за массовое истребление произошло в Больших Ущерах, и почему оно не получило достойного внимания и огласки, но просто «растаяло» без следа, без последствий?

Дело Больших Ущер растаяло, как и сами Большие Ущеры, которых на самом деле никогда не существовало. Эти затерянные «северорусские бермуды» просто унесло ветром, как дымок. Картонные декорации изолированного от внешнего мира населенного пункта замело снегом, метелью. Он мелькнул, как мираж в пустыне, и растаял бесследно. Интересно, а что будет с повестью Бенигсена?

Что представляет собой феномен большеущерцев? Начнем с того, что, как и во всяком классическом романе, мы видим предельно четкую систему персонажей, расположенную в строгом иерархическом порядке. Это не Бог весть какая новость для русского человека, что с незапамятных времен люди делятся на тех, кто отдает приказы и тех, кто эти приказы выполняет. А человеку, живущему в России и немного знающему ее историю, вдобавок к этому известно, что с некоторых пор образовалась в нашем обществе некая «средняя» прослойка, к которой кого только нельзя отнести.

И вот перед нами «исполнители» приказов. Большеущерская народная толпа, настоящая масса, которая без предводителя, без «перста указующего» остается киснуть в щедринской праздности, апатии, пьянстве, бардаке, в абсолютно бессмысленном, бездумном существовании. Любая деятельность

большеущерцев не имеет ни цели, ни дохода, ни начала, ни конца, это непрекращающаяся пьяная, хмельная, бессмысленная возня. Они начинают активизироваться, повинуюсь только нелепейшим спонтанным позывам и чистым биологическим потребностям. Их «бессмысленный и беспощадный бунт» нуждается только в более-менее доступном объекте и в команде «фас». Конечно, есть в этой системе и предельно крайняя точка обобщения, «лицо» коренных большеущерцев – Гришка-плотник, один из самых харизматичных «героев», заражающий читателя своим куражем, угаром. Это настоящий русский мужик, из каких, наверное, и складывалась «дубина народной войны». Именно в его уста автор невероятно метко вкладывает способность говорить на великом и могучем русском языке, «удивительно напоминающем классические русские пословицы».

«Средняя» прослойка, более разнообразная, трудносводимая к обобщению, представлена как галерея характерных лиц. Прежде всего, это Антон Пахомов, не коренной большеущерец, но этакий образцовый московский интеллигент, защитивший в свое время диплом с неслучайной темой «Центростремительная сила хаоса и его мифотворческая логика», который вызвал бурную реакцию публики и массу дискуссий среди преподавателей и студентов. В Больших Ущерах Пахомов встретил Нину Егорову. Любовь вспыхнула быстро, «как в романах». К тому же Нина оказалась деловитой и вместо неопытного Пахомова взяла инициативу в свои руки. И вот они вдвоем вступили на путь к общей цели, смотря в одну сторону, героически не давая кануть в лету мельчайшим фактам истории. Конечно, миссия их закончилась в том месте, где Антона погребла под себя большеущерская революционно-агрессивно настроенная толпа. Другой персонаж – Поребриков, которому на свою беду дана сила, ловкость, смекалка и жажда деятельности, но, увы, не дано «среды», в которой все это могло бы пригодиться. А ведь энергию и страсть свою куда-то прикладывать надо: вот он и прикладывает – себе и другим устраивая проблемы, разбавляя их серые будни.

Мы видим «благородного дикаря» – иноверца и иноплеменника Мансура с дочкой, которого большеущерцы не выталкивают как инородное звено только потому, что он не превосходит их в рвении в религии и труде. А по сути, только до тех пор, пока нет повода.

Мы видим примечательного Серикова, которому дают книжечку Чехова и напутственное слово: «Покажи пример гражданской сознательности». На беду, после Чехова в Серикове просыпается не только гражданская, но и личностная сознательность. Как некий Лаевский, Сериков вдруг узрел весь трагизм своей никчемной, бесплодной жизни.

И вот над этим большеущерским бардаком раскинулась настоящая сеть государственной власти, которая единственно способна хоть как-то удерживать своих подчиненных от само- и всеобщего разрушения. Какие у власти методы для этого? Правящим кнутом ее является слово. Слово власти – не просто закон, это нечто непререкаемое. Это однонаправленная коммуникация, чистый императив. Большеущерцы же из своей заснеженной, затерявшейся деревни не говорят ничего. Они лишены не только возможности, но и способности к слову.

И вот здесь Бенигсен решает добавить повести сливок, скатывая в один клубок едва ли не самые напряженные, самые нестабильные, притягательные и неразрешимые феномены русской жизни: власть, литература и русская национальная идея. С этих сливок и начинается действие повести: власть решает объединить русский народ посредством литературы. Она не противоречит себе, даже не делает ничего нового, потому что сущность метода не меняется: власть снова подчиняет словом. Схема простая, но очень вкусная.

Что дальше? Да, попытка оказалась неудачной, но и Большие Ущеры не существуют, это просто гипотеза, просто эксперимент. И читатель смотрит на этот эксперимент с не меньшим интересом, чем исследователь-автор.

Где-то мы уже все это видели... «Показать хотя с одного боку всю Русь» – знакомо. Объединение русского народа через общую националь-

ную идею? Чернышевский? Чехов? Лесков? Пушкин? Толстой и Достоевский, которых путают с фантастическим Гришкой-плотником? А зачем все это? Зачем автор собрал весь изюм принципиально чужого, не своего, но при этом самого узнаваемого, самого характерного российского бытования и смешал в одну гремучую смесь? Знал ведь, чем брать – и, самое главное, получилось! В самом деле, нельзя же обвинить его за излишнюю простоту замысла и выражения, пропорции соблюдены, банальности нет. А сатира, ирония и сарказм современного циничного читателя берут лучше всего – чем больше и злее, тем лучше. Знал, чем брать.

История представлялась Антону «замкнутым кругом», «лишенным всяческой логики и смысла». История учит тому, что никто никогда ничему так и не научился. Мы ходим по одним и тем же дорогам, делаем одни и те же ошибки, остаемся неизменными, как двести, триста, тысячу лет назад. Пытаемся решить вечно повторяющиеся вопросы сущностно одинаковыми способами. Наверное, надеясь на то, что когда-нибудь «а вдруг получится?».

Вот и эта повесть – такая же часть истории, не дающая никаких уроков, а только заставляющая еще разок пройтись по уже знакомым пунктам. Потом подумать «Боже, как верно написано, ведь в самую точку попал!». И забыть подробности. И все опять сначала. Раз за разом.

(Яна Баженова)

***

Роман «ГенАцид» был опубликован в 2008 году в журнале «Знамя», получил премию «Лучший дебют года». Что же собой представляет «ГенАцид»? Человек, впервые услышавший такое название, подумает о том самом геноциде, который так часто упоминают с экранов телевизора. Человек, впервые прочитавший такое название, начнет искать, в чем же здесь подвох. Подвох, действительно, есть и заключается он в том, что «ГенАцид» – «это

генеральная национальная идея», суть которой состоит в «сохранении русского литературного наследия».

Итак, перед нами деревня «Большие Ущеры», или «Большие Пещеры», как ее называет один из второстепенных персонажей. Впрочем, и без этого пояснения во время чтения на ум приходят именно «пещеры» с неразвитыми аборигенами, которые, играясь с кремнем, случайно сжигают свой лес. Роман начинается весьма тривиально: «О трагических событиях, что легли в основу этого рассказа, сейчас мало кто помнит». «Событиями» является не что иное, как приказ президента, согласно которому каждый житель страны должен выучить какое-то произведение русской литературы и сдать экзамен специальной комиссии из районного центра. Народ особо не возмущается, но и не радуется, почти все жители приняли новость как неизбежность. Но, как говорится, «заставь дурака Богу молиться, он лоб расшибет», и жители «Больших Ущер» являются наглядным примером данной поговорки. Неприятное, на первый взгляд, задание превращается в главное развлечение деревни: они пьют, читают Чехова и рассуждают о поэзии. Закончилось все согласно другой народной мудрости: «Начали за здоровье, закончили за упокой». Все-таки, народная мудрость бессмертна. Как и национальное литературное наследие.

Честно признаться, я до последнего ждала другой финал. Слишком надуманно-гротескно закончилась эта книга. Нет сомнений в том, что автор пытался воплотить в жизнь слова А. С. Пушкина о том, что «русский бунт бессмысленный и беспощадный», но в тот момент, когда была дочитана последняя строка, мне стало нестерпимо противно. От того ли, что народ, который когда-то бунтовал ради своей свободы, теперь бунтует... ради чего? Что В. Бенигсен хотел сказать читателю? То, что русский народ указам неподвластен и любая попытка столь нелепых и насильственно насажденных реформ приведет к трагичным последствиям? Или В. Бенигсен писал не для среднестатистического читателя, а как раз для «верхушки» государства, пытаясь показать, что народ, каким бы он ни был, является силой, способной

действовать в своих интересах даже в том случае, когда на ногах не стоит от опьянения?

Марк Липовецкий назвал В. Бенигсена талантливым, сравнил его с Зощенко, а идею «ГенАцида» охарактеризовал как «глобальную». Доктор филологических наук Борис Ланин сказал, что «автору не хватает ни мастерства, ни чувства юмора, ни воображения», что он «неумелый, языком владеет плохо, чувство юмора отказывает слишком часто, чтобы его текст стал настоящим читабельным романом». Почему-то ни Б. Ланин, ни М.Липовецкий не заметили главную особенность этого текста. Всеволод Бенигсен элементарно не удосужился перечитать свою работу. По всей видимости, этого не сделали ни редактор, ни люди, которые дали ему награду. В главе 14 есть замечательный эпизод, в котором «дядя Миша собрал у себя дома десяток-другой односельчан с целью проведения очередной читки» и который закончился массовой дракой. Участницей драки была и беременная «Катька-почтальонша», от которой «жена Степана отбивалась своей «Войной и Миром». И все бы ничего, но в главе 18 Танька, подруга Катьки, которая тоже учувствовала в драке, «провела указательным пальцем по красной полоске над переносицей и с какой-то глупой гордостью добавила: «На читке у дяди Миши шкрябнул кто-то. Позавчера. Слыхала?». По логике должна была слышать, ведь в 14 главе она вступалась за Таньку. Но глава 18 дает нам другую информацию – «Катька после читки у тетки Агафьи никуда не ходила». Как можно назвать подобную неувязку в сюжете? Даже не знаю. Как можно назвать автора, который настолько плохо знает свой текст, что допустил такой промах? Как угодно. Только не автор.

По признанию самого В.Бенигсена, без протекции своей знакомой Марины Давыдовой, которая работает театральным критиком, «попасть в этот книжный бизнес» у него бы не получилось.

(Ульяна Скрипникова)

***

Русская классика, чтоб её – два проклятущих вопроса

«кто виноват?» и «что делать?»

Роман Всеволода Бенигсена «ГенАцид» вышел в 2008 году. Даже по прошествии семи лет он остается актуальным. «Большеущерский синдром», как лакмусовая бумажка, показывает те проблемы, которые существовали в России в прошлом, существуют сейчас, и, кажется, будут существовать всегда.

В романе идет речь о том, что правительство решило провести эксперимент над населением маленькой деревушки «Большие Ущеры». Предполагалось, что всеобщее погружение в литературу сплотит народ. К сожалению, план провалился.

На мой взгляд, в этом произведении автор ставит перед собой цель показать, к чему могут привести эксперименты над людьми. В романе «ГенАцид» таким экспериментом стала «Государственная единая национальная идея».

«... зубрежка текста оказалось занятием настолько увлекательным, что постепенно перешла из категории “наказания” в категорию “развлечения”, оттеснив собой всякий прочий досуг». Но вскоре становится понятно, что этот эксперимент обречен на провал. Никто из деревни не понял суть идеи: *«Стало ясно, что народ в зале ничего не понял, потому и безмолвствовал».* Развлечение перерастает во вражду, а вскоре и в «восстание». Для людей, которые всю жизнь жили размеренной, повседневной жизнью, никогда не задумываясь об искусстве и вообще об эстетике, это погружение в литературу стало тяжелым испытанием. Им предлагалась не легкая для понимания литература, а насыщенная глубоким смыслом, иногда тяжелая для прочтения.

В этом романе всё преувеличено, начиная с героев заканчивая финалом произведения. К самым ярким представителям деревни можно отнести ис-

торика Антона Пахомова, который является «вершителем судеб» в эксперименте, «...явно ощущая себя в тот момент Творцом, вдыхающим жизнь в мертвые тела большеущерцев».

В финале, как и ожидалось, читатель видит провал идеи. Народ узнает правду, поджигает библиотеку: *«Огонь полностью охватил все здание. Горели пыльные полки, горели пионеры-герои. Горели газетные подшивки и русская классика. Огню ведь все равно, что жрать – литературное достояние или вчерашнюю газету. Он, как и хаос, его породивший, всеяден».*

Я нахожу неубедительность конца романа в той жестокости, которую проявляют жители деревни. Этот эксперимент породил настоящий бунт против посягательства в личное пространство людей. Эта масса не пощадила никого! Чем им помешала собака, которая только хотела поприветствовать их? Таджик Мансур, который защищал свою дочь и себя, а он в чем виноват? Я уже не говорю об историке Антоне Пахомове, который всего лишь выбивался из ряда необразованных. В конечном итоге, жители деревни «Большие Ущеры» совершили настоящий геноцид. Поразило то, что все остались безнаказанными. С одной стороны, это отражает ситуацию, в которой мы живем, но так хотелось получить хоть какую-то положительную эмоцию в конце.

После прочтения финала романа, вспомнилась цитата А.С. Пушкина из «Капитанской дочки»: *«Не дай Бог увидеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный».*

«Русская классика, чтоб её – два проклятых вопроса “кто виноват?” и “что делать?”». На мой взгляд, виновато правительство, потому что любые кардинальные перемены в обществе надо начинать с малого. Что делать нам? Здесь ответ простой: прежде всего, оставаться человеком.

(Алена Крапивина)

Наши авторы

Алексеева Алина Алексеевна, канд.филол.наук, ассистент кафедры истории культуры НГУ (г.Новосибирск). E-mail: alina.alexeeva@gmail.com

Баженова Яна Вячеславовна, студентка отделения филологии и журналистики СФУ. E-mail: 54955594@mail.ru

Биктимиров Владислав Эдуардович, студент отделения филологии и журналистики СФУ. E-mail: v.e.biktimirov@yandex.ru

Бочкова Алина Сергеевна, студентка отделения филологии и журналистики СФУ. E-mail: vidaboshkova@mail.ru

Быльцова Марина Владимировна, студентка отделения филологии и журналистики СФУ. E-mail: paulie2828@gmail.com

Герасимёнок Яна Геннадьевна, студентка отделения филологии и журналистики СФУ. E-mail: annarenar@mail.ru

Говорухина Юлия Анатольевна, д-р филол.наук, проф. кафедры русского языка, литературы и речевой коммуникации СФУ. E-mail: yuliya_govoruhina@list.ru

Глазкова Юлия Вадимовна, студентка отделения филологии и журналистики СФУ. E-mail: yuliaglazkova96@mail.ru

Гущина Мария Сергеевна, студентка отделения филологии и журналистики СФУ. E-mail: mary_gro@list.ru

Дун Хайтао, магистрант отделения филологии и журналистики СФУ. E-mail: dongxtao@mail.ru.

Киселева Софья Сергеевна, студентка отделения филологии и журналистики СФУ. E-mail: sonyakiseleva@bk.ru.

Крапивина Алёна Алексеевна, студентка отделения филологии и журналистики СФУ. E-mail: kra-nyonya@yandex.ru

Кротов Назар Иванович, студент отделения филологии и журналистики СФУ. E-mail: naathir-bada-cjs-2ob-arc-etc@yandex.ru

Мануилова Анастасия Евгеньевна, магистрант отделения филологии и журналистики СФУ. E-mail: nastyamanuilova@yandex.ru

Махракова Марина Ивановна, соискатель кафедры стилистики и риторики Кемеровского государственного университета. E-mail: mari-shik24@mail.ru

Молодых Дарья Александровна, студентка отделения филологии и журналистики СФУ. E-mail: leprekot@gmail.com

Крикливая Полина Вячеславовна, студентка отделения лингвистики СФУ. E-mail Pollyloud@mail.ru

Поддубняк Анастасия Александровна, студентка отделения лингвистики ИФиЯК СФУ. E-mail: mihdaru@yandex.ru

Скрипникова Ульяна Александровна, студентка отделения филологии и журналистики СФУ. E-mail: skripkaual402@gmail.com

Стасишина Юлия Михайловна, студент отделения филологии и журналистики СФУ. E-mail: juliest0704@gmail.com

Степанова Василина Андреевна, аспирант отделения филологии и журналистики СФУ. E-mail: burivouh@mail.ru

Ступакова Елена Юрьевна, студент отделения филологии и журналистики СФУ. E-mail: ElenaLana4ka14@yandex.ru

Тахавеева Юлия Вакильевна, магистрант Института филологии и языковой коммуникации СФУ. E-mail: juliana.86@mail.ru

Тихонова Марина Николаевна, студент отделения иностранных языков СФУ. E-mail: maritikhon@gmail.com.

Толстоноженко Оксана Алексеевна, студент отделения филологии и журналистики СФУ. E-mail: t_oksa@mail.ru

Тургиников Егор Викторович, студент Института истории и права Хакасского государственного университета им. Н.Ф.Катанова (г.Абакан). E-mail: alexmoonlight102@gmail.com

Уварова Ольга Александровна, студент отделения лингвистики СФУ. E-mail: olya-ua57@hotmail.com

Финогенко Ольга Валерьевна, магистрант Института филологии и языковой коммуникации СФУ. E-mail: Finogenko@mail.ru

Шарова Мария Константиновна, аспирант кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации СФУ. E-mail: mary.sharowa@gmail.com.

Шипилова Мария Викторовна, студентка отделения филологии и журналистики СФУ. E-mail: shmv13m@yandex.ru

Яночкина Полина Игоревна, студентка отделения филологии и журналистики СФУ. E-mail: apollinariya2209@yandex.ru